ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 7

ИЮЛЬ

1936

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Голубой берег

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы познакомились с агрономом Петром Анисимовичем Коротковым в маленьком горном поселке, на рубеже Ферганской и Алайской долин. Этот удивительный человек рассказал нам о стране гор больше, чем дал бы нам десяток книжек. Мы не сумеем здесь передать и десятой части того, что мы слышали в маленькой чайхане длинными вечерами, когда на огонь летели мошки и с холмов приходил запах травы, влажной от тумана.

Это были общие беседы за чашкой чаю. Из них составился настоящий рассказ об одном путешествии агронома по Алайской долине, у порога которой мы теперь сидели. Слушая его, мы смотрели на темную стену хребта, казавшуюся ночью ближе, и думали о стране гор; она поднималась за плечами агронома, она стояла совсем рядом, как бы придвинувшись, чтобы послушать. Там, за холодными высотами, покрытыми сейчас снегом, начинается мир узких тропинок ледяного ветра, головокружительных карнизов, альпийских лугов — мир горного человека.

Это целая страна, с аулами, горными городами, отдельными областями и районами; сейчас же за хребтом лежит Алайская долина, потом еще выше — Каратегин, Дарваз, Шугнан, Бадахшан, Гиндукуш — преддверие Индии, хаос долин, горных кряжей и пиков. Это удивительный угол нашей страны, полный своеобразия.

Люди населяют эти места так редко, что многие дни можно ехать по диким тропинкам, не встретив ни одного человека.

Алайская долина лежит на высоте трех тысяч метров. Когда в Фергане уже сеют хлопок, там еще стоит зима. Жизнь людей и растений здесь сурова. По долине мчатся жестокие ветры.

Но это вовсе не мертвый край. Здесь могут произрастать неисчис[...]ства. Природа долины исполнена многообразия: тут есть тундра и альпийские луга, песчано-каменистые пустыни и богатейшие пахотные поля; ковыльные травы могут дать пищу многотысячным стадам. Алайская долина — родина диких клеверов. Старинные арыки когда-то орошали тысячи гектаров плодородных пшеничных полей. Сорта растений горной Абиссинии могут хорошо расти тут. Суровые условия борьбы выработали у здешних растений твердый характер и большую силу. Даже капуста здесь выдерживает 18 градусов холода, когда обычная капуста мерзнет при пятишести.

Нам хочется передать рассказ Петра Анисимовича об одном агрономическом предприятии его опытной станции. Опытный пункт научно-исследовательской станции Академии сельскохозяйственных наук был создан в одном небольшом кишлаке Алая для работы над замечательной задачей — оживить заброшенные поля Алайской долины. Прежде всего здесь нужно было исследовать местные сельскохозяйственные культуры, помочь населению посеять новые культуры, выработать морозоустойчивые и быстро созревающие сорта в этом опорном пункте долины.

Это простой разссказ о том, как агрономической экспедицией была вывезена из Алайской долины в Каратегин партия семян гималайского ячменя и обратно из Каратегина были доставлены семена пшеницы. Путь экспедиции был труден. Он сопровождался событиями, которые могут показаться несколько необычными.

В Алайской долине тогда кончалась зима. Внизу на полях лежали мокрые снега. Сверху ветер нес пургу. С окружающих долину хребтов с грохотом падали вниз весенние обвалы.

Ю. ТУШКАН.
М. ЛОСКУТОВ.

Голубой берег

Повесть Ю. Тушкана и М. Лоскутова

Рисунки Б. Винокурова

Часть первая. Кишлак Кашка-су

КАРАБЕК

— Ай, черная большая лошадь, замечательный конь по фамилии Алай, ай-ай-ай! О, превосходная собака. О, верный следопыт! Ай, длинный караван, о-о-о!

... Вдвоем с переводчиком Карабеком мы ехали в Кашка-су. Это далекий район, прилегающий к китайской границе. В те времена он был почти оторван от советской жизни. Стоял февраль. Наш караван шел много дней в полном одиночестве среди белого пространства, переправляясь через реки и глубокие снега.

Впереди ехал на верблюде Карабек, смуглый молодой киргиз. За ним—я на своем огромном вороном коне по имени Алай. За нами степенно шагали як — горный бык по прозвищу Тамерлан — и два верблюда с грузом. Неорганизованно бежал лишь пес Азам, он же шайтан-собака; громадная взлохмаченная его голова то мелькала спереди, то появлялась неожиданно где-то сбоку, среди белых нагромождений горных склонов.

— Ай, черный пес, ай, шайтан-собака, ай-ай-ай! — пел Карабек, качаясь на своем верблюде.

Это был невозмутимый человек — мой друг и помощник Карабек, он очень любил петь песни. Он пел обо всем, что видел и о чем думал. Он не мог прожить полчаса, чтобы не петь, и я думаю, что если бы ему запретили петь, он бы умер. Когда ему не хватало материала для песен, он находил его с удивительной изобретательностью. Иногда докладывая мне о каких-нибудь делах, он чувствовал, что проза в его жизни слишком затянулась; тогда он начинал подпевать. «Ай, ай, товарищ начальник,—выводил он, — вот как я вернулся из кишлака Ак-су. Ак-су, Ак-су, Ак-су! Су-у-у...» Сперва это сердило меня, потом я привык и махнул рукой. Это был славный товарищ, бывший красный партизан и хороший работник, «человек, который видел

шайтана, и его детей, и многих других его родственников»,—как говорил он.

Мы ехали в дикий район, в места, которые редко посещал кто-либо, кроме местных киргизов, в кишлак, о котором поговаривали как о притоне контрабандистов. Белые склоны гор, покрытые снегом, стояли по обеим сторонам тропы. Ущелье поднималось вверх, оно становилось все уже, и скалы вырастали по сторонам. Они висели над нами причудливыми фигурами. Было тихо. Лишь иногда внезапно среди безмолвия ущелий, словно отзвуки выстрелов, возникали какие-то отдельные грохоты и гулы обвалов и заставляли нас вздрагивать. Черный пес Азам бежал теперь смирно по тропе, время от времени останавливаясь далеко впереди, то и дело прислушиваясь и вопросительно оглядываясь на нас.

Карабек тянул какие-то фразы, в которых русские слова мешались с киргизскими. От нечего делать я прислушивался к его бормотанью.

— А-а-а, у-а...—тянул он.—Азам, адам, шайтан. А-а, что ты смотришь, черная собака? А я знаю, что ты хочешь сказать. Вот жили-были на свете несколько друзей: один большой начальник-агроном товарищ Кара-Тукоу; один небольшой проводник Карабек, три старых верблюда, один бык, один лошадь Алай и еще один большая черная собака-шайтан по фамилии Азам. Вот поехали они все вместе в кишлак Кашка-су. А там был очень дикий и страшный район. И собака говорила, и переводчик Карабек говорил, и многие перед тем говорили начальнику: «Не надо ездить в Кашка-су; там живут плохие киргизы, там вас встретят контрабандисты и разбойники. Они вас убьют: и начальника убьют, и Карабека убьют, и лошадь убьют, и трех верблюдов, и быка, и шайтан-собаку!

Мне надоели всеобщие опасения. Да и сам я уже начал подумывать: хорошо ли кончится эта поездка? Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, я разглядывал боковые ущелья, открывающиеся по сторонам вершины скалы, над которыми крутились черные птицы. Но ухо невольно прислушивалось к песне и следило за развитием фантазии Карабека. Я знал, что он вовсе не трус и пойдет со мной куда угодно, но я также знал, что останавливать «пение его мыслей» бесполезно.

— А-а-а, и вот сказала тогда собака, и Карабек сказал, и все тоже сказали начальнику: «Нам, конечно, наплевать, и мы все поедем, но нас убьют как сурков». И все семеро поехали. Ехали-ехали-ехали-и-и-и. И впереди бежала одна собака. А-а-а... Она изображала из себя командира, потому что у нее было много гордости, у этой собаки. И вот убежала она очень далеко от каравана, свернула в ущелье, и вдруг — хлоп! — навстречу бандиты. «Стой, кто такие?» — спрашивают они собаку. «Мы,— отвечает она важно,— агрономическая экспедиция из Дараут-Кургана, едем обследовать кишлак Кашка-су». «Так вот тебе за это!»—и схватил ее за хвост, но она рванулась и убежала без хвоста. Помчалась назад, к своим, свернула в одно ущелье — нет их, в другое — нет, в третье— нет. Нет, нет, нет, не-е-ет... Осталась она бежать без хвоста и без товарищей. Вот, значит, убежала она и заблудилась. Села она и заплакала. Она плакала так: а-а-а-а, у-у-у, оу-оу-оу-у-у...

Пес словно понимал песню Карабека. Боясь заблудиться, он то и дело останавливался и поджидал нас. Впереди не было видно никакой тропы. Снег становился глубже, бедная собака зарывалась в нем по грудь и тяжело дышала от усталости.

Мы поднялись на какую-то равнину. Началась пурга. Троп не было. По всем нашим расчетам, мы давно уже должны были достигнуть кишлака. Может быть, мы заблудились? Может быть, прошли верховья рек и перевалы? Наступающие сумерки и густо повадивший снег закрыли все окружающее непроницаемой завесой. Не было видно вдалеке ни гор, ни неба, ни дороги.

С трудом пройдя еще немного по равнине, мы остановились. Снег завалил всякие следы пути. Дальше идти нельзя было. Где мы находимся: в долине, на плоскогорье или в ущелье, — неизвестно. Собрав верблюдов в кучу, чтобы не растерять их среди пурги, мы легли на кошму под прикрытием их тел. Азам лег рядом с нами на кошму, положив мокрую морду на лапы и ворочая черными глазами.

Стемнело, но пурга еще не улеглась. Ветер становился сильнее. Не из чего было разложить костер. Растет ли что-нибудь на этой проклятой равнине? Карабек встал, чтобы поискать под снегом какие-нибудь стебли, и сразу исчез в пурге. Азам тоже вскочил с кошмы и беспокойно посмотрел на меня, но потом опять лег прислушиваясь.

Устроив навес из двух кошм, я взял лопату и отправился за стеблями. Азам побежал за мной, то исчезая во тьме, то снова появляясь возле моих ног. Полчаса я

копался в снегу, но удалось мне напасть лишь на один сухой куст и несколько тщедушных корешков прошлогодних растений. Когда я вернулся к верблюдам, Карабека еще не было. Пес беспокойно смотрел во тьму. Тогда, думая, что Карабек сбился с пути, я дал знать Азаму, и он начал лаять, ощетинив шерсть.

Сквозь свист ветра мы услышали какой-то шум: нето шаги, нето голос. Наконец, до нас донеслось бормотанье: «Ай, какая хорошая жизнь... Солнце светит, и птички поют. А я себе хожу и собираю палки...» Это пел Карабек.

ШАПКА ИЗ КУНИЦЫ

Однако положение наше было отчаянным. Собранных нами жалких веток было недостаточно для костра, который мог бы устоять под ветром.

Я знал страшные свойства здешней метели. Стоять на месте мы не могли по двум причинам: за ночь наш несчастный караван покрыло бы снежной пеленой в несколько метров толщины; и второе: такой холод мог бы выдержать только як. Даже лошадь в подобных условиях неминуемо погибает.

Но двигаться мы не могли. Страшная усталость и сон одолевали весь наш караван.

Животные кое-как поплелись вперед. Я шатался на лошади, думая, что же будет дальше. Неожиданно я задремал, не знаю, надолго ли. Меня пробудил громкий лай Азама.

В первую минуту я успел заметить только, что ветер стал тише, снег больше не шел, высоко над нами в темноте сверкало несколько звезд. Собака бросалась всторону, рычала и лаяла. Мы почувствовали внезапно близкое присутствие кого-то чужого, схватились за оружие и сейчас же услышали голос:

— Спокойнее, подержите свою собаку.

Из темноты появился высокий мужчина в ватном халате, с ружьем за плечами.

— Солом алейкум, здравствуйте,— сказал он, подойдя ближе, когда я успокоил Азама.

Карабек уставил ружье на пришедшего. Это был пожилой мужчина, толстый киргиз с черными усами. На голове его была шапка из куницы, из-под халата виднелась рыжеватая сурковая куртка. Борода его была запорошена инеем, с усов свисали ледяные сосульки.

— Опусти ружье. Киргиз-скотовод ехал из кишлака Кашка-су в Дараут, увидел издалека вас, думал: сбились с дороги.

Он говорил по-русски чисто, но с трудом подбирал слова.

— А мы...

— А я знаю, что вы агроном и едете в Кашка-су. Вы хотите сеять здесь пшеницу. Ваша фамилия Коротков. Лошадь вашу звать Алай...

Я поразился: откуда все это было известно, если я умышленно никому не говорил о предполагаемой поездке в Кашка-су?!

— Здесь сами горы говорят, — сказал киргиз улыбаясь, — человек едет, а перед ним молва летит...

Мне показалось сначала подозрительным, да и просто необыкновенным его появление здесь одного, да к тому же без лошади. Я хотел расспросить его, но он, сделав нам знак рукой, зашагал в ту сторону, откуда появился. И тут сквозь начинающий бледнеть мрак ночи я увидел далеко посреди долины темную группу скал, под прикрытием которых стояла лошадь.

Очевидно, киргиз заметил всторone нашу стоянку, или услышал возню верблюдов, или еще по каким-то признакам, одному только местному старожилу известным, почуял нас. Я подумал: какую нужно иметь для этого остроту чувств, выработанную жизнью среди дикой природы гор и пустынь!..

Наш караван под'ехал к стоянке толстого киргиза. Азам все еще ерошил шерсть и рычал на чужую лошадь. Мы спешились и сели на кошму.

Киргиз в шапке из куницы внимательно осмотрел нас.

— Я вам вот что хотел сказать. Вы едете в такой кишлак...

— Где нас убьют, знаю, знаю, зарежут и повесят, — прервал я смеясь.

— Изжарят на бараньем сале и продадут китайским купцам, — добавил Карабек.

— Нет, нет, нет, — сказал киргиз, — я совсем не то хотел сказать. Никто вас там, я думаю, не тронет. Да к тому же из тебя немного получишь сала, молодец, — засмеялся он, ткнув пальцем в Карабека.

— Ой, зато из тебя, дорогой, вышел бы хороший плов.

— Ай, это не жир, это мозоли на теле. Я сорок лет работаю как верблюд, — покачал головой киргиз. —Я вам хочу сказать: ходите осторожнее по земле. Вы

люди умные, присмотритесь в кишлаке и увидите: есть хороший человек и есть плохой человек. Нас очень далеко занесло от тех мест, где люди хорошо живут. У нас дикое место, глухое место...

Мы подняли верблюдов. Рассказав нам о дороге, киргиз добавил, что к полудню мы будем в Кашка-су.

— Впрочем, вот что, — вдруг заявил он, оседлав коня. — Я вас провожу до места...

Начинался рассвет.

Перед нами вдруг заискрились мириады снежинок на бесконечной плоскости среди белых снеговых склонов. Мы надели черные и синие очки-консервы. Азам отряхнулся, весело замахал хвостом и снова побежал вперед.

— Концерт продолжается, — сказал Карабек фразу, подцепленную в Ташкенте и очень понравившуюся ему: «Иконсерт» выговаривал он, выпячивая вперед губы.

СМЕШНОЙ КИШЛАК

Действительно, немного позже полудня мы были уже в Кашка-су.

Киргиз соскочил с коня и сказал: «Теперь в конце кишлака вы сами найдете кибитку аксакала и председателя совета». Потом он исчез куда-то.

Мы зашагали среди кибиток.

По обеим сторонам улички стояли киргизы, старые и молодые, они подходили к нам, бесцеремонно осматривали нас и даже ощупывали поклажу.

Это были люди пограничного кишлака, в ярких одеждах, представлявших собой пеструю смесь: тут были одежды киргизов, кашгар, дунган и других народов. Женщины носили тюрбаны, широкие шаровары, на некоторых были надеты пестрые платки, много бус, тяжелые китайские украшения. У иных киргизов из-под халатов выглядывали синие рубахи дунганского покроя. Какой-то старик с женским платком на голове кривлялся и кричал, показывая на нас палкой.

Расталкивая толпу локтями, к нам пробрался киргиз маленького роста, с лицом, с'ежившимся от бесчисленных морщин, с длинной и жидкой бородкой, напоминавшей пучок сухой травы на пригорке. Он шел, протягивая руки вперед.

— Здравствуйте, я Барон,—сказал он,— я Барон, член сельсовета и кандидат партии...

Он отвел нас в кибитку одного из стариков, белобородого человека, с лицом, изъеденным оспой, словно в дырочках, в рваном халате и со слезящимися глазами. Старик пригласил нас в свою кибитку, и вскоре она вся наполнилась людьми. Посреди кибитки на полу горел костер. Мы уселись на землю вокруг костра. Молодежь стояла у входа и заглядывала в кибитку. Потом вошли еще несколько седобородых киргизов и, поздоровавшись, сели рядом с нами.

Некоторые из них брали катышки конского навоза и осторожно клали к костру, создавая как бы стену из катышков вокруг костра. Этим самым они показывали, что вкладывают свою часть труда в труд хозяина. Некоторые проделывали это с особой изобретательностью и трудолюбием, воздвигая из навозных катышков причудливые фигуры, нагромождая одни на другие; все это делалось с глубокомысленным видом.

Наконец, выпили по две пиалы чаю с лепешками.

Будучи знаком с обычаями, я не спешил сразу начинать деловые разговоры: это означало бы легкомысленную торопливость. Даже начав разговор, я не спешил переходить к делу: это свидетельствовало бы об отсутствии степенности и веры в успех. Мы толковали о всевозможных делах на земле и на небе, имеющих меньше всего отношения к нашей поездке. Старцы, сидящие у костра, витиевато отвечали, мужчины, стоящие и сидящие за их спинами, вежливо поддакивали, при этом мы испытующе оглядывали друг друга. Сквозь дым я различал все новые и новые фигуры людей, появляющихся в кибитке.

— Весна в этом году запоздала, — говорил я, — и в горах была слишком снежная зима. Все говорит за то, что пойдет очень много воды с гор...

— Если начальник приехал, чтобы своей болтовней сделать еще больше воды, то в самом деле можно будет утонуть, — сказал громко кто-то вошедший.

Это замечание вызвало шиканье и возмущенные возгласы одних, сдерживаемый смех и явное удовольствие других собравшихся. Вошедший же, казалось, не обращал ни на кого внимания. Он бесцеремонно протолкался вперед и стал греть над костром руки. Это был высокий мужчина со смуглым лицом, украшенным густыми усами и черными суровыми бровями. На голове его была черная баранья шапка, за-

В кибитку вошел Джалиль Гош.

ломленная назад. Через плечо, дулом вниз, висело ружье.

— Джалиль Гош, — заговорили в толпе, — Джалиль Гош опять пришел со своим характером.

— Помолчи-ка, Джалиль, — сказал Барон, член сельсовета, — ты всегда суешь свой язык куда не следует.

— Твой язык годится только, чтобы лизать пятки, старая крыса, — ответил Джалиль презрительно, — я бы его отрезал и выкинул кабанам. Подлизывайся: они приехали от твоей власти, из города...

Новый взрыв смеха покрыл его слова, но тут поднялись старики и закричали на Джалиля. Джалиль, сплюнув, снял с плеча ружье и, сев на корточки, принялся продувать дуло, ни на кого не глядя.

— Не слушай его, товарищ начальник,— шепнул мне Барон, — это вредный человек, бандит, и мы не знаем, что с ним поделать.

Подготовленное мною выступление было теперь испорчено. Я не знал, как выйти из замешательства. Наступило всеобщее молчание, во время которого я вытирал слезы, заливавшие мне глаза: такой едкий дым наполнял кибитку. Носовой платок мой был уже совершенно мокр.

Из неловкости всех неожиданно вывел Карабек. До сих пор он делал вид, что ничего не слышит. Сидя на корточках и рас-

качиваясь, он бормотал под нос какую-то песню. Вдруг среди общего молчания он запел так высоко и пронзительно, что получилось смешно и неожиданно. Раздался взрыв на этот раз всеобщего и дружного хохота.

— А, что тут смешного? Ничего смешного нет...— вскинул на них глаза Карабек и невозмутимо продолжал пение, так что все захохотали еще громче.

Это разорвало общую принужденность, и все заговорили, понемногу успокаиваясь и утихая.

— Открывай собрание... — толкнул Карабек Барона.

— Ну, вот что, довольно, — сказал Барон, вытирая смеющиеся среди прыгающих морщин глаза. — Тише, граждане. Теперь начальник расскажет нам о делах.

— Во-первых, я не начальник, — сказал я. — Я агроном. Все, что я скажу вам, вы можете слушать, можете и не слушать. Можете даже встать и уйти. Можете выполнять и не выполнять — это ваша добрая воля. Я только скажу вам все, что думал, не даром я проехал столько километров... Хотя много вам рассказывать нечего: вы сами почти все знаете, зачем я приехал сюда...

Я рассказал собравшимся о неиспользованных богатствах Алайской долины, о возможности развить тут богатые пастбища и посевы, о пользе ТОЗов (товариществ по совместной обработке земли), рассказал, как советская власть помогает этим ТОЗам людьми, деньгами и машинами.

Карабек фразу за фразой, слово за словом переводил мою речь, так как я не слишком свободно владел киргизским языком.

— Некоторые думают, может быть, что я вас буду заставлять вступать в ТОЗ насильно. Это не так, — говорил я.

— ... Заставлять вступать в ТОЗ. О, нет, нет,— повторял Карабек.

— Из такого ТОЗа будет мало пользы...

— Будет совсем, совсем очень мало пользы, — вторил тот, покачиваясь. Я даже боялся, что он сейчас запоет мои слова.

Беседа становилась слишком монотонной да и знал я, что из речей здесь большого толку не будет. Поэтому я понемногу перешел на общий разговор, в котором хотел выяснить интересующие меня вещи. Я стал спрашивать жителей кишлака об их жизни. Почему они не пасут скота? Почему не сеют?

Не помнят ли старики, когда еще тут обрабатывали землю? Что сеяли? Кто сеет сейчас? Дехкане получат всяческое поощрение. Их опыт очень нужен, и если они дадут часть своего ячменя для наших пробных посевов, они получат хорошее вознаграждение.

Наступило опять молчание, во время которого на костре шипела шавла — рисовая каша с жиром и молоком. Аксакал, хозяин дома, отец жены Барона, старик с дырявым лицом, шопотом ворчал на девушку, которая приносила вязанки полыни. Старик щипцами ловко подбрасывал сухие стебли в костер. Присутствующие сидели вокруг костра с совершенно бесстрастными, непроницаемыми лицами.

— Напрасно спрашивал насчет скота и урожая— сказал мне Карабек по-русски.— Все равно никто ничего не скажет.

Полынь перегорела. Подбросили новую охапку, и наступила минутная темнота.

Барон покашлял и, теребя свою жидкую бородку, начал говорить.

— Советская власть милостива,—сказал он. — Я сам советская власть. Но плохи наши степи: сухо, и воды нет. Кто что сеял раньше,—не знаем. Дед мой сеял. Отец уже не сеял. Я сею немножко ячменя. Снег кругом, камни, бедность. Пусть начальник едет назад и скажет, чтобы власть давала зерно, киргиз есть хочет, киргиз не умеет сеять. Я бедняк, все — бедняки. Баи были, заграницу ушли. Так и скажи: пусть пшеницу везут. Зерно пусть посылают, а то муку плохо везти. Не надо муки совсем...

— Правильно, правильно, не надо муки везти, — сказало несколько голосов.

— Пусть везут, — громко вдруг произнес огромный Джалиль Гош, насмешливо глядя на Барона.

Барон вскочил и опять сел, вздымая руки и крича:

— Ты ничего не понимаешь, Джалиль! Молчи ты, глупый! Не мешай собранию!

— Я все понимаю. Пусть везут муку,— упрямо и еще громче повторил Джалиль.

— Граждане, нам надоели выходки этого бандита! — закричал Барон. — Вывести его из собрания!

Все вскочили и подняли крик. Джалиль встал и угрожающе посмотрел на Барона. Тот толкнул его в грудь. Джалиль замахнулся прикладом, но между ним и Бароном встало несколько человек. Кто-то

впопыхах перевернул котел с кашей, и жир затрещал на углях.

В тот же момент Карабек сказал мне быстро, не оборачиваясь:

— Товарищ начальник, один молодой крадет мясо из твоего куржума-сумки. Не кричи, а так, тихонько, потяни куржум к себе.

Я подвинул куржум, пощупал его рукой, но мяса, вчера сваренного и уложенного там Карабеком, уже не было.

— Карабек, скажи: украли мясо, скажи: пусть отдадут.

— Не надо кричать, — ответил тот,— большой чатак — скандал получится. Все равно мясо — до свиданья...

Тем временем волнение и шум в кибитке улеглись. Джалиль Гош вскинул ружье на плечо и твердыми шагами охотника вышел из кибитки. За ним вышло еще несколько человек: им, видимо, уже прискучило зрелище собрания. Остальные сели.

— Концерт продолжается, — сказал Карабек. — Барон, открывай заседание сначала, только без кулаков. Если на каждом собрании будут драться, то в кишлаке скоро не останется населения, правда, а?..

Он усмехнулся и подмигнул собравшимся. И как раз в этот момент где-то в кишлаке раздались громкий выстрел и крик, потом еще выстрелы.

Все опять вскочили и выбежали из кибитки. Я тоже хотел пойти посмотреть, что случилось, но Барон остановил меня.

— Тебе не нужно выходить, товарищ начальник, — я лучше тебя знаю. Вы люди приезжие, сидите в стороне...

Я послушался его и не велел выходить Карабеку. Барон ушел.

— Вот какой смешной кишлак, — сказал Карабек, качая головой, разгребая угли костра. — Заседание не состоялось. Каша не состоялась. Мясо исчезло... Если нас ночью в самом деле зарежут, то я ни капельки не буду удивляться...

Когда мы остались одни, меня вдруг охватила страшная усталость. Глаза мои и раньше уже слипались от дыма и полусна. Тяжелая дорога, горный ветер, пурга, путь через снежную долину, ночной киргиз в шапке из куницы, собрание, Джалиль Гош, Барон, выстрелы — мелькали у меня в голове уже в каком-то туманном калейдоскопе. Я попросил Карабека привести собаку в кибитку и лег спать.

— Слушай, черная собака, как воет, плюет и кашляет что-то в горах. Очевидно, ты думаешь, что это ветер. Да, может быть, ты и права: ветер. А не может ли то быть Хан-Тенгри, царь духов? Вот он ходит по горам, в больших деревянных калошах на трех шипах, бродит по ущельям и бросает вниз огромные скалы?! А?.. Спит внизу кишлак. Или не спит? Может быть, киргизы сидят в кибитках и прислушиваются к разговору гор? Слушай, собака, слушай, черная собака, в эту ночь с гор спускаются тени убитых и неотомщенных родственников. Слушай в эту ночь в четыре уха: по кишлаку могут ходить еще всякие другие тени...

Было уже совсем темно.

Я проснулся от завывания Карабека. Он сидел на корточках, задумчиво глядя на костер. В его черных глазах отсвечивались огоньки костра. Угли догорели. Напротив Карабека лежал Азам, уткнув голову в передние лапы, он глядел на костер, поводя ушами при каждом шорохе.

«Вот мы опять остались вчетвером», — подумал я. Рядом, за кибиткой, время от времени тяжело ворочался мой конь Алай, и потом опять все умолкало. Только издали доносилось глухое завыванье. Началась метель.

Я открыл глаза и, не поднимая головы, посмотрел на Карабека. Его плоское скуластое лицо, освещенное костром, и особенно глаза отражали сейчас добрый десяток чувств. Карабек что-то изображал перед собакой: то страшно хмурил лоб и невероятно выкатывал глаза, подражая, очевидно, царю духов, то морщил лицо, как Барон, то скучающе бродил взором по кибитке, поглядывая на мои очки, лежавшие на полевой сумке. Наконец, он не выдержал и осторожно протянул к ним руку, надел очки на нос и важно взглянул на Азама. Очевидно, теперь он изображал агронома и начальника, товарища Кара-Тукоу. Собака смотрела на него озадаченная, открыв рот, высунув кончик языка и даже склонив голову на бок.

— Ай, товарищ, — строго сказал Карабек, блестя очками, Азаму, — сколько раз я вам говорил, что духи есть предрассудки и вы есть темный человек, начиненный дурманом голова. Сейте высокогорные гималайские семена ячменя, агрономическая культура...

Здесь он перевел глаза на меня и вдруг

понял, что застигнут врасплох. Он смутился.

— Я же ему говорю, что Хан-Тенгри нет, ничего нет, это глупые сказки... — заговорил он, протягивая мне очки и пожимая плечами.

Я встал и осмотрелся. Темнота, ветер, дверь кибитки раскрыта настежь; в кундюк — верхнюю дыру — влетал снег. Нужно было ее закрыть.

— Куда же девался хозяин кибитки? — спросил я.

— Не знаю, он провалился, этот старик...

Накинув овечью шубу, я вышел из кибитки. Метель и темнота охватили меня. Сквозь ветер слышен был далекий грохот. Словно в горах кто-то ворочал камни. Я вглядывался в темноту кишлака и ничего не мог разобрать. Черная ночь с метелью закрыли даже очертания ближайших кибиток. Странные шорохи иногда, казалось, раздавались и в нескольких шагах от меня. Одну минуту я думал даже, что вижу приближающиеся ко мне фигуры. Я взялся было за рукоятку револьвера. Но фигуры исчезли.

Я прошел за кибитку, к деревянному сараю, в котором стояли моя лошадь и верблюды. Когда я подходил к сараю, мне показалось, что от двери кто-то отскочил. Я постоял, никто не показывался, ветер мел снег по земле. «Это метель и воображение», — сказал я себе.

Однако следовало запереть на замок наших животных, но хозяина не было. Я вошел в сарай. Алай заржал и потянулся ко мне мордой. С тех пор как мы его поставили, прошло больше четырех часов — срок, по киргизским правилам, необходимый для отдыха коня перед кормом. Я принес из угла сноп сухой травы. Алай нервно стучал копытом и выдергивал у меня из рук клочки сена. В темноте жевали верблюды. Сопел бык. Все было спокойно.

Я вернулся в кибитку.

— Старик в дырочках еще не приходил. Он забыл дорогу к нам, глупый человек. Деревянное ухо, — сказал Карабек.

Деревянное ухо? Очевидно, так Карабек прозвал старика Шамши, хозяина кибитки. Всему, что встречал Карабек, он давал прозвища — людям, кишлакам, дорогам, животным. Иногда эти прозвища были совсем неожиданные, но бесполезно было выяснять их происхождение. Этот человек — «железная труба», говорил он мне. Или: «когда мы проезжали кишлак Птичий хвост, помнишь, где живут Барабанные шкуры...»

Я велел Карабеку спать, а сам для видимости вынул бумаги из сумки. Карабек укрылся шубой. Азам уткнул морду в лапы и тоже делал вид, что спит. На самом деле все прислушивались к ветру.

— Странно, что вообще никто не идет к нам, — сказал я. — Сейчас еще не так поздно, а все люди в кишлаке словно сквозь землю провалились.

И в тот же момент Азам зарычал и сразу вскочил на все четыре лапы. Я успел схватить его за шиворот. Взглянув на дверь кибитки, мы увидели стоящего в полосе света за дверьми человека. Он молча смотрел в кибитку. Но не успели мы разглядеть его лицо, как он исчез так же внезапно, как и появился.

Вместе с Карабеком мы выскочили наружу, но там никого не было. Ледяной ветер со снегом обдал нас. После горячего воздуха костра он словно пронизывал наши лица. Мы прошлись вокруг кибитки, осмотрели сарай, покричали в темноту — никто не откликался.

— Вот что, — сказал я вернувшись, — ясно, что кто-то намерен нас сегодня ночью пугать. Значит, не нужно пугаться. Выдержка! И не хватайся раньше чем следует за оружие: здесь возможна провокация. Воздержимся от поступков, которые смогут потом дорого обойтись...

Я растолковал, как умел, все это Карабеку; он понял меня и был даже очень доволен новому слову, которым можно коротко рассказать такую длинную мысль.

— Провокация, провокация... — забормотал он, завешивая входное отверстие кибитки мешком. Я завернулся в шубу, положил под голову сумку и лег. Дул ветер. Мешок надувался парусом, сквозь дыры в мешке летел снег. Из далекого завывания ветра, приходящего с гор, из окружающего шума, треска костра, шелеста тряпки обостренный слух пытался выделить какие-то близкие шорохи, скрип сапог, разговоры, нивесть что, кружащееся вокруг кибитки. Внезапно это ничто сразу оформилось и превратилось вдруг в ясно слышимые шаги. Пес опять подскочил, и шерсть на его спине поднялась щетиной. Приученный не лаять, он горящими глазами уставился на дверь.

— Спокойно. Провокация, — сказал собаке Карабек, кладя руку на ее шею.

Кто-то громко забормотал у самой ки-

Мы увидели стоящего в полосе света за дверьми человека.

битки, чья-то рука появилась в дверях и начала отстегивать мешок.

Я нащупал револьвер. Сознаюсь, что я ощущал тут легкую дрожь, тем более, что дальнейшее было довольно неожиданным. Мешок упал, и у порога появилось странное существо, человек с совершенно необыкновенным лицом: оно плясало. Все черты лица его: брови, губы, складки у носа, множество морщин — все это плясало и дергалось, каждая черта порознь и все вместе, точно лицо дергали за ниточку. Это был старик, согбенное существо в женском платке на голове и без сапог, на ногах его были надеты неизвестно откуда взявшиеся здесь тонкие дамские чулки из фильдеперса.

Старик остановился у порога и посмотрел на нас, вернее, сквозь нас, выцветшими, невидящими глазами.

— Асай-Мсай. Человек-шайтан — большие очки. Ветер дует — человек плачет, Аллах идет...

— Ну и что же? — спокойно спросил я по-киргизски.

— Это Палка Моисея, — шепнул мне Карабек.

— Какая палка?

— Ну этот старый трясущийся хвост... Ослиный желудок.

Очевидно, Карабек полагал, что все его прозвища каждому понятны. Вглядевшись в старика, я узнал в нем того самого странного человека, который утром, при в'езде в кишлак, плясал и кричал на нас, размахивая палкой.

Палка Моисея! Я понял, в чем дело: «Асай-Мсай» означает посох святого Моисея. Его носят дервиши секты Дувана, или Дивана, что значит — сумасшедший, безумный, бешеный. Это древняя и странная организация, известная своими зачастую довольно темными делами всему огромному Востоку, от Тибета до Багдада. Верховный вождь секты сидит в Кашгаре, в Западном Китае, там у него штаб и духовная школа. А учеников его, полуюродивых фанатиков, монахов и нищих, даже сейчас можно еще иногда встретить на базарах Бухары и Самарканда.

— Что же вам нужно? — повторил я.

— А-а-а... Смотри, смотри, а-а-а!.. — заорал вдруг старик, падая на корточки и показывая на дверь рукой.

Карабек поднялся с таким видом, что, если бы я нё остановил его, он бы вышвырнул старика на улицу...

Я пытался заговорить со стариком, но бесполезно. Он продолжал выть и бормотать всякую околесицу.

— Ну это уже надоело, — сказал Карабек, — до свиданья, Ата, спокойной ночи.

Тот замолчал на минуту, взглянул на Карабека и снова принялся за свое.

— Вот удивительный старик! Как у него не устанет рот?! — крикнул мне Карабек, хлопая себя по бедрам.

Ему стало весело. Он сел перед стариком тоже на корточки и с удивлением уставился ему в рот. Потом в его глазах мелькнула какая-то лукавая мысль. Он начал раскачиваться в такт старику и вдруг тоже запел по-киргизски. Продолжительными периодами, без выхода, по всем правилам киргизского пения: закатив глаза, с клекотанием в горле — они пели друг перед другом, как две птицы.

Старик был озадачен, словно он только сейчас увидел Карабека. Он склонил голову на бок и даже временно умолк с полуоткрытым ртом. Карабек тоже замолчал. Но тотчас же юродивый, набрав в себя новую порцию воздуха, хватил такую высокую ноту, что Азам взвизгнул и шерсть его снова ощетинилась. Однако Карабек не отставал. При каждом вопле почтенного старца он принимался вторить ему в меру своих могучих легких...

При всей комичности картины, я придумывал способ прекратить этот концерт. Дикий угол мира, куда мы забрались, метель за дверью, этот вой, беспокойная беготня собаки, искры, летящие из костра,— все это легко можно было бы принять за бред сумасшедшего...

Но старик не выдержал первый. Он встал и сердито замахнулся своей палкой.

— Ай, ит-ала-каз, собака, пестрый гусь! Проклятый человек-шайтан, а-а-а...

Бормоча и пританцовывая в своих чулках по снегу, он скрылся.

— Думал меня перепеть, — спокойно сказал Карабек сплевывая, — ничтожный человек, ослиный желудок. Асай-Мсай. Палка Моисея... Вот что, начальник, он ругался, что мы ввели собаку в кибитку. Это нехорошо. «Иткермез» называют киргизы двери, — значит, «собака не войдет». Теперь старик расскажет всем про это, будет чатак—скандал. Я сейчас выведу Азама в конюшню. А киргизам мы скажем, что старик наврал.

Он взял Азама и вышел с ним из кибитки. Я слышал, как он скрипел дверьми сарая, говорил с лошадью, гремел цепью, на которую привязывал Азама, потом смолк.

Но почему-то он не возвращался. Подождав еще немного, я вышел. Карабек стоял у кибитки.

— Кто-то торчит там, — показал он в темноту. — Несколько человек разговаривают.

Острое чутье киргиза редко обманывает: я подумал, что на этот раз там и в самом деле кто-то есть.

— Все равно они нам не дадут спать, пойдем прямо к ним и спросим, что им нужно.

Решительно зашагав в темноту, мы вскоре увидели трех человек. Увидев нас, они попытались скрыться. Двое из них были с ружьями.

— Стой! — крикнул Карабек.

Мы спросили у незнакомцев, кто они, что они делают тут и почему не идут в кибитку.

— Барон не велел ходить нам в кибитку. Барон приказал...

— Барон? Почему? — удивился я.—Ничего не понимаю...

ДЕРЕВЯННОЕ УХО

Я спросил, где живет хозяин нашей кибитки. Мне сказали: рядом. Карабека я послал за Бароном, а сам, ориентируясь на свет костра, пробивающийся сквозь метель, вернулся к кибитке и, обогнув ее, принялся искать кибитку хозяина. Протянув руки перед собой, я шаг за шагом пробивался через мрак и метель. Но вскоре, оглянувшись, я убедился, что уже потерял свою кибитку. Сделав два шага назад, попал в какую-то яму, в которой лишь случайно не сломал себе ногу.

Вырвавшись из ямы, я остановился, пытаясь что-либо разглядеть вокруг себя. Ледяной ветер засыпал меня колючим снегом. Когда я выскочил из кибитки, то не накинул на себя дохи и теперь стоял в одной гимнастерке. Горные ночи, особенно в такую метель, совершенно непроницаемы, и я знал, что можно замерзнуть в десяти метрах от дома.

Я прислушался. Сквозь вой ветра доносился издалека глухой ропот, словно урчанье огромной собаки. Потом я различил голоса людей. Сделав несколько шагов, я услышал эти голоса совсем рядом и вдруг ударился обо что-то лицом. Это была кибитка. Сквозь дыры в войлоке я рассмотрел слабый свет. Предпочитая любую неожиданность риску замерзнуть, я обошел кибитку в поисках двери. У самого порога я остановился, чтобы послушать разговор. В кибитке происходил спор. «Двенадцать»,—

говорил кто-то. «Нет, десять, десять, десять, Аллах — свидетель!» — отвечали ему тем же самым голосом. У меня коченели руки. Я вошел.

На полу кибитки стоял карачирок — чугунный светильник с бараньим жиром. Он слабым светом озарял внутренность кибитки. Сквозь облака дыма я с трудом разглядел какие-то странные лица, белевшие в углах. Перед самым светильником сидел на войлоке старик, хозяин нашей кибитки, и бросал перед собой игральные кости.

Я поздоровался. Никто мне не ответил и даже не взглянул на меня. Старик бросил кости и сказал:

— Ну, вот, шесть, видишь.

И тут же ответил себе:

— Нет, не шесть. А-а, не шесть! Где же ты видишь шесть, старый мошенник?!

Он играл сам с собой в кости!

— Хозяин, дай карачирок, пойдем запрем конюшню.

Он не отвечал мне. Тогда я схватил его за плечо и встряхнул. Тут он, наконец, поднял на меня глаза, но решительно ничего при этом не сказал, и лицо его даже не изменило своего выражения.

Он бормотал и пританцовывал в своих чулках по снегу.

«Неужели все в этом кишлаке сошли с ума?» — подумал я и взглянул на остальных присутствующих; они попрежнему сидели неподвижно как манекены. Некоторые из них дико улыбались, другие покачивались, закрыв глаза... Тогда я вдруг догадался, в чем дело. Это были курильщики опиума.

Всмотревшись, я заметил в руках одного мужчины длинную трубку опиекурильницы. Я уже слышал, что здесь широко потребляется контрабандный опий из соседнего Китая, он шел через эти места потаенными тропками, вместе с анашей, платками, а иногда и дамскими чулками, привезенными сюда с базаров города Кашгара.

Но все это вовсе не избавляло меня от необходимости идти в конюшню с хозяином и с его кадильницей. К счастью, я заметил, что старик мой находится в более сознательном состоянии чем его приятели. Но все дневное почтение старика к моей особе куда-то улетучилось. Равнодушно посмотрев на меня, он произнес наконец:

— Будем играть в кости.

Бросив взгляд на мои сапоги, он совсем оживился:

— Давай на сапоги, давай играть на эти сапоги! Бросаю.

Я отказался играть и повторил свое тре-

бование. Оно не произвело на старика Деревянное ухо никакого впечатления. Он озирал меня всего с ног до головы, и, наконец, взор его остановился на шапке.

— Давай играть на шапку.

— Нет.

— Тогда давай будем кидать кости: играть нам или не играть на шапку?

— Нет, не хочу. Довольно глупостей, — строго сказал я. — Бери карачирок и идем в конюшню.

Старик замолчал и отвернулся, у него опять пропал интерес к моей особе. Я взял в руки карачирок.

— Тогда вот что, — сказал старик. — Давай играть: идти или не идти в конюшню. Бросай три раза.

Сыграть во что бы то ни стало было ему необходимо. Что тут поделаешь! Я сел на кошму, взял в руки кости и кинул. Выпало девять. Старик швырнул — пять.

На второй раз у меня выпало четыре, у него—семь, он выиграл. «А! А! А!»—закричал он и запрыгал на месте, точно ехал на осле.

В третий раз я швырнул двенадцать и встал.

— Идем, — сказал я, — поднимая старика.

С последней надеждой он перемешал кости, пошептал что-то в руку и швырнул— четыре. Я взял его за руку. Он поднял карачирок, оставляя всех остальных присутствующих в темноте. Никто не обратил на это внимания. Прикрыв светильник шапкой, мы вышли.

Странной этакой процессией, держась друг за друга и поминутно зажигая гаснущую коптилку, мы двинулись сквозь метель.

— Значит, ты совсем не играешь в кости? — спрашивал старик.

— Нет, нет, — говорил я, подталкивая его вперед. Наконец мы достигли конюшни. Азам, почувствовав мое приближение, тихо завизжал. Когда же я распахнул двери, он, увидев старика, рявкнул и бросился вперед. Цепь зазвенела. Старик вскрикнул и, бросив карачирок, побежал прочь. Баранье сало разлилось, и вспыхнула подстилка.

— Тохта, стой! Бер-су, давай воды! — сперепугу закричал я, но старик уже вопил где-то далеко среди метели.

Я принялся забивать огонь ногами. «Такой ветер, недостает только поджечь весь кишлак», — подумал я. Горящий жир как нарочно разливался по полу, заполыхало сено. Алай хрипел и пятился, кося глазом. Верблюды начали подниматься на задние ноги.

Среди этой сумятицы вдруг в кибитку кто-то вбежал и прыгнул на горящую кошму, мы столкнулись и оба упали. Я вскочил тотчас же и вдруг увидел высокую девушку. Она засмеялась, я тоже, мы опять принялись гасить огонь. Девушка притащила с собой кошму, и ею мы быстро загасили солому.

— Ким? Кто? — спросил я тогда девушку.

— Мен. Я, — ответила она.

Мы засмеялись.

— Ким сен? Кто ты?

— Я Сабира.

Ах, Сабира — это дочь старика, этого несчастного игрока! Та самая смуглая красавица, что днем подавала старику хворост для костра.

Заперев сарай на замок и поблагодарив девушку за помощь, я отправился в свою кибитку. Там уже сидели Карабек и Барон, член сельсовета.

— Барон, почему ты поставил часовых, почему не велел людей к нам в кибитку пускать?

— Барон боится за начальника. Начальник не знает, что делается сейчас кругом в такую ночь, — ответил он. — Барон поставил охранять начальника.

— Ты сделал неправильно. Мы не хотим прятаться от граждан. Пусть каждый приходит к нам и рассказывает все, что хочет.

— Как хотите, — сказал недовольно Барон, поднимаясь и пожимая плечами. — Здесь кишлак — темные дела. Здесь кишлак — рядом Кашгария. Сейчас дорогу снег закрыл, через двадцать дней дорога будет. Кругом контрабандисты рыщут. Самый страшный контрабандист — Джалиль Гош, ты видел его утром, высокий, на собрании на тебя смеялся. А ночью придет и застрелит. А, может, и ножиком. Он ничего не боится. Его всякий кишлак знает, страшный человек!

И он ушел. Мы закрыли кибитку и снова улеглись под шубами.

Выла метель. Ветер проникал сквозь дыры, под шубу.

— Где ты был, товарищ начальник? — спросил тихо Карабек. — Я много думал, искал, думал, теперь очень рад.

Потом он помолчал, стал ворочаться под шубой, но, видимо, ему не спалось; наконец, он поднял голову и спросил вдруг:

— Товарищ начальник, я все думал: может самолет из Москвы в кишлак Кашка-су долететь? А сколько поднимет? Вот лошадь Алая поднимет он или нет?

Я уже привык к подобным вопросам Карабека.

— Спи, — сказал я, — потом разбужу, сам спать буду. Завтра отвечу.

— Нет, сначала ты спи.

Мы заспорили. В этот момент что-то за стеной кибитки загрохотало, кто-то упал или застучал в стену.

— Концерт продолжается, — сказал Карабек вскакивая.

— Э-ей, — закричал человек за стеной, — хочешь играть в кости? Будем лошадь играть, а?

Это был Шамши, старик Деревянное ухо.

— Отправляйся спать сейчас же! — крикнул я, выходя из себя.

Человек за стеной умолк. Я укрыл голову шубой, пытался заснуть. Но долго еще за стеной шуршал снегом и бормотал полоумный игрок. Сквозь сон всю ночь доносились до нас какие-то неясные выкрики и шаги, возникавшие и растворявшиеся в шуме ветра; может быть, злоумышленник, или просто запоздавший игрок, или опиекурильщик брел по кишлаку. Это было как бред — страшные ночные миражи кишлака, притаившегося на опиумных, контрабандных тропах гор.

ПАСТУХ ГОЛУБЫЕ ШТАНЫ

— Ту-ру-ру! Ту-ру-ру!.. Ослы трубят, петухи поют, солнце едет по горам на большой арбе, запряженной туром, и член сельсовета шагает по кишлаку с большим рыжим портфелем подмышкой. Человек открывает двери, идет на базар. Вот идут товарищи люди посмотреть на кибитку агронома, о-о!..

— Солом алейкум! Мир и почтение дому.

— Алейкум солом. Как здоровье ваших животных? Как живет хозяин?

— Бедно.

— Много пшеницы есть?

— Нет, совсем нет.

— Много ячменя есть?

— Два черека, мало.

— Много скота есть?

— Один конь.

— Много детей есть?

— Восемь человек.

— Что кушать будешь весной?

— Корень. Гульджан.

— Сколько собрал урожая?

— Совсем не сеял!

— А ячмень где взял?

— Аллах послал...

...Ночи и метели как не бывало. К нам в кибитку входили люди с приветливыми лицами и вежливыми разговорами. Они снимали при входе в кибитку деревянные свои «калоши» и, отвесив поклон, присаживались всторонке.

Они отвечали на мои вопросы неспеша, обдумывая ответы.

В большинстве это была беднота. Продранные локти и ветхие халаты их говорили о жалкой, полуголодной жизни, прикрытой блестящими погремушками, важностью манер, лживой цветистостью речи.

— Вы плохо живете, — сказал я собравшимся. — Аллах ячмень не посылает. Вы его сеяли сами. Но урожая снимали мало. Вы не умеете сеять. Нужно сеять пшеницу, горох, картофель, вику, овес, рожь, кормовые травы...

— У нас не вырастет горох, овес, пшеница, — сказал один старик вздохнув, — на наших местах растут одни камни.

— Неправда. Вы сами знаете, что раньше здесь росла пшеница. В других кишлаках, где организовали ТОЗы, прекрасно сеют пшеницу... Я готов спорить на что хотите. Я привезу вам семена пшеницы и научу сеять. Только вы дайте мне в обмен семена гималайского ячменя.

Старик опять вздохнул, опустил глаза и взял в руки бороду. Остальные слушали меня молча.

— Дайте семена гималайского ячменя для нашей научно-исследовательской станции. Мы производим опытные посевы в различных долинах Памира и Алая.

Дружное молчание было ответом и на эти слова. Можно было подумать, что меня не слышат. Тогда я решил, что собравшиеся не понимают этих неизвестных им слов.

— Карабек, — сказал я, — переведи им насчет гималайского ячменя. Об'ясни, для чего он нам нужен, ты ведь знаешь: сравнить эти семена с другими. Посеять на опытных полях. Отобрать наиболее урожайные сорта, вывести новые. Об'ясни, что гималайский ячмень привык к этому климату, к высоте в три тысячи метров, он нам очень нужен для опытов.

— Не дадут, — сказал мне Карабек порусски.

— Об'ясни, что мы вернем пшеницей из Гарма. Предложи за кило ячменя кило пшеницы. Если будут торговаться, дай больше.

Карабек перевел все это, склонив голову на плечо и глядя в огонь. Это был знак полной покорности, но и безнадежности. Он кончил. Никто не отвечал.

— Не хотят, — махнул рукой Карабек.

Киргизы переглядывались и шептались друг с другом.

— Почему они боятся говорить?

— Барона боятся,— тихо сказал мне Карабек...

В это время я заметил стоящего в дверях Джалиля Гоша. Опершись о ружье, так же хмуро, как вчера, он оглядывал нас.

— Конечно, Барона все боятся, — громко сказал он сплевывая. — Барон — советская власть. А они овцы.

Старики потупили глаза. Но один молодой киргиз вскочил с земли, белые и красные пятна покрыли его лицо. Вообще же этот парень был цветист и без того. Из-под ватного халата виднелась розовая рубашка с разводами и яркоголубые штаны, заправленные в какие-то онучи.

— Неправда,— сказал он.— Я не боюсь Барона, чего мне его бояться? Начальнику нужен ячмень?..

Он не договорил. В дверях вдруг появился Барон. Черными своими глазками он пристально посмотрел на говорившего парня, потом на меня. Он вздохнул, причем морщин на его лице, казалось, стало еще больше.

— Саид не боится Барона, — сказал он тихо, — хорошо, Саид, правильно, Саид. А почему Барона нужно бояться?! Разве Барон — тигр? Или, может быть, Барон — дикая кошка?..

— Барон — дикая свинья, — тихо сказал Джалиль Гош.

Барон сердито отвернулся от него.

— Барон — член сельсовета, и поэтому ему приходится выслушивать всякие оскорбления от врагов советской власти. От врагов, которым место в тюрьме, — здесь Барон взглянул на Джалиля. — Барон хочет всем только хорошего. Но ведь Саид знает, что у нас нету ячменя, а?

Он взглянул здесь на Саида, тот сел опять на место. Я решил воспользоваться случаем.

— Саид, — сказал я, — говори же, не бойся. Скажи, что ты хотел. Есть ячмень?

— Нет, — сказал тот потупившись, — я не говорил, что ячмень есть.

Тогда я начал рассказывать Барону все сначала: гималайский ячмень нужен нам для опытных посевов, за ячмень мы даем пшеницу... Остальные киргизы тем временем поодиночке поднимались и уходили. Скоро мы остались одни в кибитке.

— Зачем тут такой разговор ведешь про Барона? — сказал мне Барон. — Я член сельсовета, ты подрываешь авторитет.

— Я не говорил о тебе. А если ты хороший член сельсовета, то должен помочь нам с ячменем. Можете вы нам дать семян?

— Я тебе не могу сейчас сказать.

— Почему?

— Не могу. Потом.

— Да почему же потом, а не сейчас?

— Я должен подумать.

И он поднялся, чтобы уйти.

— Сколько же времени ты будешь думать?

— Часа два. Через два часа мы скажем.

«Удивительно, с кем он хотел советоваться?» — подумал я. Попросив через два часа собрать всех в кибитке, мы с Карабеком вышли на улицу. Нам захотелось познакомиться с жителями поближе и по возможности подготовить в беседах разрешение ячменного вопроса.

Начать мы решили с хозяина нашей кибитки.

Перетащив вещи в сарай, мы подбросили лошади сена, дали Азаму лепешку и отправились к хозяину.

Шамши-Деревянное ухо сидел посреди кибитки, раскачиваясь и закрывши глаза. Он бормотал что-то себе под нос. В темном, грязном углу восседали две худые старухи, еле прикрытые тряпками. Нищета глядела изо всех углов.

— Солом!—сказал Карабек.—Проснись, старик. Не видел ли ты во сне арбу пшеницы? Мы можем тебе дать ее наяву.

— Что? — старик открыл глаза. — Я видел во сне десять верблюдов. Один шел с золотом. Второй верблюд шел с серебром. Третий верблюд шел с опием. Четвертый...

Он не спеша загибал по пальцу на руке.

— Хорошо, остановись, ты видел слишком много верблюдов. Выслушай лучше нас.

Мы присели на кошме, и Карабек коротко рассказал, в чем дело.

— ...Четвертый верблюд с дынями. Пятый — с коврами. Шестой—с табаком...—

старик продолжал загибать пальцы и качаться, опять закрыл глаза и в то же время слушал нас. — Седьмой верблюд... Как? Ячмень? Есть ячмень! — вдруг воскликнул он и открыл один глаз.

— Много даю ячменя!—здесь старик открыл оба глаза и вытаращил их.— Даю! — он еще шире открыл глаза и хлопнул себя по лбу. — Только вот что, будем играть в кости. Если вы выиграете десять раз, тогда я вам даю ячмень, пять мешков даю.

«Ого!» — подумал я.

— Пять мешков мало, — сказал Карабек, беря в руки кости.

— Десять!

— Да что вы его слушаете! — закричала вдруг старуха. — У него и одного зерна за душой нет! Если бы десять мешков было у нас! Зачем, старый дурак, небылицы говоришь?..

Старик недовольно скосил на старуху глаза и снова принялся дремать и качаться. Мы поняли, что старуха права, здесь не было и зерна. Раздосадованные потерей времени, мы вышли на улицу...

Кишлак молчал. Склоны гор, освещенные солнцем, поднимались над ним. Черные овалы кибиток беспорядочной группой пятен раскинулись по долине. Метель, прошедшая ночью, навалила на пространствах меж кибиток много снега. От кибитки к кибитке нужно было пробираться, проваливаясь в снег, расчищая тропинку в сугробах. Одинокие дымки поднимались из тюндюков — отверстий в крышах кибиток. Тихая возня верблюдов и редкие крики ослов нарушали тишину.

«Напрасно мы будем стоять здесь, точно жалкие нищие, — подумал я, — никто не бросит нам и горсти ячменного зерна».

— Подожди, — сказал Карабек.

Он остановился и, подняв палец к уху, прислушался. Откуда-то доносилась киргизская песня.

Обойдя большой снежный завал, мы увидели огромную кибитку, вернее, целый квартал кибиток, кибиточный дворец. Он раскинулся как шатер. Подпираемая палками, составленная из войлока, досок, мешковины, это была царица среди кибиток; такие обычно имели баи, богачи; кибитки их состоят из нескольких отделений, к ним примыкают еще кибитки, все это сооружение вмещает обычно хозяина, всех его жен, детей, животных и имущество.

Когда мы подошли к кибитке, песня прекратилась. Но сейчас же откуда-то из глубины до нас донеслись плач и стон.

— Поет мужчина, плачет женщина, удивительные дела, — сказал Карабек, вытаращив глаза. — Может быть, здесь умер человек? Уйдем, здесь не дадут ячменя.

Но новый взрыв плача удержал нас на месте. Выбрав одно из многочисленных отверстий, мы шагнули в него. Мы очутились в пустом темном помещении.

— Кто тут есть? — громко сказал я.

Ответа не было. Тогда мы прошли в следующее отделение. Там тоже никого не было. По углам лишь стояли сундуки, окованные железом, лежали мешки, ящики, какие-то кости. Три узких отверстия открывали вход в следующее отделение. Мы заглянули в них.

Что за история! Там также не было ни души. Однако сдавленный плач продолжал доноситься к нам откуда-то из темноты. Шагнув еще в одни двери, мы очутились в полном мраке. Пробравшись наощупь среди сундуков, мы натолкнулись на следующую переборку. За ней, теперь уже явственно, плакала какая-то женщина. Мы нащупали дверь — она была заперта огромным висячим замком.

— Кто там? — негромко спросил я.

Плач прекратился, и тотчас же за стеной раздалось рычание собаки.

«Какая ерунда, — подумал я, — это уж слишком похоже на сказку: запертая в замке красавица и злое чудовище ее охраняет. Только все в киргизском варианте: дворец сделан из дырявого войлока и очень уж пахнет овчиной». В темноте возле моего лица я ощутил частое дыхание Карабека.

— Спроси ты, — сказал я.

Он начал по-киргизски спрашивать, кто там и почему плачет. Но никто не ответил. Собака же начала рычать и рваться на цепи так громко, что мы поспешили выбраться назад.

— Нужно же, в конце концов, найти здесь хозяина, — сказал я.

Мы заглядывали в разные дыры и, наконец, увидали приотворенную дверь. Толкнув ее, я вошел. На ковре, у малюсенького заднего окошка, скупо освещавшего конуру, сидели два человека. При нашем появлении один из них вскочил. Это был Барон. Он взмахнул руками и принялся говорить что-то; видимо, неожиданный наш приход смутил его.

Другой человек тоже поднялся неспеша и, поклонившись нам по-европейски, начал пристально и несколько насмешливо рассматривать нас. Этот поклон, маленький

рост человека и его лицо невольно обратили на себя особое внимание.

«Японец!» — подумал я, всмотревшись. Но было темно, человек, не говоря ни слова, сел опять в угол.

— Ну, как с ячменем? — спросил я Барона первое, что пришло в голову.

— Нет ячменя, — резко ответил тот.

— Скажи, а кто там плачет, в кибитке?

— Где плачет? Там ничего нет.

— Там джины плачут, дьяволы плачут, товарищ начальник... — насмешливо сказал Карабек.

Барон ничего не ответил. Резко повернувшись, я вышел.

«Так не забудь про собрание», — кинул я обернувшись.

Отходя уже от кибитки, мы опять услышали пение.

— Стой, ты знаешь, кто поет? — сказал Карабек, прислушиваясь. — Тот парнишка поет, голос Саида поет. Пастух в голубых штанах, который утром сказал, — Барона не боится.

— Саид? В таком случае следует вернуться. С ним нужно поговорить.

Мы обошли опять кибитку с другой стороны и попали в помещение для скота.

Бесчисленное множество овец, прижавшись друг к другу, стояло под огромным навесом. Саид лежал на подстилке, уткнув голову в кошму, и бормотал. Откуда-то из темноты три верблюда и один горный бык свешивали над ним удивленные морды, будто слушая его пение. Саид пел:

«Скоро, скоро, скоро появится Сары-кар.
Желтый снег с'ест белый снег.
Белый снег уйдет вниз, вниз, в долину.
Откроются дороги в Кашгар, в Фергану, в Каратегин.
Я один поднимусь на высокую,
очень высокую скалу.
Увижу Кашгар, Каратегин и Фергану...
Ходят люди по всему миру, идут
караваны, овцы едят зеленую траву
А я везде один.
Как свеча. Как месяц. Как дерево на вершине скалы.
Тогда я крикну на весь мир, что я один.
Но никто меня не услышит. Даже она...
Она будет очень, очень далеко, за горами, в стране Кашгар...»

— Кто же тебя не услышит? Почему так поешь? — спросил Карабек.

Парень, сев на корточки, поглядел на нас. Из-под черной шапки исподлобья смотрели его угрюмые глаза.

— Сабира, — ответил он.

— Как Сабира? Где она? — спросил я, вспомнив ночную красавицу, помогавшую мне тушить пожар.

— Она заперта здесь в кибитке...

Тут Саид об'яснил, что уже несколько лет он пастухом у Барона отрабатывает калым за Сабиру, которую тот обещал отдать Саиду в жены. Теперь утром Барон рассердился на него.

Сабиру же Барон продаст в Кашгар, как только откроются перевалы.

— Ничего не понимаю. Разве она дочь Барона? А не старика Деревянное ухо, который в кости играет?

— Да, она дочь Шамши. Но он бедный старик, а Барон его родственник.

— А чей это скот?

— Барона.

Сказав это, парень испугался и, обернувшись, быстро заговорил:

— Нет, я ничего не рассказывал. И я не видел вас. Я ничего не знаю. Уходите, уходите. Лучше уезжайте из кишлака. Ячменя вам никто не даст.

— Почему же?

— Так сказал Аллах, — ответил пастух.

— Разве сам Аллах был у вас в кишлаке?

— Нет, так сказал Голубой берег...

Вот оно, оказывается, что! Об этом я слыхал много раз. Нам не в первом уже кишлаке единоличники отказывались продать ячмень, ибо таинственный Голубой берег запрещал это. Он же агитировал против посева пшеницы и против ТОЗов...

ЯЧМЕНЬ

— Дорогой товарищ Кара-Тукоу, — сказал мне Карабек. — День приходит — ячмень нет. День уходит — нет. Ступай домой. Я один понюхаю воздух в кишлаке.

Вернувшись в кибитку, я застал у себя собрание. Я встретил тут всех знакомых уже мне киргизов; не было одного только Шапки из куницы — киргиза, который ночью нас вел в Кашка-су. «Куда он девался, этот Шапка? — спрашивал Карабек. — Наверное, уехал из кишлака».

Одни киргизы сидели возле кибитки,

другие стояли внутри, иные подходили, пробираясь глубокими тропинками, вырытыми в снегу.

Огромный Джалиль Гош сидел, как и вчера, в стороне.

Не успел я открыть рот, чтобы начать разговор, как в дверях кибитки появилась юркая фигура Барона.

— Нет ячмень, начальник,—сказал он.— Пусть начальник едет домой. А пшеницу везите. Зерно пусть дают.

«Почему Барон настаивает, чтобы везли именно зерно, а не муку?»—удивился я.

— У вас мельница есть?

— Есть, — ответил Барон.

— А кто хозяин?

— Все — хозяева.

— Барон — хозяин, — сказал Джалиль Гош.

Барон что-то быстро начал говорить Джалилю, так что я ничего не понял.

— А баи есть у вас?

— Баев нет. Баи были, заграницу ушли... Я бедняк. Все бедняки... — заговорил Барон... — Граждане, собрание не состоится, расходитесь.

Оставшись вдвоем с Бароном, я потребовал, чтобы он немедленно освободил плачущую девушку. Ни слова не сказав, зло сверкая глазами, он ушел.

Вечер, быстро наступающий в горах, уже окутал кишлак.

Карабек не возвращался.

Пришел Шамши и сел против меня.

Он долго жевал губами, оглядывался, кряхтел и смотрел куда-то мимо меня.

— Может быть, начальник пойдет спать сегодня в нашу кибитку? — заговорил, наконец, Деревянное ухо.

— Почему я не могу спать здесь?—удивился я.

— Я не знаю, не знаю... Как хочет начальник. У нас в кибитке крепкие двери...

Так как Карабека все еще не было, я начал беспокоиться. Наконец, я решил на всякий случай принять предложение старика. Вместе мы перетащили вещи.

— А я буду ждать там твоего помощника, — сказал Шамши.

В кибитке, к своему удивлению, я застал Сабиру и старуху, жену Шамши. Они разжигали костер. Мы заперли двери на засов, и я начал устраиваться.

В дверь кто-то громко постучал.

«Опять ночь, опять начинаются происшествия», — подумал я и спросил:

— Ким? Кто?

— Мен? Я,— ответил незнакомый голос.

— Ким сен? Кто ты?

— Мен,— снова ответил голос, не желая называть себя.

— Бир сагат келынь, приходи через час,—ответил я, рассчитывая, что Карабек через час вернется. Но человек за дверью настойчиво тряс дверь. Послышался еще один голос, что-то тихо говоривший.

— Кетынь, уходи, — сказал я, затем быстро прошел в кибитку, снял со стены винтовку, достал патрон, поставил на предохранитель и повесил снова на столб. Старуха вдруг завыла. Девушка сердито начала ей что-то говорить. Больше никто не стучал. Меня стало клонить ко сну. Я достал спальный мешок, расстелил, снял валенки и начал влезать в него. Все смотрели на мой мешок с изумлением. Винтовку я положил рядом. Только лежа в мешке, я почувствовал, как я устал.

Сабира подбрасывала в костер полынь. Над самым полом дыму было мало, и слезы уже не лились из моих глаз.

— Джуда яхши кизимка Сабира — очень хорошая девушка, — подобрал я комплимент по-киргизски.

Она улыбнулась, показывая крепкие белые зубы.

Незаметно я заснул. Проснулся я, повидимому, очень скоро. В свете тлеющих углей костра около меня стояли двое. Они яростно спорили.

Я увидал молодого киргиза и Сабиру. Киргиз держал в руках мою винтовку. Сабира тоже держалась руками за винтовку и тянула ее к себе.

«Сон или наяву?» — подумал я и услышал шопот Сабиры:

— Кэрэк эмэс, кэрэк эмэс, не надо, пожалей старика, пожалей дом, — тихо просила она.

Мое положение было довольно нелепо: до того как я успею вылезть из мешка, он меня убьет или убежит с винтовкой. Я тихонько протянул руку к нагрудному карману гимнастерки, вынул браунинг и, отведя большим пальцем правой руки предохранитель, резко выкинул руку вперед и крикнул: «Ташла мультук—бросай ружье!» Киргиз рванул винтовку и бросился к двери. Сабира выпустила винтовку и упала. Я нажал спуск — осечка; дослал новый патрон. Вдруг киргиз, как бы подброшенный пружиной, уже достигнув дверей, взвился в воздух и опрокинулся на спину. На него, как барс, бросился вбежавший Карабек.

Киргиз держал в руках мою винтовку, Сабира тянула ее к себе.

Я мигом выскочил из мешка и бросился к ним.

— Дверь закрой! — закричал Карабек.

Я бросился к двери. Закрывая двери, увидел вдали силуэты лошадей и людей. Сабира что-то быстро об'ясняла Карабеку, о чем-то просила его, ломая руки в отчаянии. Карабек уже целился в лежавшего. Все это произошло очень быстро. Всмотревшись, я вдруг узнал киргиза — это был пастух Саид. Он сидел, обняв руками колени, и покачивался. Карабек стоял над ним, качая головой.

— Ах, пастух Барона, ай, Голубые штаны! Ружье хотел украсть...

— А что хотел с ним делать? — спросил я.

— Барона хотел стрелять, а то Барон его убьет.

— А, может, меня хотел застрелить?

— Нет, он бы тебя ножиком зарезал, — успокаивал меня Карабек. — Ай, ай, ай... Я говорил: нельзя спать, смотреть надо, зерно есть, продуктур есть, лошадь есть, ружье есть, ай, нельзя так!

Парень не делал попыток сопротивляться, и Карабек повесил винтовку на плечо.

— Ну как дела, Карабек?

— Барон не дает ячмень, говорит: нет.

— Достать надо! — сказал я.

— Я сам знаю, а где достать? Весь кишлак ходил. Народ в кибитки не пускает. Плохо. Я в одну кибитку зашел, смотрю: человек под кошмой спрятан. Знаю: контрабандист, Китай едет. Дорогу ждет.

Пастух заговорил быстро-быстро. Карабек ему отвечал и вдруг засмеялся. Я спросил, в чем дело. Карабек ответил, что пастух просит взять его в караван. Здесь, говорит, Барон зарежет, а Сабиры все равно не даст: Барон думает ее продать за десять тысяч рублей одному баю в Кашгарию.

В дверь постучали.

— Скажи, что сплю, никого не пускай, — сказал я Карабеку.

Карабек, вернувшись, сказал, что приходил Барон, спрашивал о пастухе, требовал, чтобы пустили, кажется, обиделся и ушел.

— Слушай, Карабек, переведи пастуху, что если он обменяет мне пшеницу на ячмень или муку, то я его возьму в караван, пусть докажет, что может работать. Это будет ему сасыгыт: он ружье хотел украсть.

Сасыгыт — это выкуп, который берут с вора, пойманного с поличным.

Карабек перевел. Пастух покачал головой, тихо поднялся и пошел к двери.

— Сасыгыт, сасыгыт... — засмеялся Саид и ушел.

— Тут такое дело, — тихо сказал Карабек, — он поступает в комсомол, он много рассказывает сельсовету, рассказывает в районе, что Барон делает. Только Барон знает это, жить хочет и его зарежет. Все! Давай спать. Азаму хлеба не давал? Нет? Хорошо... Я с Азама цепь бросаю, он злой будет, хорошо будет смотреть.

Сабира, подбрасывая в огонь стебли полыни, сидела у костра, поджав ноги, положив голову на колени, и казалась совсем маленькой. Она думала.

Мы уснули. Ночью мне снились то борьба, то какие-то многолюдные совещания, где все кричали, и крик этот переходил в рев моря. В море падали скалы, скалы грохотали, и моя голова скакала по ним. Я хотел удержать голову, но она скакала с камня на камень, и вдруг сквозь сон я почувствовал, как что-то шевелится у меня под головой. Сон исчез. Первое желание было вскочить. Но я заставил себя лежать. Во-первых, я не знал, грозила ли мне опасность, а, во-вторых, может быть, это тот вор, который украл мое мясо.

Как его поймать? Спальный мешок неуклюж: сразу из мешка не выскочишь. Зазвенело что-то в стороне. «Оружие», — решил я и тихонько под мешком вынул револьвер, отвел предохранитель.

Из куржума совершенно явно таскали сахар по куску. Сахар лежал под моей головой. Поэтому мне и приснилось, что моя голова падает с одного камня на другой. «Поймать вора во что бы то ни стало», — решил я и, круто повернувшись, схватил кого-то за халат, рванул, подмяв под себя, приставил револьвер к голове и сказал по-киргизски: «Лежи, не шевелись».

— Карабек, Карабек, — звал я.

Его ответ послышался... откуда-то снизу. Что за чорт! Я еще раз позвал.

Карабек отозвался:

— Товарищ начальник, пусти!

Человек, который тащил сахар, оказался Карабеком. «Неужели он ворует? Плохо...» — подумал я.

— Я, — сказал Карабек, — сахар меняю на ячмень. Сабира женщин звала. Женщины ячмень носят, на сахар меняют. Сабира просила пастуха на работу взять. Мужем ее будет. Она за него ячмень меняет, убегает из дому с Саидом.

Сабира, улыбаясь, подошла.

— Тихо надо, товарищ начальник, по секрету от Барона делают.

Старик полулежал у костра.

— Ведь старик видит и расскажет, — сказал я.

— Раз надо, он не видит, он спал, понимаешь, он боится.

— Карабек, — спросил я, — сколько ты наменял?

— Один пуд ячменя будет, только сахару нет, один чай остался.

Вдруг мне пришла в голову одна мысль.

— Карабек, спроси женщин: рис, хлеб, мыло берут?

— Берут,

— Тогда меняй на ячмень продукты.

— Зачем все, а мы что кушать будем?

— Завтра пойдем на охоту с Саидом и убьем козла.

— А если не убьем?

— Ты же сам говорил, что козлов много.

— Очень много!

— Ну вот и хорошо, меняй!

Всю ночь мы принимали ячмень. Скрипела дверь, женщины, как призраки, возникали в дверях с куржумами, полными ячменя, и исчезали, подобно теням, обменяв

зерно на продукты. Всю ночь стучали камни, заменяющие гири на чашках весов...

ОХОТА

Мы проснулись, когда яркое солнце врывалось уже во все щели кибитки. Пора было идти на охоту. Но вокруг нас не было ни старух, ни пастуха, ни Сабиры. Карабек увязывал сумки. Какое-то бормотанье доносилось снаружи — странный козлиный голос, с причитаниями и воем. Я прислушался. Ничего нельзя было разобрать кроме обрывков непонятных фраз.

— А-а-а... Сары-кар. Желтый снег. Белый снег... Посох Моисея... А-а-а...

— Кто это там воет? — спросил я Карабека.

— Это опять Палка Моисея, — сказал Карабек не подымаясь.

Я выглянул за дверь. Посреди площади стоял тот самый полоумный дервиш, который приходил в ночь нашего приезда. Лицо его, как всегда, тряслось и плясало. Он стоял на одной ноге в женском чулке, другую ногу он поджал, как цапля. Он смотрел в сторону, противоположную нашей кибитке, и потрясал огромным посохом — Асай-Мсай.

— Дурной знак, — сказал Карабек, — день будет плохим: прежде всего увидели это чучело...

В это время снег у дверей заскрипел и в кибитку просунулась голова.

— Можно? — вежливо спросила она.

В кибитку вошел плотный мужчина, с бородой, покрытой инеем и сосульками. Когда он отряхнулся, я узнал Шапку из куницы—того чернобородого киргиза, который проводил нас ночью в Кашка-су. Наконец-то он появился!

— Здравствуйте, — сказал он, — усаживаясь перед костром. Как ваши дела? Я слышал, что вы ночью получили-таки немного ячменя, а? Ай, это хорошо сделано, очень ловко сделано!..

Он засмеялся и покачал головой.

— Да, но все-таки у нас еще мало ячменя, — сказал я.

— Сколько вы хотели бы иметь еще?

— Еще несколько мешков не мешало бы. И потом — нужны верблюды.

Человек задумался.

— Вот что. Я вам дам несколько мешков. И продам одного верблюда. Я, может быть, уговорю еще двух — трех человек.

Он встал, на пороге обернулся и почесал бороду.

— Вот что. Только никому не говорите об этом. В нашем кишлаке веселее жить молча... Понимаешь?

Действительно, через некоторое время он привел верблюда с большой поклажей, прикрытой кошмами.

— Ладно, ладно уж, — говорил он нарочно громко, — продам тебе лишнего верблюда. И сена немного для него...

Мы привели верблюда в сарай и здесь вытащили из-под войлока мешки с ячменем.

— Чтобы вы уехали вовремя, — сказал киргиз, хлопая рукой по спине верблюда.—А то вот-вот снег тронется. Тогда на всю весну здесь можно остаться...

Он ушел.

— Вот тебе и дурная примета! — сказал я Карабеку. — Видишь, как хорошо день начался! Теперь мы поохотимся, а завтра можно и в путь.

Взяв свои ружья и сумки и оставив в кибитке старика Шамши-Деревянное ухо, мы отправились разыскивать Саида. На улице мы опять встретили сумасшедшего дервиша—Палку Моисея. Он стоял на перекрестке и смотрел куда-то всторону, держа посох высоко над головой.

Найдя Саида только через час, мы выехали гораздо позже, чем предполагали. Впереди ехал Карабек на огромном пестром кутасе Тамерлане, за ним ехал я на Алае, и сзади на черном верблюде ехал Саид с карамультуком — старинным пульным ружьем. Спереди мчался пес Азам, радуясь, что его выпустили на волю.

Ехали мы к перевалу Кичик-Алай, по берегу быстрой горной речки.

Несмотря на то что был март, солнце уже слегка припекало.

Черные водяные воробьи, немного поменьше черных дроздов, летали в брызгах реки, ныряя в воду. Мы поднимались все выше. Солнце начинало припекать. Карабек затянул киргизскую песню.

Кишлак давно скрылся из виду, и река казалась узкой черной ленточкой далеко внизу, среди белых сверкающих ледяных берегов.

— Три человека на трех лошадях, три человека на трех лошадях, три человека на трех лошадях... — пел Карабек. Через полчаса мне эта песня Карабека надоела, и я спросил его, что он так однообразно поет?

— Ты ничего не видишь?

— Нет.

— А я вижу: раньше нас три человека ехали на трех лошадях, — и он указал на снежную дорогу.

Я стал всматриваться и вдруг увидел вдалеке на дороге Палку Моисея. Проклятый старик, как он мог очутиться впереди нас? Очевидно, ему известны какие-то другие тропинки. И ради чего он вздумал прогуливаться в своих чулках по горам?

Когда мы поравнялись с дервишем, он посмотрел своими безумными бесцветными глазами сквозь нас и забормотал:

— А, человек в больших очках... Скоро пойдет желтый снег, желтый снег.... Все ждут, чтобы пройти перевалом... Но никто весной не сойдет вниз, в долину, проклятие тебе... Ты не уйдешь от посоха Моисея...

Я не знал: относилось ли это к нам, или просто было безумной болтовней?

— Каркай, каркай, ослиный хвост! — крикнул Карабек, замахиваясь палкой. — Вот привязался! Был, знаешь, у одного осла трясущийся хвост, ему надоело, и он отрезал хвост ножиком. Вот какие бывают истории...

Старик, казалось, ничего не слышал, однако, когда Карабек направил на него своего быка, он довольно быстро и ловко отскочил всторону...

— Козел! — крикнул Карабек и, встрепенувшись, показал вперед.

— Где?

Остановив Алая, приподняв зеленые очки, без которых нельзя было ездить среди этих сверкающих снегов, и протерев бинокль, я долго всматривался в склоны гор, но козла не увидел.

— Где козел? — переспросил я.

— Ай, четыре глаза имеешь, а не видишь, вон там! — и он показал опять в том же направлении.— Видишь, много черный камень, видишь, левый край, большой черный камень, сверху козлишка!

На этот раз я увидел козла. Он стоял на вершине осколка скалы, и его огромные рога резко выделялись на фоне снега. Он стоял в восьмистах метрах, почти у вершины горы. Я потянул винтовку со спины.

— Не надо, — сказал Карабек, — далеко.

Мы поехали дальше.

— Не смотри туда: козел людского глаза боится. Смотри другую сторону... — и Карабек больше ни разу не взглянул на козла, пока мы не доехали до подножья горы.

Спешились. Саид взял из-под наклоненной скалы горсть песку и подбросил вверх.

— Яман, — сказал Карабек, — плохо. Ветер на козлишка идет, сейчас козлишка людской запах слышит, козлишка убегает.

— Идем скорей, — сказал я.

Я решил попытать счастья и быстро, насколько это позволял проваливавшийся снег, пошел между обломками скал вверх. Вскоре я вспотел и начал задыхаться: высота в четыре тысячи метров давала себя чувствовать. Все же я решил посмотреть, где козел, ибо высокие обломки заслоняли его от меня.

Приподнявшись на руках, я влез на небольшой обломок и пополз по скользкому черному краю, достиг верхушки его и осторожно выглянул.

Как и предсказывал Карабек, почувствовав запах людей, козел уже удалялся к верхушке горы.

«Все равно уйдет, попробую», — решил я и быстро перевел курок с предохранителя на боевое положение. Затем, поставив прицельную рамку на шестьсот метров, поспешно прицелился в козла и выстрелил. И тотчас же, словно по команде, больше десятка козлов выскочило метрах в ста от меня из камней и стало удирать на верхушку горы.

— Что я наделал? Ведь если бы подойти поближе, я бы их всех перестрелял...

Появление козлов меня ошеломило, и я прозевал наиболее удачное положение. Но все же я сделал несколько выстрелов по исчезавшим за верхушкой скалы козлам и не попал ни в одного.

Спустился я расстроенный и смущенный. Саид покачал головой и начал укоризненно что-то говорить.

Поехали дальше. Через полчаса остановились снова. Карабек, не говоря ни слова, свернул быка в глубокий снег налево и заехал в щель. Кутас в зимних условиях — снегоочиститель пути. И Тамерлан блестяще справлялся со своей задачей, проламывая своей грудью дорогу в сугробах. За ним на этот раз ехал Саид на черном верблюде, а за Саидом — я. Повернув в ущелье направо, мы спешились.

— Козлишка четыре штуки та сторона горы есть... — сказал Карабек, — надо гора лазить.

Я влезал на бугры, на камни, совершен-

но выбился из сил, купаясь в собственном поту, но не мог никак долезть до верхушки. Саид первый исчез наверху. Затем он снова показался, несколько спустившись к нам, помахал рукой, и мы пошли влево.

— Козел на другую гору пошел, — пояснил Карабек. — Ты идешь влево, а я — сюда, вправо, на север; на горе очень хорошо видно, далеко не стреляй...

Я так и поступил. Поднявшись наверх и не доходя до самой верхушки, я присел отдохнуть и тут же увидел высовывавшуюся из-за камня голову козла. Очевидно, он пасся за камнем, не замечая опасности.

От меня шел пар, и я задыхался от быстрого под'ема. Прицелившись в темное пятно, я хотел выстрелить, но винтовка дрожала в руках. «Надо успокоиться, а то все равно не попаду», — подумал я и, опустив винтовку, сел на корточки. Вдруг темное пятно, которое я принимал за козла, поднялось вверх и оказалось человеческой головой в папахе. Я удивленно уставился на нее. Голова заметила меня, сейчас же спряталась, но потом появилась вновь, и из-за камня вышел... Джалиль Гош. Очевидно, он тоже охотился.

Он нерешительно двинулся ко мне.

— Здравствуй, здравствуй, — сказал он и, пожав мне руку, быстро оглянулся несколько раз кругом. — Якши винтовка...— сказал он улыбаясь и, подойдя вплотную, потянул винтовку у меня из рук.

Но я не выпускал винтовку. Джалиль снова потянул ее к себе.

— Ташла — бросай! — сказал я.

Но он засмеялся, глаз его за стеклами темных очков не было видно.

— А ну, кто сильней будет, — сказал Джалиль Гош и снова потянул винтовку к себе.

Я вспомнил все разговоры о Джалиле, рассказы Барона о том, что он бандит и самый отчаянный контрабандист. Встреча с ним с глазу на глаз в горах не могла быть приятной. Однако я, сделав равнодушное лицо, протянул ему ружье.

— Ты хочешь посмотреть ружье?—спросил я. — На, пожалуйста.

Сам я сел на камень и принялся сворачивать папироску, одним глазом следя за Джалилем. Он тем временем осмотрел ружье, погладил его рукою и хмуро уставился на меня.

— А если я тебя убью? — вдруг спросил он.

Вопрос был неожидан.

— Ну что ж, — сказал я спокойно. — Значит, я буду убитым. Только и всего... Только ты меня не убьешь. Это я знаю.

Тут уже он удивился.

— Отчего же? Что ты мне сделаешь? Пойдешь жаловаться Барону?

— Зачем мне Барон? Меня Барон не слушает.

— Ты с Бароном — одно и то же! — сказал Джалиль и выругался. — И ты советская власть и Барон—советская власть...

— А почему ты не любишь советскую власть?..

Мы сели на камень. Джалиль тоже закурил, отдал мне ружье.

— Вот что, Джалиль, — сказал я как ни в чем не бывало. — Мы уезжаем. Нам нужны караванщики. Пошел бы ты к нам в караван?..

Джалиль от неожиданности умолк и с изумлением уставился на меня.

— Знаешь, я тебя в самом деле убью,— сказал он.— Ты мне не говори такие вещи. Джалиль—не караванщик. Джалиль — не верблюдчик...

Мы посидели еще некоторое время молча. Джалиль нахмурился, задумавшись, потом сплюнул папироску и встал.

— Сары-кар, — сказал он, не глядя на меня,—желтый снег придет, откроются перевалы в Кашгар, дороги в долину... Джалиль Гош уйдет отсюда далеко-далеко... Здесь Барон, здесь гнилые люди, здесь надоело охотнику Джалилю...

Он посмотрел задумчиво всторону, вниз, в долину, как будто действительно там уже открылись дороги и зазеленели поля, и, вскинув ружье на плечо, не попрощавшись, зашагал прочь. Он ловко перепрыгивал через снежные уступы. Я увидел его высокую черную фигуру, движущуюся среди белого океана горных снегов и туманов. До меня донеслись обрывки песни:

«Скоро, скоро появится Сары-кар.
Желтый снег с'ест белый снег.
Откроются дороги в Кашгар, в Фергану, в Каратегин, в зеленые долины».

Вскоре он скрылся из виду. Я пошел тоже вниз, по уступам, разыскивать Карабека и Саида и вскоре услышал выстрел. «Наши охотятся»,— решил я и прибавил ходу.

Скатываясь и сползая по некрутому склону, обогнув скалу, я очутился в долинке. Здесь я увидел двух охотников.

Но это были не наши. Первый был Барон, а второй — тот низенький вчерашний японец, которого мы встретили у Барона. Японец был с ружьем, а Барон без ружья.

Скатился к ним я неожиданно для себя, да и наверное для них. Барон от изумления начал гримасничать, как обезьяна, и потом здороваться со мною.

Японец вежливо поклонился мне и протянул руку. Не зная, о чем говорить, мы молча смотрели друг на друга. Он разглядывал меня прищурясь; японец заговорил первый.

— Агроном? — спросил он меня.

— Да.

— О! Я тоже почти агроном. Вы занимайся ячмень. Высокогорный ячмень для семена...

— Да.

— Я тоже немножко занимайся ячмень. О, замечательный культур. Только здесь нельзя сей ячмень, нельзя сей пшеница. Он не будет расти здесь. Очень дикий, голый место.

Он насмешливо щурился и мяукал, и мне очень хотелось ударить его по кошачьей физиономии. Я отвечал ему нехотя.

— Нет, почему же? Место замечательное. Здесь будет плодороднейший край.

— О, да. Только в этот край плохие дороги. Сейчас снег, сейчас буран, сейчас желтый снег, сейчас зима или весна, уважаемый агроном все равно не мог попасть домой. Агроном гуляй, занимайся охотой, стреляй козел... Я тоже немножко занимайся охотой.

— Да, агрономы занимаются не только посевами...

— О!.. Я очень любил занимайся охотой. В этом много прелесть! Только, конечно, много ходиль, лазай, уставал, но, конечно, нельзя на охота без некоторых неприятность...

Японец попрежнему насмешливо осматривал меня. Вдруг Барон закричал:

— Смотри: киик, скорей стреляй, скорей!

Я до того устал, что мне было не до козла, но все же я быстро вскинул винтовку и два раза выстрелил в указанное место, темнеющее среди скал. Видел я плохо, но хорошо заметил, что из-за сугроба никто не выскочил.

— Козел, козел убит! — закричал я.

Мы все заспешили, проваливаясь в снегу, к сугробу. Рога козла, казалось, были закинуты назад.

Каково же было наше удивление, когда мы, подбежав ближе, увидели, что это был вовсе не козел... На снегу лежал во весь рост Джалиль Гош. Снег вокруг был красен от крови.

Я был потрясен и взволнован: «Убил, убил Джалиля!»

Барон торжествовал, он кричал, что было сил. Я стоял, опустив голову, не обращая внимания на него, обдумывая, как это могло случиться.

Вскоре на выстрелы пришли Карабек с Саидом, волоча убитого ими козла. Барон продолжал кричать.

Я обратился к Карабеку.—Но ведь барон мне сказал, чтобы я стрелял.

Карабек перевел мне:

— Он говорит: у тебя глаза есть, у него винтовки нет.

Барон стал кричать, что должен меня арестовать как член сельсовета за убийство и винтовку отобрать.

Карабек, склонив голову на бок, подошел к Джалилю Гошу и начал его пристально рассматривать.

— Странно, — сказал Карабек,—похоже, что совсем другой ружье стрелял: твой ружье пуля большая, а рана совсем маленькая...

Оторвав кусок рубашки, я склонился над Джалилем перевязать рану. С головы его на снег капала кровь. Джалиль Гош был недвижим, очевидно, без сознания. Он лежал огромный, раскинув руки. Мне вспомнился разговор с ним, происходивший наверху всего лишь каких-нибудь несколько минут назад...

Японец стоял всторone, глядя на все происходившее, насмешливо щурясь и качая головой.

— Очень голый, дикий место, — сказал он мне, — на охота бывают всякие неприятности...

СБОРЫ КАРАВАНА

Поздно ночью, измученные и обессиленные, мы приехали в кишлак. Первый человек, которого мы встретили у кибитки, была Сабира. В конюшне рычал Азам на цепи.

Вечером в огромном казане кипело мясо. Вокруг костра сидели дехкане, боязливо и очень осторожно обсуждали случившееся. В углу стонал Джалиль. Я решил взять его в Дараут-Курган и там сделать операцию. Саид жался ко мне и пугливо оглядывался на каждый шорох.

Джалиль Гош был недвижим.

В два часа ночи меня разбудили поесть. Груда мяса — весь киик дымился на блюде, наполняя кибитку ароматом. Мясо мы густо посыпали перцем. Я позвал Сабиру, она ответила: «Потом». По магометанскому обычаю, женщинам вместе с мужчинами есть нельзя. Не желая отпугивать аксакалов — стариков, я не настаивал.

Все сидели вокруг разостланного на полу пояса Карабека и ждали.

Помыв руки, я взял огромную бедерную кость, и тотчас же за мясом потянулся десяток рук.

В этот момент я не многим отличался от сидящих у костра вместе со мною людей, закутанных в шкуры: так же спеша и обжигаясь, ели они руками вареное мясо без хлеба.

Наконец, кости были разбиты камнями и мозг высосан. Все облизали и обсосали поочереди пальцы. После этой процедуры начали пить чай, а значит, начали и разговаривать.

Карабек сидел с закрытыми глазами. Наконец, все окружающие могли удовлетворить свое любопытство: узнать подробности событий. Осторожно они начали переводить разговор на раненого Джалиля Гоша.

— Аксакалы, — сказал я. — Один человек хотел обвинить меня в том, что я ранил Джалиля. Мы осмотрели рану; она сделана вовсе не моей пулей. У меня винтовка

Витерли. Вы можете осмотреть мои пули: они большие, в палец длиной.

В эту минуту в кибитку вошел Барон. Он тихо остановился за спинами стариков и слушал мои слова.

— Вот и хорошо, Барон, что ты тут, — сказал я, — надо акт составить, что Джалиль ранен картечью из охотничьего ружья.

— Составим завтра.

— А почему не сегодня?

— Я болен.

— Долго не задержим, в три минуты сделаем.

— Без секретаря не подпишу, а его нет.

— А когда он будет?

— Завтра утром.

— Ну хорошо, расходитесь. Будем спать.

Сабиру Барон хотел взять с собой, она запротестовала, и ее вдруг поддержал ее отец — Деревянное ухо. Эту смелость он проявил, наверное, благодаря нашему присутствию.

В этот вечер дым меньше ел глаза, или я просто уже привык и не замечал. Заснул я мертвым сном. Чорт с ним, решил, пусть режут, но я хочу спать!

Карабек лег на мешках с ячменем.

Утром мы с трудом открыли двери, настолько завалил их снег. Сильный ветер гнал тучи снега по долине; начинался большой буран.

Барон пришел и посоветовал уезжать.

— Знаешь, народ голодный, злой. Я не отвечаю ни за что!..

— Но ведь буран большой будет! Мы пропадем! — запротестовал я.

— Не знаю, не знаю, — развел руками Барон.

— Тогда давай сейчас акт напишем.

— Хорошо, хорошо, — ответил Барон, — только приведу секретаря.

Через час оказалось, что ни секретаря сельсовета, ни Барона якобы нет в кишлаке.

— Дома Барон сидит, а жена говорит: нет, — сказал Карабек. — Я все знаю. Наше дело плохо. Буран идет — дороги нет, весна идет — совсем дороги нет. Тут сидишь — бандиты есть, ждут дорогу в Кашгарию. Плохо будет, сам знаешь. Сейчас поедем — пропадем, оставаться — продуктов нет! Никто не даст. Так Барон прикажет.

— Карабек, — сказал я, — давай ехать, зови всех наших нанятых верблюдчиков. Саид с нами должен поехать вниз.

— Большой буран будет, останемся на дороге, умираем, — сказал Саид, и я вспомнил кости верблюдов и ишаков, которые торчали из-под снега по всему пути.

— Ты глуп, Голубые штаны, — сказал Карабек. — Тебя здесь Барон убьет, как Джалиля Гоша. О чем тебе раздумывать?

— Ничего я не раздумываю! Кто тебе сказал? — вдруг вспылил Саид. — Конечно, Саид поедет.

Тряпки в углу тут зашевелились: это поднял голову старик Шамши.

— Сколько прибавишь? Сколько прибавишь? — спросил он.

— Чего прибавить?

— За буран. Караван идти — сколько заплатишь, а?

— Спи, Деревянное ухо, — ответил Карабек. — Тебе ничего не прибавим.

— Тогда я не поеду. Вот что.

— И очень хорошо, что не поедешь. Зачем ты?

И старик опять завернулся в халат. Потом вдруг встал и начал завязывать в узел тряпки. Старуха проснулась и с удивлением уставилась на него.

— Горе мое! — заговорила она. — Он совсем с ума сошел. Куда он собирается?!

— Молчи, — сказал старик. — Саид едет, Джалиль едет, Ахмед едет, Садык едет, все едут. Шамши тоже едет. Начальник не может без Шамши.

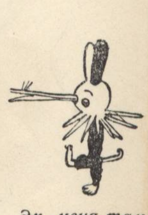
Это было смешно, особенно когда он взял старый, весь проржавленный и дырявый самовар и понес вьючить его на верблюда; рассказывали, что самовар этот давно не работает, однако старик гордился им, и, пожалуй, это было единственное его имущество, если не считать коня.

— Поеду в Каратегин. Давно я не был в Гарме. Я там починю свой самовар, — сказал Шамши.

— А как же останется Сабира? Саид уезжает. Барон...

— Барон, Барон! — закричал старик с сердцем. — Сабира — племянница Барону. А я бедный родственник...

На этот раз он, пожалуй, был прав. Что он сделает тут для Сабиры? Оставаться же, видно, он категорически не хотел. Пусть, решил я, мы еще вернемся к бедной Сабире и поправим ее дела.

Эх, меня там не было!

(Конец первой части. Продолжение в следующем номере).

С. МАРШАК

Рисунки Ю. Кискачи

1
Скрипачи и трубачи

Старый дедушка Коль
Был капустный король,
Громко крикнул он свите своей:
— Эй, налейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да зовите моих скрипачей,
Ти-ли-ли,
Да зовите моих трубачей,
Ту-ру-ру,
Да зовите моих трубачей.
А за то, что сыграют они
королю,
Им на шею капусту пове-
сить велю.
Да морковки
Пучок,

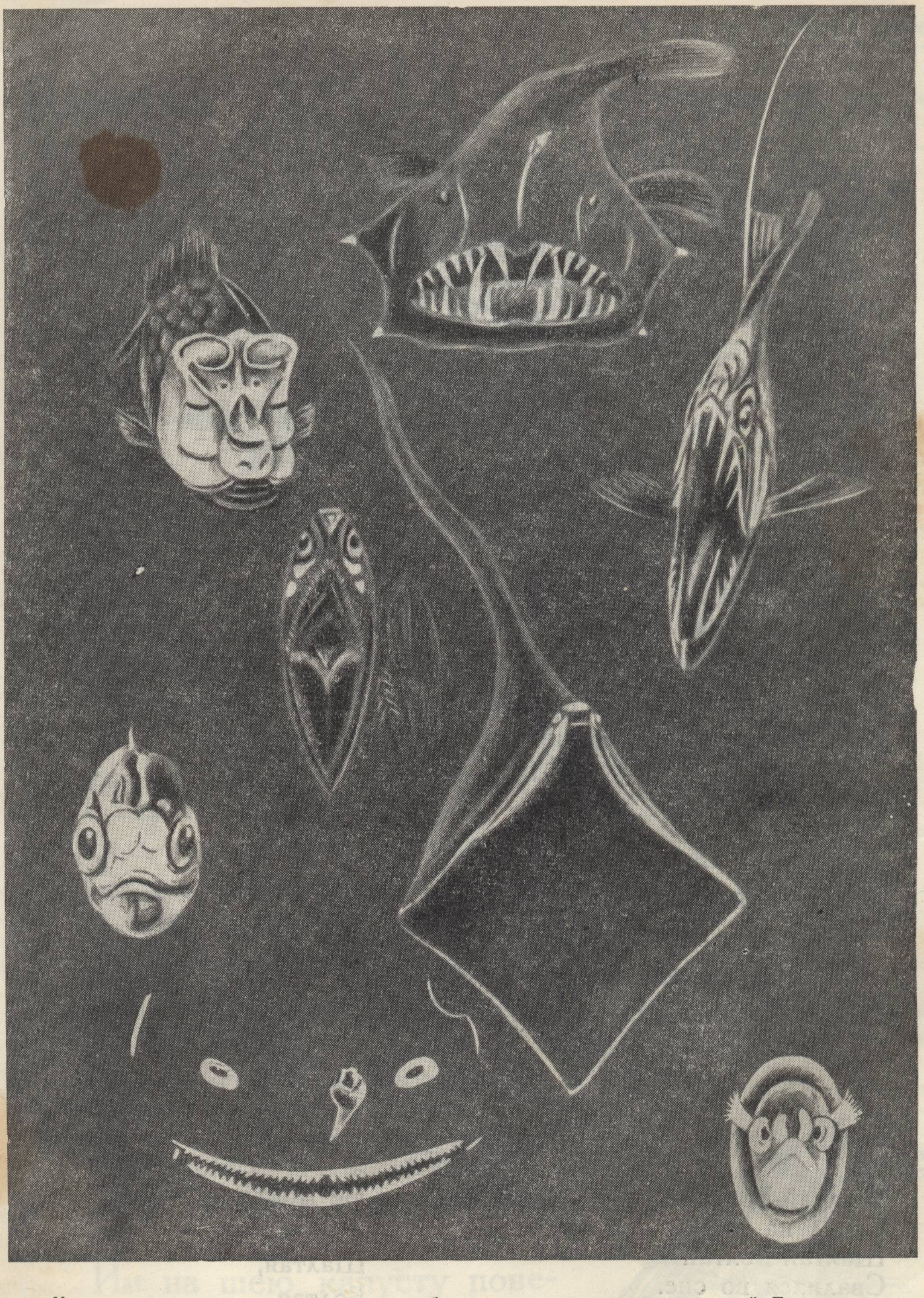
Да гороху
Стручок
Всем на шею повесить велю.
— Ти-ли-ли, — заиграли в траве скрипачи.
Восемнадцать кузнечиков, две саранчи.
Ту-ру-ру, — затрубили вороны в саду.
Буль-буль-буль, — зазвенели лягушки в пруду.

Буль-буль-буль,
Ква-ква-ква,
Буль-буль-буль,
Ква-ква-ква, —
Зазвенели лягушки в пруду.

2

Шалтай-Болтай

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.
Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,
Не может
Болтая,
Шалтая,
Болтая,
Болтая,
Шалтая,
Шалтая-Болтая собрать.

Некоторые из нелепо уродливых рыб, которых мы видели под водой. Телескопоглазая рыба (наверху налево) напоминает подводного павиана. «Светящийсязубый удильщик» (ниже слева) показался нам похожим на кота из сказки «Алиса в стране чудес». Верхний средний — «меланоцетус». Верхняя правая — рыба-гадюка. Левая средняя — краснозолотая рыба-дракон. Правый средний — угорь-удав. Нижняя левая — рыба-фонарь. Нижний правый — «рыболов-пигмей».

В ГЛУБИНАХ ОКЕАНА

Вильям Биб
Перевод с английского Л. И. Некрасовой

(Окончание)

А Тут-Итам там есть?

У КОНЦА СОЛНЕЧНОГО СПЕКТРА

В 1932 году нам удалось спуститься в первый раз только 22 сентября. Море еще волновалось после шторма. Удар о поверхность воды, плеск — и мы погрузились в бледнозеленое сияние верхнего слоя океанских вод.

Потемнение было всего заметнее на первых 15 метрах глубины, потому что тут поглощаются все теплые красные лучи. Остался сине-зеленый свет, который вызывал у нас ощущение холода задолго до того, как термометр понизился на один градус.

В правильном шаре, каким была наша батисфера, все предметы стремятся занять место на дне. Записную книжку, мелкие инструменты и электрический фонарик я повесил в открытой сумке на шее. Все, что можно, мы рассовали по карманам. Но остальные вещи приходилось искать в общей куче, на дне, где лежали пилы, гайки, запасной баллон с кислородом, клещи, тряпки и ключи.

Я упирался ногами и коленками во все, что представляло малейшую точку опоры, стараясь, чтобы окно приходилось прямо против моих глаз. Бартон, окруженный своими инструментами, сидел у двери, следя за прожектором, сальником, самой дверью и за баллоном с кислородом. Наклонившись, он мог заглядывать во второе окно.

На глубину спуска нам указывало только медленное, постепенное потемнение. Движения батисферы мы не замечали. Поэтому, когда на глубине 84 метров мимо проплыла медуза-аврелия, обитающая в верхних слоях, я не сразу сообразил, что ее присутствие здесь — очень интересный и неожиданный факт.

На 153 метрах мы тщательно прорепетировали световые сигналы. Это было очень важно, потому что если бы что-нибудь случилось с телефонными проводами, то одна вспышка сигнальной лампочки на палубе должна была указать, что мы живы, а три — что нас надо поднимать как можно скорее.

На 163 метрах мимо проплыли три длинных тонких червя с вытянутыми щупальцами. В отдалении едва виднелись другие. На 205 метрах я увидел первую стаю серебристых рыбок — аргиропелеков.

Несколько минут спустя солнце скрылось за тучу, мы узнали об этом раньше, чем нам сказали по телефону, потому что синева за окном стала темнее.

По мере того как мои глаза привыкали к усиливающейся темноте, я начал замечать множество мелких беспозвоночных животных.

Бесчисленные мелкие существа проносились мимо. Чертили зигзаги крылоногие моллюски. Загадочные бледносерые создания длиной от $2\frac{1}{2}$ до 5 сантиметров подплывали из сине-черного мрака к самому окну.

Мы достигли 305 метров глубины. Подвешенные в крошечной стальной камере среди океана, точно в горошине на нитке, мы были так же затеряны в пространстве, как стратонавты, поднявшиеся высоко над землей в стратосферу.

Здесь мы произвели полный осмотр нашего мирка. Бартон нашел, что дверь и баллон с кислородом в полном порядке. На кабеле около сальника не было никаких признаков влажности. Я направил свет на окно и вдруг увидел просачивающуюся воду! На секунду мной овладело чувство панического ужаса. Каждый честный исследователь должен сознаться, что ему знакомы такие мгновенья. Но тут же я заметил, что по всем стенкам извивались струйки воды,

и понял, что это нормальное потение от тепла, выделяемого нашими телами.

Мы усиленно обмахивались веерами через каждые несколько минут. Кислородный клапан выпускал ровно два литра кислорода в минуту.

Тем не менее кислород расходовался быстрее, чем нам хотелось, и мы стали стараться как можно короче и меньше говорить по телефону и между собой, чтобы уменьшить расход кислорода на дыхание.

По телефону до нас слабо донеслись громкие гудки буксиров, плававших высоко над нами. Это были гудки в честь того, что мы перешли рекордную глубину наших прежних спусков — 435 метров.

Прожектор отбрасывал теперь сильный луч, казавшийся бирюзовоголубым в окружающей тьме. На 455 метрах луч осветил двух больших угрей, которые, извиваясь, тотчас же уплыли из столба света.

В это время по телефону сверху сказали, что нас начинают передавать по радио. Все, что мы говорим в телефон, будут слушать теперь миллионы людей!..

Здесь, в круглой камере, повисшей в черной воде, этого решительно нельзя было себе представить.

Мы задержались на глубине в 520 метров. Я стал пристально смотреть в окно. Но, напрягая зрение, я все же не мог заметить никаких следов синевы. Все было черно. Наконец, мы достигли главной цели этого спуска — опуститься ниже уровня света!

Там, где мы находились, в течение двух миллионов лет не было никакой разницы между днем и ночью, между зимой и летом. Сколько бы мы ни спускались ниже, хоть на дно впадины Бартлета [1], — для наших глаз это останется незаметным.

В черном мраке за окном неожиданно появилось огромное количество танцующих огоньков.

Это были еще никем невиданные и не имеющие никакого названия существа. Их множество так поразило меня, что несколько минут я не мог связно рассказать по телефону, что я вижу. Затем я решил не обращать внимания на десятки огоньков сразу, а пристальнее рассмотреть только какой-нибудь один. И я различил слабые контуры, соединявшие вместе огоньки, которые сначала казались отдельными. Семь рыб плыли в одну сторону. У них тускло светились глаза и тело было покрыто множеством мелких светящихся точек. Одна из них выплыла вперед, у нее блестели длинные клыки. Не знаю, чем они освещались.

Недалеко от окна рыба повернулась боком, и на одну секунду я разглядел шестигранную чешую. Затем она потухла и исчезла.

Через мгновенье на месте семи рыб плыла бледнозолотая цепочка сифонофор, животных-колокит, родственниц медуз.

Мы спускались все ниже.

На глубине 570 метров около окна закачалась стая крупных спрутов-кальмаров — страшных хищников глубин. Совсем рядом, так, что можно было бы рукой достать, на меня в упор уставились огромные глаза, окруженные кольцом мелких цветных огоньков, — немигающие глаза моллюска.

На 585 метрах нас впервые качнуло. Это произошло неожиданно, я разбил губу и лоб о подоконник, а Бартон ушиб затылок о дверь. В течение двух — трех секунд, которые нам показались невероятно длинными, мы думали, что шар оборвался и перекувырнулся. Но нас успокоили по телефону: это качало наверху судно «Свободу», опускавшее нас. И все же мысль, что наш тяжелый стальной шар, который был все время таким устойчивым, катается, как футбольный мячик, была очень неприятна. Однако мы к этому скоро привыкли, так как качка начала повторяться каждые две — три минуты.

Там, за окном, носились крылоногие моллюски с раковинками и множество других животных, которых я никак не мог определить. Иногда яркий огонек величиной с небольшую серебряную монету двигался прямо на окно и неожиданно взрывался фонтаном блестящих искр, так что я невольно отдергивал голову.

Мы в первый раз видели такие фейерверки и никак не могли привыкнуть к ним.

До сих пор о глубоководном населении судили только по скудным уловам траловых сетей. И океанские глубины казались пустынными.

Как ошибались все, кто так думал! Мы спускались среди десятков и сотен тысяч живых существ, крупных и мелких, быст-

[1] Провал на дне Тихого океана, вблизи Филиппинских островов, 9 километров 600 метров глубины. Долгое время думали, что это самая большая глубина в мире. Но сейчас — тоже в Тихом океане — найдены глубины больше 10 километров.

рых, ловких — и только десятую часть их, может быть, знала наука.

Тучи организмов кружились вокруг батисферы. Иногда, правда, мы проходили через слои воды, почти пустые. Но под ними начинались снова слои, переполненные жизнью. Мы знаем обо всем этом так мало, что можем только гадать, почему животные тысячами плавают в одном слое, а в соседнем их нет.

Осмотрев сальник над головой, мы увидели, что кабель вдавило внутрь почти на четыре сантиметра. Качало сильнее чем раньше. Банки с растворами, стоявшие на полках, расплескивались. Мы цеплялись за что попало.

Тогда мы с Бартоном решили не продолжать спуска в таких неблагоприятных условиях, тем более, что наша главная цель была достигнута. Наибольшая глубина спуска в этот раз была 731 метр. Я отдал приказ — поднимать.

Через несколько минут произошло самое замечательное событие за весь этот спуск. Не больше чем в трех—четырех метрах от окна медленно проплыли две рыбы, каждая не меньше двух метров длиной. По общей форме они напоминали хищную барракуду. Пасть у них была открыта все время, пока я на них смотрел. Вдоль тела шел ряд светлоголубых огоньков. Глаза у них были очень большие; выдающаяся вперед нижняя челюсть была усажена многочисленными клыками, которые освещались или светящейся слизью или внутренними органами свечения. Мы были первыми людьми, которые видели таких рыб!

Странный стальной шар с огромными глазами и пронизывающим лучом прожектора или двухметровое чудовище, сверкающее, как океанский пароход, и несущее на себе свои собственные сигнальные огни? Обнаруженное на глубине 600 метров, это огромное существо было названо «недоступной батисферной рыбой». До сих пор ее никто не видел кроме нас.

Я назвал их «недоступными батисферными рыбами».

Затем мы встретили гигантскую самку рыбы-удильщика, или морского чорта, с огромным зубастым ртом и длинным придатком на верхушке головы.

Два раза эта рыба открыла и полузакрыла свою огромную пасть, но нас подняли кверху, и морской чорт исчез в вечном мраке.

Факты, важные для науки, мы часто узнаем случайно. Перед спуском я завернул в марлю молодого бермудского омара и привязал снаружи над средним окном батисферы. Этот рак приносился в жертву науке: я ожидал, что давление глубин расплющит его и вкусные соки его тела будут приманкой для глубоководных рыб и других обитателей вечного мрака. Но, когда нас подняли на палубу, омар был еще оживленнее чем до спуска. Он без вреда выдержал давление по крайней мере в восемь тонн! Получив окончательное помилование, он с тех пор счастливо зажил в аквариуме.

СПУСК В ВЕЧНУЮ НОЧЬ

Весь 1933 год батисфера мирно провела под гондолой стратосферы Пикара на выставке «Столетие прогресса» в Чикаго.

Любопытные из публики, просунув голо-

ву в дверной люк, с ужасом восклицали: «Вот уж ни за что не спустился бы под воду в этой штуке!»

Но вот, наконец, большой синий шар был вынесен из зала науки и поставлен на грузовик. На другой день я увидел батисферу на сталелитейном заводе—в путанице сложных машин, среди жужжащих приводных ремней и снопов искр: батисфера вернулась на место своего рождения для основательного ремонта.

Батисфера, стоявшая на подстилке из стальных опилок, казалась мне такой же прочной и крепкой, как всегда.

Но когда я снова навестил ее, доктора — инженеры, лечившие неодушевленную больную, — сказали мне, что с ней дело плохо: при внимательном исследовании обнаружили, что ее кварцевые глаза потеряли прочность и как бы затуманились. Все, кроме меня, видели в них массу мелких трещин. Пришлось заказать новые линзы, из лучшего материала. Сменили медную оправу дверного люка и центральный крылатый болт.

Затем специалисты признали, что наши старые кислородные баллоны, ванночки для химикатов и пальмовые листья вместо вееров достойны людей каменного века. В батисферу поставили усовершенствованные приборы — четыре расположенных друг над другом сосуда, похожих на обеденные судки, с крошечным электрическим вентилятором сверху. Теперь воздух внутри батисферы можно было сменить и очистить в полторы минуты.

Мириады этих тонких и нежных ракообразных проплывали в лучах прожектора батисферы, как пылинки в луче солнца. Их назвали иглоголовыми. Но пока мы можем только наблюдать их и удивляться их необычному виду. Об их привычках наука еще ничего не знает.

Батисфера прибыла на Бермуды 5 июля 1934 года в самом нижнем трюме большого океанского парохода и в тот же день была погружена на «Рэди», с которого мы опять должны были производить наши спуски.

Каждый день, проходя по пристани, мы видели, как чернокожие водолазы ныряли в воду за серебряной монетой, которую бросали им туристы. Так перед нашими глазами наглядно проходила вся история водолазного дела — от голого человека, нырявшего на глубину 4 — 6 метров, до батисферы, в которой мы собирались сделать особенно глубокий спуск.

На все приготовления, на проверку — в этот раз особенно тщательно — всех инструментов, на пробные спуски ушло больше месяца.

Наконец 11 августа в 9 часов 30 минут утра с палубы «Рэди» я увидел в открытом море широкие, низкие валы, предвещавшие тихий день. Мы были в районе прежних спусков, в десятке километров от острова Нонсэч. Замедлив ход, мы стали против волны и приготовились к спуску.

Описать то, что я видел во время этого спуска, чрезвычайно трудно. Так же трудно, как иностранцу через два часа по приезде в Нью-Йорк ответить на вопрос, как вам нравится Америка.

Этот спуск оказался исключительно благоприятным для наблюдений, и я постараюсь передать здесь прежде всего мои непосредственные впечатления.

В 9 часов 41 минуту мы опустились в воду. И снова лица, баллоны, сосуды для химикатов, даже черные стены — все окрасилось в зеленый цвет. Но с палубы казалось, что батисфера погружалась в чистую густую синеву, пока не скрылась окончательно на глубине 30 метров.

А снизу мы видели, как морщится над нами наверху водяной потолок, то медленно поднимаясь, то опускаясь. Кое-где к этому потолку были точно приколоты пучки саргасовых водорослей. Я заметил мелкие пятнышки, двигавшиеся под нами, и решил рассмотреть их в бинокль через воду. Я узнал летучих рыб. Их полураспущенные плавники тащились за ними, когда они плыли. Затем батисфера слегка повернулась, и показался корпус «Рэди». За четыре года он еще больше оброс водорослями и ракушками.

Я уже говорил, что все теплые лучи спектра исчезают через несколько минут после погружения. Красного и оранжевого как не бывало, скоро в зеленом цвете пропадает и желтый оттенок. Между тем на поверхности земли для нас особенно важны красные и желтые лучи. И хотя эти краски представляют только шестую часть спектра, без них остальные цвета невольно вызывают у человека мысль о ночи, холоде, смерти...

Зеленый цвет изменяется незаметно. На 60 метрах уже невозможно сказать, какая кругом вода — зеленовато-синяя или синевато-зеленая. На 100 метрах мимо проплыла колония прелестных сифонофор. Они казались сделанными из стеклянных нитей. Это животные-колонии. Они состоят из множества отдельных особей. Одни особи наполнены газом и служат для всей колонии поплавком. Другие, похожие на медуз, выталкивают из-под своего колокола воду и так, толчками, двигают всю колонию. Третьи особи — это только рот, около которого арканчик — им они ловят мелких животных и отправляют их в желудки. Эти особи — желудки — переваривают пищу для всей колонии, их полость связана с полостями всех других особей, сидящих на общем стебле — столоне.

Наконец, четвертые размножаются, а пятые закрывают и защищают остальных.

Сифонофоры плыли, похожие на пучки живых, непрерывно двигающихся цветов. В сети попадают только их поплавки, а все удивительные придатки — усики, радужные живые лепестки — обращаются в массу спутанных нитей.

Когда в употребление войдут десятки батисфер, мы узнаем гораздо больше чем теперь о распределении рыб в слоях океана. Мы встретили, например, желтохвостую рыбу «оциурус» и двух рыб с синими полосками. Они пристально рассматривали нас на глубине 120 и 137 метров. А до сих пор считалось, что они живут лишь в верхних слоях.

Я заметил, что во время каждого глубоководного спуска есть несколько основных моментов. Таково, например, появление первого свечения. На этот раз оно показалось на глубине 200 метров. После его появления мы вступаем в новую область подводного мира. Зеленый цвет, цвет всех растений на земле, остался далеко наверху над нашими головами.

На 210 метрах свет нашего прожектора был еще тусклым. Солнечный свет сюда еще доходил. На 240 метрах мы прошли через рой мелких организмов — веслоногих рачков и извивающихся червей. Но, рассмотрев червей, мы с удивлением убедились, что это бесчисленные мелкие рыбы-циклотоны.

На 350 метрах я снова попытался описать воду. черновато-синяя, темно-серо-синяя. Начиная с этой глубины глаз перестает различать краски.

На 335 метрах я увидел гораздо больше рыб и светящихся животных чем мог ожидать, судя по всем прежним спускам. Появились и проплыли мимо несколко аргиропелеков с зажженными огоньками. За ними показалась личинка рыбы с серебряными глазами, потом медуза. Потом вдруг прямо передо мной засветилась сетка, нежная, с большими ячеями. Вся она горела и двигалась и, медленно колыхаясь, проплыла мимо. Впоследствии, на большей глубине, я видел еще такие живые сетки, но совершенно не знаю, что это такое.

Затем, на целых 30 метров в глубину, потянулся слой густой синей черноты, в которой только изредка вспыхивали мелкие искры.

На 365 метрах я увидел взрыв, но не у самого окна, а на некотором расстоянии. Я прильнул к кварцевой линзе, но не разглядел ничего. Только большие стаи креветок и крылоногих моллюсков двигались вверх и вниз. Они мне были хорошо знакомы: тысячи их прошли через мои руки в уловах наших глубоководных сетей. Их пустые раковины образуют здесь большую часть донных отложений.

На 453 метрах нам снова удалось внимательно рассмотреть и затем подробно описать совершенно новую, неизвестную до сих пор рыбу. Произошло это так: сначала через полосу электрического света буквально стрелой пронеслись две тонких рыбы около 50 сантиметров длиной. Затем, чуть не задевая окна, проплыла медуза. И вдруг (я совершенно не заметил, как она там очутилась) в луче возникла большая рыба. Собственно, половина рыбы: другая ее половина оставалась вне луча.

Рыба держалась на месте, слегка шевеля плавниками. Я молча потянул Бартона за руку, чтобы он бросил готовиться к кинос'емке и посмотрел в окно. Мисс Холлистер о чем-то спрашивала меня сверху по телефону, но я перестал отвечать ей. Я молчал гораздо дольше условленных пяти секунд, и наверху уже начали беспокоиться. Но я не мог отвести глаз от окна.

Странная рыба была не меньше 60 сантиметров в длину; она не светилась. Когда она подалась немного назад, я увидел длинный, довольно широкий грудной плавник. Меня поразила, во-первых, необыкновенная окраска рыбы — в свете луча она была грязнооливкового цвета, с каким-то противным красноватым оттенком размокшего мяса. А, во-вторых, странное, почти полное отсутствие хвоста—хвостовой плавник превратился в маленькую шишку вроде пуговицы, а спинные плавники поднимались высоко и шли далеко вдоль тела, как паруса. Я назвал эту рыбу «парусником-привидением». Она спокойно смотрела на нашу странную машину, повидимому, совсем не обращая внимания на то, что задняя половина ее тела освещена необычайным светом.

Вдруг, не сделав никакого движения плавниками, «парусник-привидение» передвинулся в окружающую тьму.

На 502 метрах один маленький огонек на наших глазах вдруг увеличился вдвое и стал величиной с монету: повидимому, этот свет исходил от какого-то животного, на теле которого были неправильные тусклые светящиеся пятна. Но очертания его были слишком неясны, чтобы сказать даже, позвоночное это или беспозвоночное.

На 580 метрах я с удивлением заметил следы мертвенного серого света: это указывало на абсолютно спокойную поверхность моря и на яркий свет солнца наверху. Но на 610 метрах окружающий нас мир стал уже беспросветно черен.

Сидя в батисфере, нельзя чувствовать ни скорости погружения, ни возрастания давления. Но когда тьма окончательно сомкнется над головой, то это производит такое впечатление, точно закрылась какая-то дверь в верхний мир...

На 610 метрах я пересчитал все огоньки, какие были видны в окно. Их было не меньше десяти — одни светились бледножелтым, другие бледноголубым светом. На 15 метров ниже появилась снова горящая сеть, о которой я уже говорил. На этот раз она занимала пространство не меньше полутора квадратных метров. В темноте я мог рассмотреть одну ячею за другой, и все же я так и не понял, что это такое.

Еще на 30 метров ниже мы увидели в самом конце луча какое-то огромное тело. Мы с Бартоном вполне уверены в том, что существо или существа, которые пять раз промелькнули перед нами во время спусков в разные годы, были гигантами. Но что это такое: рыбы ли, кальмары, или еще какие-нибудь животные,— мы не можем сказать.

Мы были на глубине 762 метров. За окном плыли четыре рыбы — тощие с острыми выступами, так что они напоминали скелеты. Потом в луч вошла плоская рыба и, круто накренившись, поспешно скользнула в тьму. Одинокий крылоногий моллюск, отделившийся от миллионов своих собратий, бился о мое окно.

Три раза на разной глубине какие-то организмы ударялись об окно и внезапно взрывались около него, как бомбы, так что мы невольно отдергивали головы...

В 11 часов 17 минут я включил прожектор и увидел в луче странный квартет из четырех рыб, которых я назвал «радужными глубоководными щуками». Длиной они были около 10 сантиметров, тонкие, прямые, с длинными заостренными челюстями. Когда мы включили луч, они качались в самом его центре, и сильный незнакомый свет на них нисколько не действовал. Они держались в воде почти стоймя, и я видел только легкое колебание их спинных плавников. Продолжая держаться на одинаковом расстоянии друг от друга и все так же вертикально, они уплыли в полный мрак.

Их расцветка была совершенно изумительна. Голова и челюсти — яркокрасного цвета, который за жабрами резко переходил в светлоголубой, а задняя часть тела и хвост — яркожелтые. Самое странное тут было в том, что вся эта пестрота им совершенно бесполезна в черном мраке, ос-

вещаемом только слабыми беглыми огоньками.

В электрическом луче нашего прожектора начиная с глубины 305 метров происходили также интересные изменения. В верхних слоях луч был желтого цвета с бирюзовой шапочкой на дальнем конце. По мере спуска желтый свет переходил в светлосерый, а бирюзовый приближался к нам, пока на самой большой глубине не подошел вплотную к окну, и весь луч прожектора стал яркоголубым. Вдоль этого столба света со всех сторон шла бархатистосиняя кайма, за которой начинался мрак.

Я навел бинокль и рассмотрел дождь мелких животных, входящих и выходящих из луча на его дальнем конце. Как глубоко проникал в окружающий нас мрак этот световой столб?

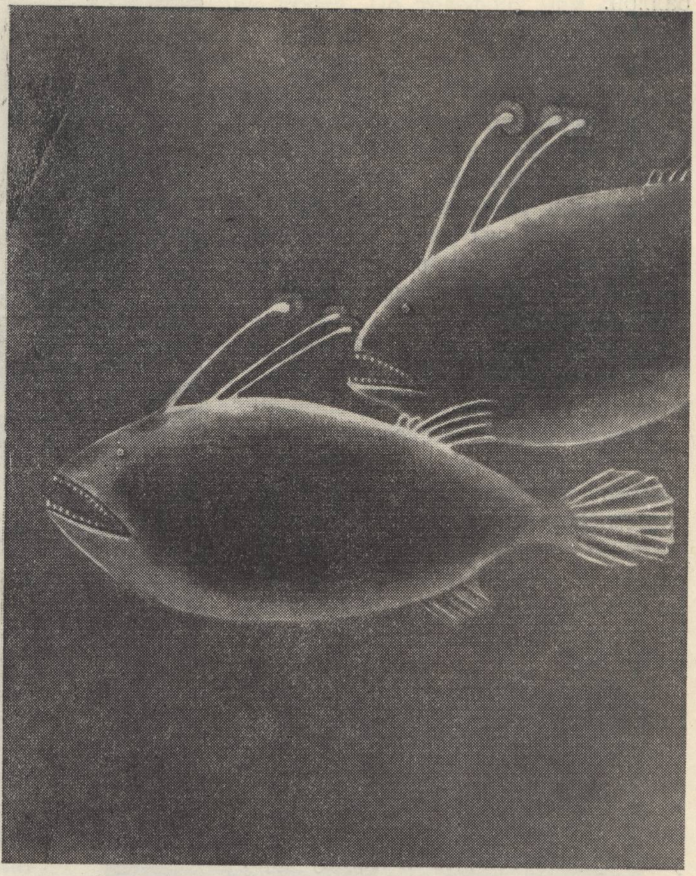
Чтобы узнать это, я оставил бинокль так, как я его навел. Потом, когда мы уже вернулись наверх, я проверил фокусное расстояние бинокля, отходя от носа судна, пока он не оказался в самом фокусе. От меня до мазы было столько же, сколько от окна батисферы до конца светового столба. Так я узнал, что видимый конец электрического луча находился в 12,6 метра от окна батисферы.

На этот раз мы спустились до 757 метров. 43 метров не хватило до полумили (800 метров). Но я нисколько об этом не пожалел, потому что именно во время обратного под'ема случились две встречи, которые я иначе, вероятно, пропустил бы совсем.

У моего окна появилась внезапно еще одна новая рыба. Я назвал ее «трехзвездным удильщиком». Она была черная, с маленькими глазами, овальной формы. На спине у нее торчали три длинных придатка, как бы три удочки. И на конце каждого придатка горел яркий бледножелтый огонь, освещавший спину рыбы. Описывая ее в телефон, я волновался, точно передо мной был житель Марса.

Немного погодя произошла вторая встреча. Я наблюдал мелкие организмы, опускавшиеся в луче по мере того, как лебедка поднимала нас кверху. Вдруг снова что-то появилось за окном. Я быстро наклонился вперед и больно ударился о стальную раму окна.

ЭТА РЫБА НОСИТ С СОБОЙ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ МАЯК

«Трехзвездный удильщик», еще незнакомый науке. Он показался нам на две секунды на глубине в 750 метров. У него три высоких «мачты» со световыми органами на концах. Парных плавников мы не заметили, хотя они, вероятно, есть. Свет «трехзвездного удильщика» — бледножелтый и такой сильный, что он ясно отражался от темной кожи на его спине.

Там плыла почти круглая рыба. Вдоль ее боков шли пять линий огоньков: одна в середине, по две, изогнутых, над ней и под ней. И каждый огонек во всех линиях окружало кольцо мелких яркопурпуровых точек.

Рыба медленно повернулась, и мне было отлично видно узкую голову и огненный узор на круглом теле. Я в жизни не видел ничего красивее этого создания. Я назвал ее «рыбой пятиконечного созвездия».

Мы вернулись на поверхность в тот момент, когда последний глоток кислорода со

свистом вырвался из клапана. Впрочем у нас был еще один запасный баллон.

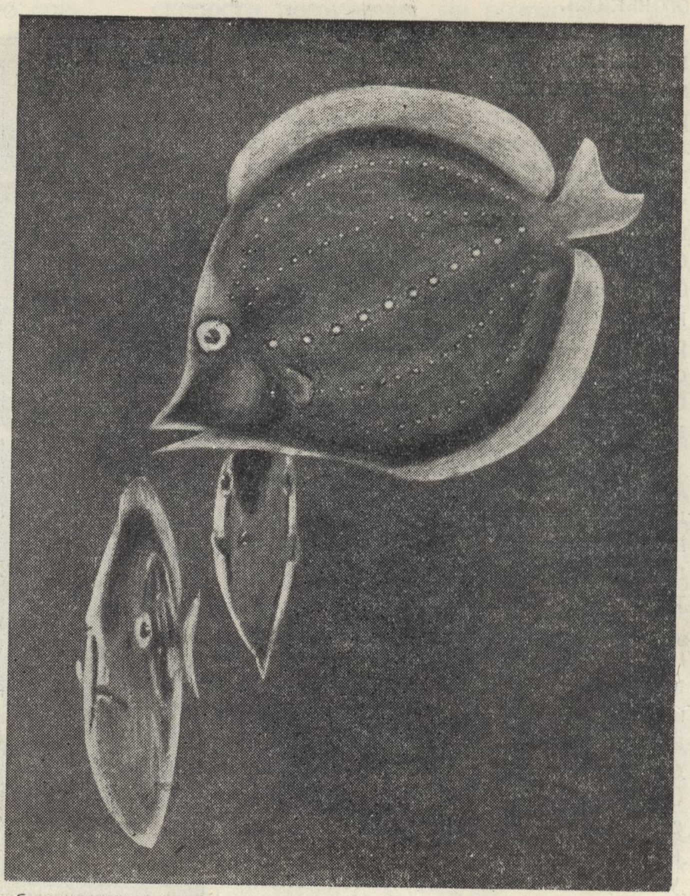
РЕКОРДНЫЙ СПУСК

13 августа мы вышли в море на «Гладисфене» и выметали глубоководные сети на том самом месте, где два дня тому назад спускалась батисфера. И мы снова удивились, как мало животных в сети по сравнению с тем, что мы видели в кварцевое окно.

Прошло два дня, и 15 августа мы совершили наш рекордный спуск.

Место было то же самое, что и в прошлый раз, но к нашему удивлению животные там оказались совсем другие. Через каждые несколько метров появлялись неожиданные и новые формы. Общее число животных, которых мы видели, на этот раз было совершенно невероятно.

Снова в области вечной ночи мы встретили существо длиной в несколько сантиметров, которое быстро плыло к окну, потом повернуло в сторону и как бы взорвалось. Но на этот раз мои глаза уже приспособились к мраку—при вспышке, настолько яркой, что она осветила мое лицо и внутренний край подоконника, я увидел большую креветку, выпустившую светящуюся жидкость, похожую на струю пламени. Это и было настоящей разгадкой моих прежних наблюдений. Так вот что означали «взрывы» у окна!

Ярко освещенная—«рыба пятиконечного созвездия», одна из наших последних находок. Можно только догадываться, что эта рыба поразительной красоты находится в дальнем родстве с рыбой-бабочкой или рыбой-хирургом. Спереди эта «рыба-созвездие» имеет довольно невзрачный вид, по которому нельзя никак догадаться о блистающем огненном узоре ее боков.

Креветки для самозащиты выделяли светящуюся жидкость, так же как каракатицы — струю из чернильного мешка. Одни скрывались в черном «дыму», другие — в «пламени».

И «пламя» у креветок было двух видов. Один вид расплывался, как облачко, другой — рассыпался снопом искр, похожим на фейерверк.

На 735 метрах в отдалении показался смутный контур очень большой рыбы. Это было на одно только мгновенье. Мы продолжали опускаться. 15 метрами ниже проплыла нежно светившаяся медуза, или гребневик. Внезапно большая рыба вернулась снова. На этот раз я увидел ее целиком — она точно тень пересекла дальний конец луча. Длина ее была не меньше 6 метров, общая форма овальная, окраска одноцветная. Я не мог рассмотреть ни глаз, ни плавников. Она проплыла, не делая никаких видимых движений, и больше не вернулась.

Может быть, это был маленький кит или круглоголовый дельфин — гринда. Известно, что кровь у китов обладает особыми свойствами, благодаря которым они могут спускаться на глубину более полутора километров и невредимо возвращаться на поверхность. Менее вероятно, чтобы это была акула.

Во всяком случае, честь видеть самое крупное подводное чудовище попрежнему

остается за Александром Македонским. Если верить легендам, этот предприимчивый завоеватель, которому, очевидно, было тесно на земле, спускался также и на дно морское. И там ангел вызвал специально для него из бездны исполинское животное, которое проплывало целых три дня, пока показался его хвост: так было оно велико.

Наше чудовище было, к сожалению, значительно меньше. Но шутки всторону. Появление этого существа ясно показывает, как мало мы еще знаем глубину и гигантов, которые там могут скрываться.

Вскоре мимо нашего окна промелькнула одна из самых интересных глубоководных рыб — стилофтальм. Глаза у нее похожи на складную подзорную трубу,— они сидят на конце двух гибких стеблей длиной в треть всего тела рыбы.

В 11 часов 12 минут мы остановились на глубине 915 метров. Я знал, что это — граница нашего спуска. Трос на лебедке подходил к концу. Мне казалось, что тьма за окном была здесь еще гуще и чернее, чем третьего дня на глубине 750 метров. Но, конечно, это только казалось.

Глядя на плывущие мимо огоньки, я ясно понял, в чем разница между ними и фосфоресценцией (свечением) на поверхности моря: там светятся миллионы крошечных, микроскопических ночесветок, они не проникают на большую глубину, а здесь — в черном мраке глубин — каждый огонек принадлежит отдельному животному, и оно может нередко произвольно то зажигать, то гасить его. И большая рыба может оставаться невидимой у самого окна, если не будет светиться.

Огоньки перед нами светились то ровным светом, то мигали, но всегда были резко очерчены и ничем не затуманивались. Это показывало, что вода здесь была чрезвычайно чиста и прозрачна. Воды такой прозрачности наверху не бывает.

Если смотреть не прямо на огонек, а немного вбок, рядом с ним,— тогда начинаешь смутно различать очертание животного...

Здесь, на глубине километра, наш электрический луч не привлекал никаких животных. Некоторые быстро спасались от него, но большинство не обращало на луч ни малейшего внимания. Ни крылоногие моллюски, ни черви, ни рыбы не собирались в луче, ни вдоль него, ни у окна, из которого луч выходил.

Свет обычно привлекает огромное множество животных. Почему это не происходит на глубине? Над этим надо серьезно подумать.

Вдруг мы почувствовали легкое дрожание и ослабление троса. По телефону нам сказали, что поднялось волнение, и капитан Сильвестер отпустил еще девять оставшихся метров тросса, чтобы ослабить его натяжение. На барабане лебедки оставалось только несколько витков стального каната. И сердцевина барабана обнажилась. Мы качались на глубине 924 метров. Не пора ли нам подниматься?

Мои пальцы совсем окоченели от холодной стали подоконника. Пол был как лед. Я старался весь поместиться на подушке — прикасаться к полу было очень неприятно. Но мы попрежнему не ощущали силы давления,—казалось, ничто не мешает нам выйти наружу погулять в одном водолазном шлеме.

Но голос сверху сообщил, что давление на этой глубине составляет 94,6 килограмма на квадратный сантиметр. Значит, каж-

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ — ВОДОЛАЗ
(старинный рисунок)

Великий полководец, мечтавший о покорении новых стран, первый, как говорит легенда, опустился в глубины океана. Там он увидел чудовище, которому нужно было три дня, чтобы проплыть мимо стеклянной клетки Александра. Однако на рисунке это сказочное чудовище вышло совсем не таким большим: киты бывают куда больше.

дое окно выдерживало 19 тонн воды, а вся батисфера—7016 тонн!

На 878 метрах, во время обратного под'ема, я услышал в телефон металлический звук, точно от лопнувшей струны, и спросил, что это такое. Мне ответили сбивчиво. Позднее, уже на палубе нам рассказали, что один из канатов, служивших для намотки троса, неожиданно лопнул со страшным гулом. Все страшно перепутались, пока не выяснилось, что лопнул вспомагательный канат, а не трос.

Так закончился самый глубокий спуск за 1934 год, и пока еще никто из живых людей не спускался ниже в бездны океана.

Звезды сияли над палубой «Рэди». Там, в черном мраке вселенной, кружились планеты, звезды. И я думал, как похожи они издали на огни, искры и вспышки подводного мира, сверкавшие передо мной в океане на глубине полумили.

ГОЛОВОЙ ВПЕРЕД ИЗ БАТИСФЕРЫ

Если самый неудобный момент во всем спуске—это влезание в батисферу, то и вылезание из батисферы не на много лучше. Всякая солидность при этом теряется. Бартон (слева) наблюдает, как начальник экспедиции, Биб, с жалким видом вылезает из батисферы.

Что-то не верится...

БОБРЕНОК

Ойротская народная сказка

Со слов сказителя М. Ютканакова обработал А. Азанов

Когутэй находит бобренка

Под высокой черной горой, с которой бегут сто водопадов, жил старый Когутэй.

Голова его стала белой, как Белуха[1], зубы пожелтели, глаза плохо видели. Жил он вдвоем со своей старухой в маленьком дымном аиле из гнилых жердей и сосновой коры. Детей у них не было, а из скота был всего один бык синий, такой же старый, как и сам хозяин.

Раз оседлал Когутэй своего быка старым седлом, взял с собой черный аркан да зазубренный топор, сел на быка и поехал в тайгу сухие дрова рубить. Едет и песню поет.

Трижды об'ехал Когутэй черную гору кругом. Не нашел дерева себе под силу. Поднялся он тогда на вершину горы. Видит: стоит сосна с большим дуплом — гнилая. Привязал он быка к молодой сосне и стал гнилую сосну под корень рубить. Рубит, а сам кряхтит, охает да приговаривает:

— Нам, старикам, хоть гнилые дрова будут.

Долго рубил старик, три раза отдыхать садился. Наконец, сосна затрещала и грохнулась на землю. Только упала сосна, как из дупла выскочил бобренок. Увидел бобренка старик, забыл, что устал, бросил топор на землю и кинулся со всех ног бобренка догонять.

[1] Белуха — самая высокая гора на Алтае, покрытая вечным снегом.

Бегал, бегал, наконец, догнал. Схватил и говорит:

— Убью его — будет старухе моей воротник на шубу.

А бобренок услыхал, что старик его убить хочет, и говорит ему:

— Не убивайте меня. Бездетному сыном буду, слепому глазом буду, безногому ноги дам.

Пожалел Когутэй бобренка, положил его за пазуху.

Потом разрубил Когутэй сосну пополам, трижды обмотал арканом, взвалил синему быку на спину и поехал домой. Приехал и говорит старухе:

— Я тебе сына, бобренка, нашел.

Обрадовалась старуха.

— Что ж, — говорит, — хоть и бобренок, пусть будет нам ребенок.

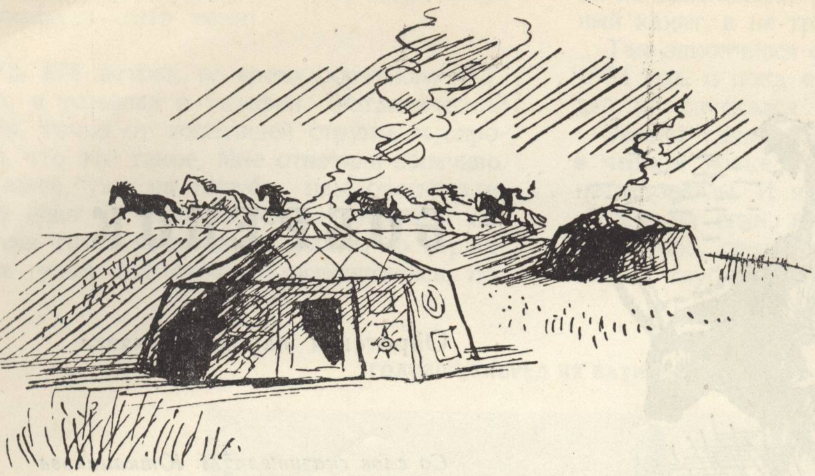
Когутэй спустил бобренка на землю, и тот сейчас же взял топор и выбежал из юрты. Вышел за ним Когутэй посмотреть, что он будет делать. Смотрит, а бобренок уже дров нарубил и в юрту несет.

Так стал бобренок жить у стариков вместо сына. Бобренком разложенный огонь не гаснет, подвешенный казан[2] не стынет.

Пришла пора отдохнуть старику со старухой — совсем нечего делать стало.

Лежат они, бока греют. Когутэй — на мужской половине юрты, Алатай — старуха — на женской. Курят они длинные трубки и на огонь плюют.

[2] Казан — котел.

Стоят богато расшитые канские аилы...

ские пастухи живут, канский скот по горам пасут. Семь дочерей у Караты-Кана. Шесть из них он за знатных людей отдал. Одна младшая дочь, Темене-Ко, красавица, не замужем еще, у отца в аиле живет. Красота ее, как яркое солнце!

И стал бобренок старика просить посватать за него дочь Караты-Кана. Удивился старик тому, что услышал, но больше всего удивился, что бобренок смеет думать о дочери Караты-Кана.

А старуха сказала:

— Погубит нас бобренок. Могуч и горд Караты-Кан, гордится он знатными зятьями и богатством. А мы голы, как камень речной. Убьет он нас!

Но старик пожалел бобренка:

— Если найдешь ты, бобренок, чегень [3], можно с'ездить попытать счастья дочь Караты-Кана посватать.

— Все будет, — сказал бобренок, выбежал из юрты и пропал в тайге.

Смеются старики: где ему чегень найти? А бобренок взбежал на вершину черной горы, с которой прыгали сто водопадов, достал из-под корней старой березы один ташаур — кожаный мешок — чегеня, камышевую в золотых узорах чашку и одним духом примчался назад к старикам.

Удивились старики. Когутэй себя за косу дернул: не сон ли? А бобренок налил чегеня в камышевую чашку с золотым узором и говорит:

— Попробуйте!

Попробовали старики, и Когутэй сказал:

— Хорош чегень! С таким чегенем и к Караты-Кану ехать можно. Завтра еду!

Бобренок потерялся

Один раз потерялся бобренок, три дня искал его Когутэй в тайге. Кричал изо всех сил. Никто не отозвался. Только белка-насмешница в старика шишкой бросила.

Вернулся Когутэй домой ни с чем. Там старуха плачет. Когутэй сказал ей:

— Видно, не добрый дух в бобренке сидел, взяли мы за сына злого духа земли и воды. Зачем же плакать о нем?

Бобречок пропадал семь дней. К концу седьмого дня, когда солнце скрылось уже и только верхушка черной горы была обрызгана последними лучами, как земляничным соком, явился бобренок к старикам.

Он закричал им еще издали:

— Отец мой! Мать моя!

Выбежали старики к нему навстречу, принесли в юрту на руках и стали спрашивать:

— Где был, что видел?

— Далеко я был, — рассказал им бобренок. — У самой высокой горы с белой вершиной. У подножья горы стоит богато расшитый большой аил. В аиле живет богач Караты-Кан [1]. Земли его глазом не окинешь. Народ за год не перечтешь. Скота у него так много, что он семьдесят гор покрыл. На семидесяти горах в семидесяти долинах кошемные [2] аилы стоят. В них кан-

Когутэй едет сватать

Рано утром, как только верхушка черной горы загорелась от солнечных лучей, осед-

[1] Кан — князь.
[2] Кошма — войлок.

[3] Чегень — кумыс, приготовленный из коровьего молока.

лал Когутэй синего быка, привязал к седлу ташаур, взял камышевую, в золотых узорах чашку и поехал.

Долго ехал он по горам и долинам, много раз вставало над ним солнце и опять за горы пряталось. Наконец, доехал он до крайних стад Караты-Кана.

Еще столько же проехал, а кругом все еще стада Караты-Кана. Наконец, увидел под самой высокой горой с белой вершиной большой, расшитый, яркий, как цветок, аил. У аила, вокруг золотой коновязи, стоят шесть знатных зятьев Караты-Кана. Бархатные шубы их оторочены соболем, на ногах расшитые оленьи сапоги. Сами они толстые, круглые, раздулись, как полные ташауры, узкие глаза у них кровью налились, стоят они, держатся за свои ненасытные бока и хвалятся друг перед другом, у кого скота да мехов больше.

Под'ехал Когутэй к золотой коновязи. А зятья краем глаз на него взглянули и отвернулись: «Такому бедняку не стоит честь оказывать, повод у него принимать» [1].

Слез Когутэй с синего быка и сам привязал его к золотой коновязи. Потом снял свою кошемную дырявую шапку, спрятал ее за пазуху, отвязал ташаур от седла и пошел в расшитый, красивый аил. Открыл он дверь, отдернул занавеску и видит: сидит в аиле сам Караты-Кан, толстый, как откормленный бык, на дорогих коврах, на шолковых подушках, в собольей шубе. Глаза, как две луковицы, на гостя выпучил.

Поклонился Когутэй кану, а тот на поклон не ответил, посидеть не пригласил. Сел Когутэй у входа, достал кисет и трубку, закурил, табачные корешки разминает, Караты-Кана угощает. А Караты-Кан набил табаком трубку свою большую, положил в нее уголек из очага, закурил и спрашивает:

— Живущий под черной горой со ста водопадами, ездящий на синем быке, говори, с какой просьбой приехал? Об'едки от нашего стола или одежду просить?

Когутэй поклонился, сам дрожит от страха, но начинает сватовство.

— Есть у тебя, ездящий на вороном иноходце, Караты-Кан, младшая дочь Темене-Ко, а у меня сын приемный, бобренок. Я к тебе сватом приехал.

Услыхал это Караты-Кан, загремел, как гром, как железо, зазвенел:

— Как смеешь ты такие слова говорить? Железной прожигалкой тебе за эти слова глаза надо выжечь, острым железом красную душу твою перерезать!

Прибежали на крик зятья, и велел им Караты-Кан:

— Берите этого старика, разрубите его пополам, привяжите к синему быку, а быка домой прогоните!

Зятья схватили старика, разрубили его пополам, привязали половинки к седлу и прогнали синего быка палками.

Бежит бык домой, ревет — издалека слышно... Услыхал бобренок и говорит:

— Отец домой едет, от Караты-Кана ответ везет.

Выбежала старуха из юрты и видит: подходит к дверям бык, а к седлу его две половинки Когутэя привязаны.

Заплакала Алагай-старуха, закричала, а бобренок уж тут как тут:

— Не плачь, мать, я отца оживлю!

Бобренок сложил обе половинки Когутэя, трижды через него перепрыгнул. Зашевелился старик, потом сел, а затем и на ноги встал. А бобренок бегает вокруг него и все спрашивает:

— Ну, что, отец, принял сватовство Караты-Кан?

Когутэй рассердился:

— Никогда больше к нему не поеду!

Пошел Когутэй в юрту и лег на кошму.

Второе сватовство

А бобренок опять поднялся на черную гору со ста водопадами, достал из-под старой березы золотой ташаур и камышевую чашку в золотых узорах, пришел домой и стал старика уговаривать еще раз с'ездить к Караты-Кану Темене-Ко посватать. Долго отказывался старик, наконец, согласился. Подумал: «Пусть я умру:

Лошадь падет — не золотая,
Богатырь умрет — не вечен,
Лошадь места, где пасть, не выбирает,
Богатырь, умирая, землю не выбирает».

На прощанье бобренок сказал отцу:

— Как будете на виду канского аила, ударьте быка своего между рогов, а как станут зятья к вам подходить, схватите их за косы и забросьте за шесть гор. Войдите в аил, шапку не снимайте, садитесь ря-

[1] Обычай у алтайцев радушно принимать гостя.

дом с Караты-Каном и кричите на него погромче.

Старик выслушал все советы, оседлал быка, привязал ташаур к седлу и поехал в далекий путь.

Долго ехал Когутэй по горам и долинам, много раз вставало над ним солнце и опять за горы пряталось. Наконец, доехал он до крайних стад Караты-Кана.

Еще столько же проехал, а кругом все стада Караты-Кана. Наконец, увидел под самой высокой горой с белой вершиной расшитый, яркий, как цветок, аил Караты-Кана. Старик ударил быка плетью между рогов. Синий бык заревел, от рева его повалились деревья в тайге, с гор валежник посыпался, пыль поднялась от земли до неба, облака упали на землю и день стал темнее ночи.

Услыхал Караты-Кан рев синего быка и испугался. Беда! Не быть нам в живых! Когутэй ожил, к нам едет, непростой у Когутэя сын, богатырь-бобер. Поневоле придется согласиться дочь свою за бобра отдать. Нужно только большой выкуп запросить, старику негде будет взять, он и откажется.

И Караты-Кан сказал зятьям:

— Идите гостя встречать, примите у него повод.

Приехал Когутэй к аилу, навстречу ему выбежали зятья и взяли быка за повод.

Когутэй ничего не сказал, взял всех шестерых одной рукой за косы и перебросил через шесть гор.

Потом слез с быка, вошел в аил к Караты-Кану, а шапку свою кошемную, дырявую не снял, а набекрень надвинул. Хоть и страшно ему было, но вошел он гордо.

Затрясся Караты-Кан, когда Когутэй к нему подошел. А тот сел рядом с каном на ковер и спрашивает строго:

— Ездящий на вороном иноходце, Караты-Кан, долго со мной шутить будешь? Отвечай в последний раз: отдашь дочь за моего сына-бобренка?

— Я не шутил с вами, — поспешно ответил Караты-Кан, — я вас испытывал. Теперь я знаю, что вы сильны, и вашего ченгеня выпью и дочь свою за бобра отдам. Хороша Темене-Ко, вы должны дать за нее хороший выкуп. Пригоните мне сто баранов белых, сто маралов[1] горных, сто байталов[2], черных, как ночь, и привезите сто шуб новых с одинаковыми воротниками. Через двадцать дней тогда и свадьбу справим. Пусть и зять мой бобер тогда приезжает.

— Хорошо, — сказал Когутэй и вышел из аила, а навстречу ему все шесть зятьев Караты-Кана: они уже успели вернуться изза шести гор. Кланяются зятья Когутэю, а он и не смотрит на них, сел на своего быка, ударил его плетью между рогов и помчался бык. Не бежит — стрелой летит.

А Караты-Кан и шесть его зятьев смеются, за животы хватаются: где ему взять такой выкуп?!

Когутэй под'езжает к своей юрте, слезает с синего быка, а навстречу ему старуха с бобренком.

Рассказал Когутэй бобренку, какой выкуп Караты-Кан потребовал, чтобы свадьбе не бывать, а бобренок только головой мотнул, побежал на черную гору со ста водопадами и скрылся в лесу.

И не успел Когутэй в юрту войти, как услышал топот и треск. Глянул вверх, а с горы идут сто баранов белых, сто маралов горных и сто байталов, черных, как ночь, а на спинах у них сто шуб новых с одинаковыми воротниками.

Удивился Когутэй, а бобренок подбежал к нему и смеется:

— Седлайте своего быка, отец, везите кану выкуп!

Оседлал старик синего быка и погнал к богатому кану скот. А бобренок на синего быка сзади вскочил.

Той[3]

Двадцать дней прошло, как уехал Когутэй. Сидит в аиле своем Караты-Кан и посмеивается:

— Вот уже двадцатый день к концу идет, а свата нашего с женихом-бобром не слышно и не видно. Где уж ему, убогому, такой выкуп взять, да еще в срок обратно вернуться!

Только сказал это Караты-Кан, как снаружи послышался страшный шум. Выбежали зятья узнать, что случилось, а за ними вышел из аила и сам Караты-Кан. Видят они: солнце садится за высокую гору, над

[1] Марал — разновидность оленя.

[2] Байтал — 1-2-летний жеребенок.

[3] Той — свадьба.

низкой горой луна встает, а долина вся скотом полна.

Впереди идут сто баранов белых, за ними — сто маралов горных, за маралами — сто байталов, как бархат черных, на спинах у них сто шуб новых привязаны. И сзади всех Когутэй на синем быке едет, и бобренок из-за его спины выглядывает.

— Принимай гостей! Я свое слово сдержал, сто баранов белых, сто маралов горных, сто байталов, черных, как ночь, и сто шуб новых с одинаковыми воротниками в срок вам доставил! — закричал Когутэй и показывает на край солнца.

Вышла из большого аила дочь Кана, красавица Темене-Ко, увидал ее бобренок, соскочил с быка и к ней подбежал. Тут почуяли бобра канские псы, погнались за ним, чуть не разорвали. Только успела Темене-Ко его на руки взять. Знатные зятья стали над ней смеяться:

— Цела ли шкура на твоем женихе? Не порвали ее собаки?

Темене-Ко рассердилась.

— Пусть для вас он плохой, а для меня он хороший, — повернулась и унесла его к себе в аил.

Тогда Караты-Кан пригласил Когутэя к себе, накормил сочным мясом молодой кобылицы, напоил чегенем, угостил дорогим табаком и уложил старика спать на шести белых кошмах и на трех шолковых подушках.

Утром Когутэй проснулся и спрашивает:

— Могучий кан, ездящий на вороном иноходце, а где свадьбу устроим: у тебя или у меня на родине?

— У меня, — ответил Караты-Кан, — а ты поезжай домой.

Когда скрылся из глаз Когутэй на своем синем быке, Караты-Кан велел зятьям убить на свадьбу самый негодный скот, пригласить на нее только калек, слепых да безногих, чтобы все над свадьбой бобра смеялись.

Так и сделали.

Поставили для бобренка новый аил. У дверей аила постелили конские шкуры, с одной стороны для мужчин, с другой — для женщин. На шкуры навалили горами вареное мясо: конское, овечье, коровье, сарлычье [1]. Мясо старое, черное. Ни ножом не разрежешь, ни руками не раздерешь. Внутри аила старый шаман — кам — разложил костер, зажег неугасимый огонь. Доброго духа Ульгеня просил никогда огонь не гасить, злому духу Эрлику обещал богатую жертву — самого лучшего коня задушить.

А женщины пошли в расшитый аил за невестой—красавицей Темене-Ко. Они расчесали ей волосы, вымыли их молоком белой кобылицы, вытерли белым шолком.

Потом сняли с нее девичью одежду, надели на нее шолковую шубу, поверх шубы бархатный чегедек [3]. Голову покрыли черной соболиной шапкой и повели к жениху.

Усадили жениха с невестой у дверей нового аила на белую кошму. Кругом гости уселись, той начали: мясо ели, чегень пили, табак курили, своими делами хвалились, а между собой посмеивались над бобренком-женихом и над его тоем.

Гости ели и пили весь светлый день и веселились вокруг аила всю темную ночь, красную от костров.

Когда небо стало белеть над долиной, красные костры пожелтели, а горные снега зажглись ярче костров и белая шапка на высокой горе стала совсем красной, женщины отвели бобренка-мужа с Темене-Ко-женой в новый аил, задернули шолковую занавеску, закрыли медную дверь. В этом аиле им жить все предстоящие дни, поддерживать в очаге неугасимый огонь.

А вокруг аила гости еще долго шумели: чегень допивали, мясо доедали, певали песни, докуривали трубки, хвалились хорошим скотом и удачной охотой.

Охота на маралов

Один раз бобренок говорит жене:

— Сходи к своему отцу, узнай, как он

Стал старый кан шаманить.

[1] Сарлык — як.

[2] Чегедек — женская одежда.

живет, что делает? Не собираются ли его славные зятья на охоту?

Послушалась Темене-Ко, пошла к своему отцу в аил. Видит она: собираются зятья на охоту, укладывают в кожаные мешки — арчимаки — лучшую пищу, берут с собой острые стрелы, всем богам и духам трижды брызгают в лицо молоком, просят их помощи. Самому грозному духу — Эрлику — семь раз молоком брызгают, семь раз молитву читают, охоте бы не мешал, следы снегом не заносил, зверя далеко в тайгу не угонял.

Увидал Темене-Ко отец и спрашивает сердито:

— Зачем пришла? Почему дома со своим бобром не сидишь? Видишь, мои знатные зятья на охоту едут, мяса маральего привезут, а твой муж ничего не может.

Заплакала Темене-Ко и пошла домой. Вошла в аил, а бобренок ее спрашивает:

— О чем плачешь?

Рассказала она, как родной отец ее из дому прогнал да еще посмеялся над ней. А бобер говорит:

— Не плачь, жена, я от своих свояков не отстану. Пешком пойду, марала убью и маральего мяса домой принесу. А ты поставь казан на огонь, согрей воды и жди меня домой с добычей.

И ушел бобренок зятьев догонять.

Перевалил через семь гор, пересек семь долин, на восьмую гору взобрался и видит: сидят под горой все шесть зятьев кана, ничего не убили. Шесть их черных коней устали, из сил выбились, спины и шеи седлами набили, пищи у шести славных свояков не осталось, рвут они кандык[1] и репей, рвут и едят вместо мяса.

Бобренок закричал по-маральи. На крик выскочили из тайги шесть черных маралов. Он их всех одной стрелой убил. Упали они с горы вниз и скатились прямо к ногам шести свояков. Сначала зятья заспорили между собой, кто из них убил маралов, но потом помирились и поделили их. Каждому марал достался. Тут подошел к ним бобер, поклонился низко и попросил:

— Могучие, славные богатыри! Удачная охота у вас, дайте мне часть добычи, я жене отнесу.

А шесть свояков ему отвечают:

[1] Кандык — дикорастущее с'едобное растение.

Отец мой, муж тебе угощенье прислал.

— Ты, негодный бобер, мы маралов убивали, а ты хочешь неположенное взять, непотерянное найти! Так и быть, бери потроха.

Ничего не сказал бобер, взял потроха. Очистил и домой понес. А знатные свояки уехали вперед на конях.

Пришел бобер домой, а жена его у дверей встретила и спрашивает:

— Много ли маралов убил?

И бобер рассказал ей:

— Я шесть маралов убил для твоих зятьев, а они в благодарность меня обругали и мне, как собаке, одни маральи потроха бросили, но ты не горюй, жена, мы сумеем и потроха слаще изюма с сахаром сделать.

Наварила Темене-Ко маральих потрохов, а бобер говорит ей:

— Отнеси потроха, угости отца своего с зятьями.

Положила Темене-Ко на золотое блюдо маральих потрохов и пошла к отцу. Вошла в аил и говорит:

— Отец мой, муж тебе угощенье прислал.

— Потрохов маральих? — закричал Караты-Кан. — У нас их только собаки едят!

А мать Темене-Ко говорит:

— Почему не попробовать?

Взяла кусок — как изюм, сладкий. Откусила. За первым куском второй взяла. Глядя на нее, и Караты-Кан поесть захотел. Потекли у него слюни, как две реки. Взял он кусок, за ним и зятья потянулись. По-

том все кинулись хватать с блюда и вырывать друг у друга из рук. Когда все с'ели, Караты-Кан говорит зятьям:

— Как убьете еще маралов, мясо не берите, везите домой одни потроха.

Поимка чубаро-пегой кобылицы

Однажды бобер услыхал, что Караты-Кан отправляет своих славных зятьев ловить одичавшую чубаро-пегую кобылицу. Захотел бобер вместе с зятьями ехать и послал жену к отцу коня просить. Пошла Темене-Ко к отцу в аул, стала просить для мужа коня.

Рассердился отец и закричал:

— Убирайся к своему бобру! Нет у меня коня для него!

А зятьям сказал:

— Поезжайте, мои славные зятья. Кто из вас поймает кобылицу, тому отдам половину своего богатства!

Заплакала Темене-Ко и ушла домой. Встречает ее муж.

— Не плачь,— говорит ей,— я и пешком уйду.

И пошел бобер свояков догонять. Через семь гор, как через семь камней, перебрался, взбежал на последнюю, на восьмую гору, под горой свояков увидел. Никого они не поймали, даже следа чубарой кобылицы не нашли. Кони у них из сил выбились, отощали, одни ребра торчат. Сами молодцы весь жир спустили, еда у них давно кончилась, сидят они, корни трав копают и едят.

Посмотрел бобер на них и сказал сам себе:

— Попробую еще раз испытать их доброту.

И пошел след чубаро-пегой кобылицы искать.

Нашел он свежий след, побежал по нему и за желтой горой, в лощине, увидел кобылицу. Подбежал к ней бобер, вскочил на спину и поскакал к стану свояков.

Увидели канские зятья, что бобер к ним на чубаро-пегой кобылице едет, повскакали все, побежали навстречу и закричали все сразу:

— Наш свояк дорогой приехал! Чубаро-пегую кобылицу привел!

И стали они все вместе бобра просить, чтобы уступил он им свою добычу — чубаро-пегую кобылицу.

Помолчал бобер, а потом сказал:

— Хорошо, отдам вам кобылицу. Только взамен дайте вы мне одного коня, хоть самого худшего. Мне с вами на охоту ездить не на чем.

— Отдадим, отдадим! — закричали все шесть зятьев.

Только дал им бобер в руки повод от своей кобылицы, вскочили они все на коней и одним махом за гору перемахнули. Задумался бобер и тихонько пошел домой.

Чернобархатный жеребец

А дома его встретила жена, рассказала новости:

— Приехали шесть славных зятьев моих, в поводу привели чубаро-пегую кобылицу. И отец им половину богатства своего отдал. И скот, и меха, и ковры, и посуду — все пополам разделил — берите любую половину. А сегодня отец их снова позвал. Велел собираться. Посылает их искать семь черных жеребят, которых унесла птица Кан-Кереде.

Бобер сказал жене:

— Пойди еще раз к отцу, попроси коня. И я хочу ехать жеребят искать.

Вошла Темене-Ко в отцовский аил. И стала просить у отца коня для мужа.

— Нет у меня коней для твоего бобра,— сказал отец. — Если хочет он коня, пусть едет за шесть гор, за семь озер, поймает чернобархатного жеребца и ездит на нем.

Вернулась к бобру Темене-Ко и рассказала ему, что отец велел, а сама стала уговаривать его:

— Не ходи ты чернобархатного жеребца ловить, погубит он тебя, злая сила в нем живет.

Не послушал жену бобер. Отряхнулся он, и шкура с него, как шуба, упала. Стал он сразу могучим богатырем. Взял он свою бобровую шкуру. Отдал ее в руки Темене-Ко и сказал:

— Спрячь мою шкуру подальше, да смотри, никому не показывай. Покажешь, беда со мной случится!

Темене-Ко спрятала шкуру в золотой ящик, заперла на сто замков и дала слово никому ее не показывать.

Вышел Бобер-богатырь из аила и тотчас из глаз пропал. Перешел он через шесть гор, переплыл через семь озер и за седьмым озером вышел на берег. Вышел он на

берег, зашаталась под ним земля, поднялась в озере вода, и горы стали во все стороны качаться.

Оглянулся он и видит: летит к нему чернобархатный жеребец, с горы на гору перескакивает. Из ноздрей у него огонь. Оскалил он зубы острые, как сабли, и кинулся на богатыря. А богатырь увернулся, изловчился и вскочил к нему на спину.

Жеребец поднялся на дыбы, стал копытами скалы опрокидывать, вырывать деревья с корнем и рычать, как дикий зверь.

Выгнул шею, старается богатыря зубами достать. Не сумел достать и закричал с досады. От его крика пыль земная поднялась до неба, облака спустились до земли и звезды замигали на небе. Тогда он отряхнулся, закружился на одном месте и грохнулся на бок. Тут богатырь с него и полетел. А когда поднялся на ноги, черный конь был уже за шестью горами. Только топот его доносился как дальний гром. Побежал богатырь догонять коня. Вскочил на самую высокую гору и увидел его под горой. Встал тогда богатырь на скалу и с нее прыгнул прямо на спину жеребца. Схватил его железной рукой за шею и пригнул к земле.

Конь почувствовал богатырскую силу и покорился ей. Только глаза у него засверкали, как черные алмазы, да ноздри задрожали от злости.

Повернул богатырь коня и поскакал на восход солнца.

Бежит черный конь по горам, перепрыгивает через реки. Доехал богатырь до красной горы. Под горой, у большой сосны, остановил коня, взял сосну одной рукой и выдернул с корнем. Под корнями сосны была глубокая яма, а в яме — седло богатырское и доспехи. Слез богатырь с коня, надел доспехи, заседлал коня седлом и вскочил в него.

Вскочил в седло, оглянулся кругом, видит: закатывается солнце за край ущелья. В один миг проскакал богатырь все ущелье. Доскакал до конца, наломал от солнца лучей, наточил их о край неба и вложил в колчан вместо стрел. Потом в'ехал на высокую гору, вытащил трубку, как большую сосну, закурил, и дым от его трубки закрыл все небо. Стало в долине темно.

Подумал богатырь, потом повернул коня и назад поехал.

Встреча со свояками

Перевалил богатырь за восемь гор, пересек восемь долин, восемь рек его конь перепрыгнул. Когда конь поднялся на девятую гору, придержал его богатырь и посмотрел кругом. Видит: сидят у подножья горы шесть канских зятьев; черных жеребят они не поймали, кони у них из сил выбились, отощали, еле на ногах стоят. А сами свояки высохли, как гнилые сосны.

Сидят они вокруг ручья и голодные животы свои, как пустые ташауры, водой наливают.

Спустился с горы богатырь, под'ехал к своякам и остановил коня. Услыхали свояки конский топот, подняли головы от воды и испугались богатырского взгляда, как сабли, занесенной над головой. Вскочили они все на ноги, постояли немного, потом опомнились, приняли у него повод, привязали коня к сосне и стали расспрашивать:

— Славный, могучий богатырь! Откуда едете, куда направляетесь, какое имя носите?

— Я приехал оттуда, где никто не живет, моего аила с самой высокой горы не видно. А сюда я приехал поохотиться. А вы кто такие и что тут делаете?

Рассказали ему свояки, кто они такие и что делают. Он их выслушал и ответил:

— У меня птица Кан-Кереде тоже семь жеребят унесла. И мне придется когда-нибудь ехать, посчитаться с ней.

Стали свояки просить богатыря ехать вместе с ними, а он им на это вот что ответил:

— Если поедешь, почему не доедешь.

Богатырь изловчился и вскочил к нему на спину.

Если пойдешь, почему не дойдешь. Только вам туда на своих конях никогда не добраться. Я поеду туда сам. Если хотите, я ваших жеребят выручу. А за это каждого из вас я по одному разу вот этой девятигранной плетью стегну.

Посмотрели свояки со страхом на богатырскую плеть, но согласились. Повернулись они и подставили спины. Как начал богатырь одного за другим плетью стегать, подняли они такой вой, что всех зверей напугали. Повыскочили из своих лежек маралы, заметались по горам, и сто штук из них забежали в долину. Богатырь одной рукой шестьдесят маралов убил, другой сорок маралух поймал. Маралух он привязал к сосне и сказал своякам:

— Доить будете.

Потом снял шкуры с убитых маралов и мясо отдал своякам:

— Есть будете.

Потом сделал из маральих шкур большой аил и показал своякам:

— Здесь живите, пока я не вернусь. А теперь я вам скажу свое имя, если вы еще сами не поняли, кто я. Я Бобер-богатырь, ваш младший свояк.

Повернул коня и пропал из глаз, как будто его и не было.

Птица Кан-Кереде

Долго ехал Бобер-богатырь, пока не доехал туда, где земля и небо кончаются.

Видит: край неба опирается на высокую гору, с горы большой водопад бежит, под горой озеро. И не видно, где его начало, где конец его. Со всех сторон озера — высокие горы. По склонам густой лес, и зеленые сосны растут у самого берега. От зеленых сосен вода у берега совсем зеленая, а по средине блестит, как клинок сабли.

А на другом берегу озера стоит высокая скала, и на ней огромное гнездо птицы Кан-Кереде. А внизу под скалой растет кедр. Один среди сосен, как стройный марал среди косматых яков.

Сел на камень Бобер-богатырь и стал думать, как озеро переплыть.

Вдруг слышит, на скале в гнезде птенцы говорят:

— Сегодня из озера выйдет семиглавая змея и меня с'ест. Давай попрощаемся,— сказал один и заплакал.

Змея обвилась вокруг кедра и протянула все свои семь голов.

А второй сказал:

— И мне жить недолго. Она меня завтра с'ест.

Пожалел богатырь птенцов птицы Кан-Кереде, достал из колчана золотую стрелу, приложил к тетиве и стал ждать семиглавую змею.

Солнце стало прятаться за гору, над горой взошла луна и висит в небе, как золотой самородок. Вдруг вода на озере замутилась, волны вскинулись до неба, и из воды показались семь змеиных голов. За головами и вся змея вылезла. Обвилась она вокруг высокого кедра и протянула к гнезду все свои семь змеиных голов.

Пустил богатырь стрелу. Огневая стрела сразу отсекла все семь голов, и упали они в воду, а сама змея зацепилась за кедр хвостом и повисла, как плеть.

Увидали птенцы, что змеи уже нет. Больше радости обрадовались, стали благодарить богатыря, позвали к себе в гнездо. А чтобы он мог добраться до гнезда, они вытянули свои крылья через озеро, как мост.

Богатырь толкнул своего коня два раза, превратил его в трубку, положил в кисет и тогда переправился по крылу через озеро, в гнездо птицы Кан-Кереде. Стали птенцы его спрашивать, откуда он и зачем приехал. Богатырь им все рассказал, тогда они ему посоветовали:

— Спрячем-ка мы тебя под крыло, а то мать вернется, тебя сгоряча проглотит.

Спрятался богатырь под крыло.

В это время над озером пронесся ветер, разыгралась буря. Волны о скалы бьются, сосны качаются, как трава. Черная туча луну закрыла. Это летит птица Кан-Кереде.

Прилетела Кан-Кереде. В когтях у нее сто маралов. Увидала птица, что оба птенца живы, и обрадовалась. Стащила с дерева змеиное тело, растерзала на семь частей змеиное тело и бросила в озеро. Потом спрашивает птенцов:

— Кто вас, дети, от змеи спас?

Те ответили:

— Спас нас Бобер-богатырь, а покажем мы его тебе только тогда, когда ты ноги свои закуешь в цепи и клюв защемишь железным кольцом, а то мы боимся, что ты его сгоряча проглотишь.

Птица-мать Кан-Кереде, как просили ее, так все и сделала.

Тогда птенцы показали ей богатыря, а она кольцо с клюва сбросила и говорит:

— Теперь не бойся меня, богатырь. За то, что ты детей моих от смерти спас, я тебе другом буду. Все сделаю, что прикажешь. Приказывай!

Богатырь ответил:

— Могучая птица Кан-Кереде! У тестя моего, Караты-Кана, ты семь черных жеребят унесла. Если они целы, отдай их мне.

— Они все целы,— говорит Кан-Кереде,— я тебе их сейчас принесу.

Улетела птица и скоро вернулась. Принесла семь черных жеребят, отдала их богатырю и сказала:

— Очень много ты для меня сделал, — очень мало для себя просишь. Не знаю, чем мне тебя отблагодарить, могучий Бобер-богатырь!

Взял богатырь жеребят, встряхнул их слегка, стали жеребята ростом с горошинку. Положил он их в карман, потом взял свою саблю, отдал ее птице Кан-Кереде и сказал:

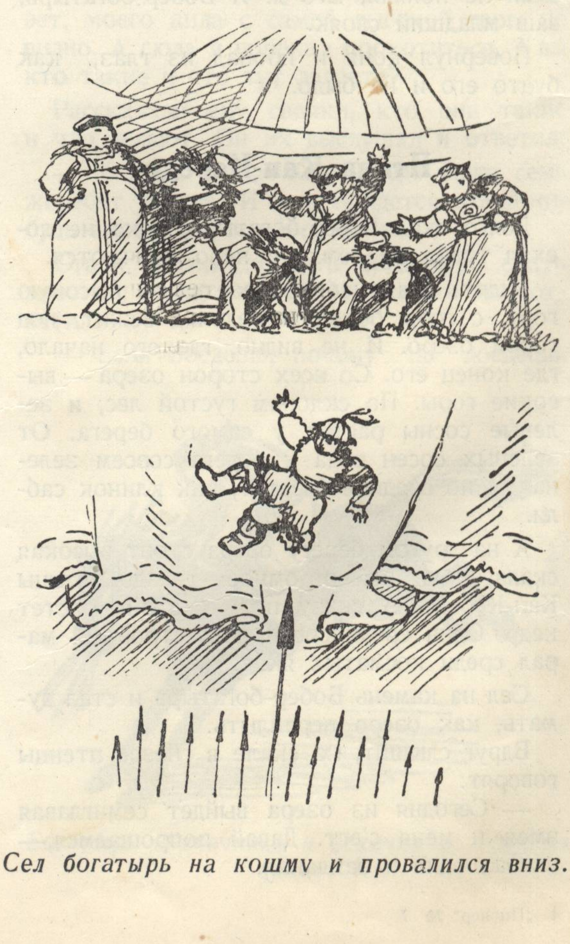
— Славная птица Кан-Кереде! Если хочешь помнить мое добро, сохрани эту саблю. По ней будешь знать, что со мной. Если хорошо со мной — клинок, как солнце, горит, плохо — он покроется ржавчиной и станет толщиной с волос. Тогда мне твоя помощь нужна.

Попрощался богатырь с птицей Кан-Кереде, снова по крыльям птенцов переправился через озеро, вытащил трубку, ударил ее о сосну, превратилась она в чернобархатного коня. Сел на него Бобер-богатырь и поехал к свойкам.

Свояки убивают Бобра-богатыря

Время идет, как река течет, нигде не остановится.

Пока Бобер-богатырь ездил за семью жеребятами к птице Кан-Кереде, шесть канских зятьев жили без нужды и разжирели, как быки осенью. Они доили сорок маралух, наготовили творогу, сыру, чегеню, варится у них в казане маралье мясо, они его целый день едят. От пищи да от безделья все шесть заплыли жиром, еле-еле толстые шеи поворачивают. Но их черные сердца добрее не сделались, злость в них, как змея, клубком лежит. Торчит у них в горле острой костью славный Бобер-богатырь. Сговорились они убить богатыря. Вырыли глубокую яму, укрепили в ней острую пику, кругом пики стрелы воткнули острием вверх. Над ямой поставили белый хороший аил, постелили у входа белую мягкую

Сел богатырь на кошму и провалился вниз.

кошму, в аиле яму тоже белой кошмой закрыли, устроили над ней почетное место и стали ждать богатыря с семью жеребятами.

Под'езжает к своякам Бобер-богатырь и гонит перед собой семь черных жеребят.

Свояки со всех ног кинулись его встречать, взяли у него повод из рук, самого под руки в белый аил ввели и усадили на почетное место.

Только сел богатырь на кошму, как провалился вниз, напоролся на острую пику, и прошла пика через сердце богатыря насквозь. Свояки заглянули в яму и обрадовались.

Потом задумали свое грязное дело смыть чистой кровью лучшего коня, задобрить милостивого духа Ульгеня и принести ему в жертву чернобархатного коня.

Подошли они к коню, привязали к четырем его ногам четыре аркана, и четыре средних свояка, взяв концы арканов, разошлись в разные стороны. Младший свояк развел костер под высокой сосной, а старший вместо кама стал шептать молитвы. Когда кончил шептать, подал знак, и четыре средних свояка, собрав свои силы, дернули за арканы и разорвали чернобархатного коня на четыре части.

Подошел к нему кам — старший свояк. Злыми пальцами сдавил ему шею и задушил насмерть. Потом они разрезали брюхо коня острой саблей, вымыли мясо и шкуру и подвесили шкуру на высокой сосне на сухой сук. А мясо бросили на огонь в костер и засыпали березовым валежником.

Кончив свое черное дело, сели шесть свояков на коней и погнали жеребят к могучему, на вороном иноходце ездящему Караты-Кану.

Кан-Кереде спасает своего друга

Над большим озером, где сосны в воду глядят, где под серой скалой стоит большой кедр, живет на вершине скалы птица Кан-Кереде, кормит своих двух птенцов и с благодарностью вспоминает о Бобре-богатыре.

Однажды взглянула она на саблю, оставленную им, и круглое сердце ее дрогнуло. Сабля вся красная, как кровь, ржавчина ее с'ела, и сделалась она тоньше волоса. Расправила Кан-Кереде свои большие крылья, закрыла ими полнеба и полетела на закат, выручать друга.

Два раза она облетела весь Алтай...

Два раза она облетела весь Алтай, осмотрела все горы, под все камни заглянула — нигде богатыря не нашла и села отдохнуть на вершине большой горы. Вдруг видит в долине высокую сосну, на сосне сухой сук, а на суку висит шкура чернобархатного коня и от ветра колышется.

Кан-Кереде узнала в этой шкуре богатырского коня, спустилась к нему с горы, сняла его с дерева и поставила на ноги. Потом нашла мясо и обгорелые кости, вложила их в шкуру, нарвала под большим кедром целебной травы и дунула в рот коню.

Ожил конь. Оглянулся кругом, ищет своего хозяина. Потом подошел к белому аилу, заглянул в яму и жалобно заржал.

Пошла за ним птица Кан-Кереде, увидела в яме богатыря, сильными когтями сняла его с пики, вытащила из ямы и положила на траву. Потом слетала за шесть гор, принесла целебной воды и обрызгала той водой богатыря.

Бобер-богатырь вскочил на ноги, обрадовался, обнял своего коня и говорит птице Кан-Кереде:

— Век тебе благодарен буду за мое спасение! Если понадобится тебе моя помощь, только позови!

А Кан-Кереде ему ответила:

— Я тебе только долг отдала. Ты детей моих спас от семиглавой змеи.

Простились они друзьями и двинулись в разные стороны.

У Караты-Кана

Только не бывает так, что все ровно. Если есть гора, то есть и долина. Если есть добрые, то рядом есть и злые.

Пока Кан-Кереде искала друга своего богатыря и выручала его от смерти, шесть

канских зятьев домой приехали и жеребят привезли.

Караты-Кан встретил их с почетом, усадил на кошму, стал угощать чегенем и расспрашивать. Самый старший зять выпил чегеня, отставил камышевую чашку в золотых узорах и рассказывает:

— Долго ездили мы по горам Алтая. Много рек и озер переплыли, пока на вершине самой высокой горы не нашли гнездо птицы Кан-Кереде. Сама Кан-Кереде на гнезде сидела и птенцов высиживала, а семь черных жеребят паслись у подножия горы. Птица Кан-Кереде нас заметила, вытянула крыло и хотела нас крылом убить. А мы все вынули по стреле, выстрелили в птицу, и все шесть стрел вонзились ей прямо в сердце, рядом торчат. Тогда взяли мы семь черных жеребят и домой поехали. В'ехали мы на вершину большой горы и вот что увидели: под горой наш меньшой свояк Бобер бьется с чернобархатным конем и старается вскочить ему на спину. Мы поспешили ему на помощь, да пока спускались вниз с горы, видели, как конь изловчился, лягнул железным копытом, пробил Бобру лоб и на восход солнца поскакал. От его топота горы качаются, вода в озере встает, звезды на небе мигают. Подошли мы к свояку, а он уже неживой. Нитка жизни его кончилась, Эрлик ее перерезал.

Старший зять Караты-Кану рассказывает, а остальные пять трубки курят и головами кивают: «Так, так, правильно!»

Услыхал Караты-Кан, что нелюбимый зять умер, обрадовался и приказал Темене-Ко к себе позвать. Когда она пришла, он сказал ей:

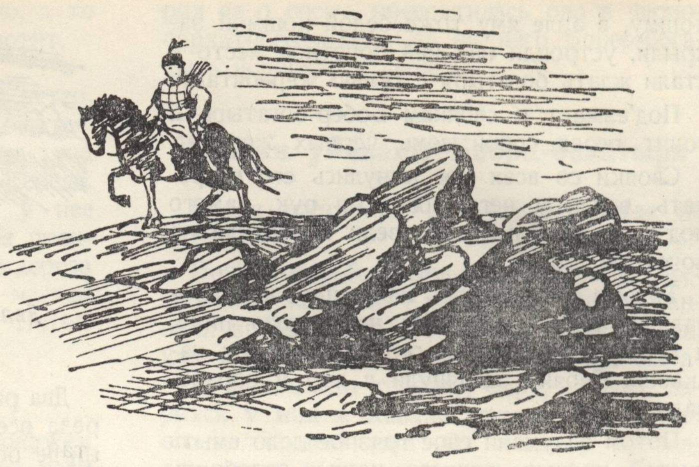
— Твоего мужа, Бобра негодного, чернобархатный жеребец убил. Вот зятья твои видели.

И зятья закивали все головами: «Видели, видели».

— А теперь,— сказал кан,— пойди в свой аил, прибери его, расчеши свои волосы и нового знатного жениха жди.

Красавица Темене-Ко выслушала отца и сначала было опечалилась, вспомнила, что не сдержала свое слово и показывала сестрам бобровую шкуру. А потом подумала:

«Больше никто меня мужем-бобром попрекать не будет. Стану я опять с сестрами равной».

Сел на коня богатырь, а за ним груда серых камней.

Через два дня приехал знатный Мерге-Кан Темене-Ко сватать, привез большой выкуп. А еще через два дня и свадьбу устроили.

Богатырь возвращается

Под'езжает Бобер-богатырь к высокой горе, что в белую шапку одета. Слышит: большой шум в канском аиле, звучит топшур[1], поют свадебные песни. Богатырь удивился:

«Кто там женится, где все женатые? Кто замуж выходит там, где все замужем?»

У большого аила слез он с коня, привязал его и вошел в аил. Видит богатырь: сидит у костра Караты-Кан, и сидят шесть его зятьев, и на мужской стороне знатных гостей полно. Шапки, шитые золотом, горят, как костры. На правой стороне сидят женщины, а в стороне веселятся девушки. А выше всех на шестидесяти белых кошмах сидит его жена, красавица Темене-Ко, с новым мужем, Мерге-Каном.

Увидели все славного богатыря, а из глаз у него сыплются молнии, а черные брови сошлись, как две стрелы. Все испугались и дрожат, как листы. А зятья от страха вниз лицом попадали.

Шагнул вперед Бобер-богатырь, зажал в руке плеть и загремел на них, как небесный гром:

[1] Музыкальный инструмент.

— Червивые люди, закоренелые в убийствах! Сейчас я с вами сведу свои счеты!

И давай свояков изо всех сил стегать: по спинам, по шеям, куда плеть ни попадет. Отстегал, как следует, потом подошел к Караты-Кану, плюнул ему три раза в глаза и сказал:

— Злое сердце у тебя, Караты-Кан, жестокое, твердое, как камень! Пусть же и сам ты в камень превратишься. И весь род твой, все друзья, все жестокие каны пусть сделаются серыми камнями. И аил твой и место, где он стоял, пусть люди обходят кругом и плюют в его сторону!

А потом повернулся богатырь к Темене-Ко и сказал ей:

— И тебя, жена, я тоже превращу в камень за то, что ты слово свое не сдержала, показала сестрам бобровую шкуру и на меня беду навлекла. А еще за то, что, обрадовавшись смерти моей, поторопилась выйти замуж за другого.

Повернулся Бобер-богатырь и вышел из аила. А оставшиеся все сидят, ни рукой, ни ногой шевельнуть не могут, каменеть уже начали.

Сел на коня богатырь и оглянулся, а позади него ни аила, ни людей нет — лежит груда серых камней.

И поскакал богатырь на свою родину, под черную гору со ста водопадами.

Под'ехал к старой юрте Когутэя. Взял ее за верхушку и снял с земли, как шапку с головы. Потом взял он Когутэя и жену его за плечи, два раза встряхнул над землей, они превратились в сто юношей и сто девушек.

Тогда он сказал им:

— Весь Алтай теперь ваш со всеми стадами на пастбищах. Со всеми зверями в тайге, со всеми богатствами в стране. Я всех жестоких канов обратил в серые камни.

Как только горный ветер схватил последние его слова и унес в ущелья, из глаз пропал и сам Бобер-богатырь.

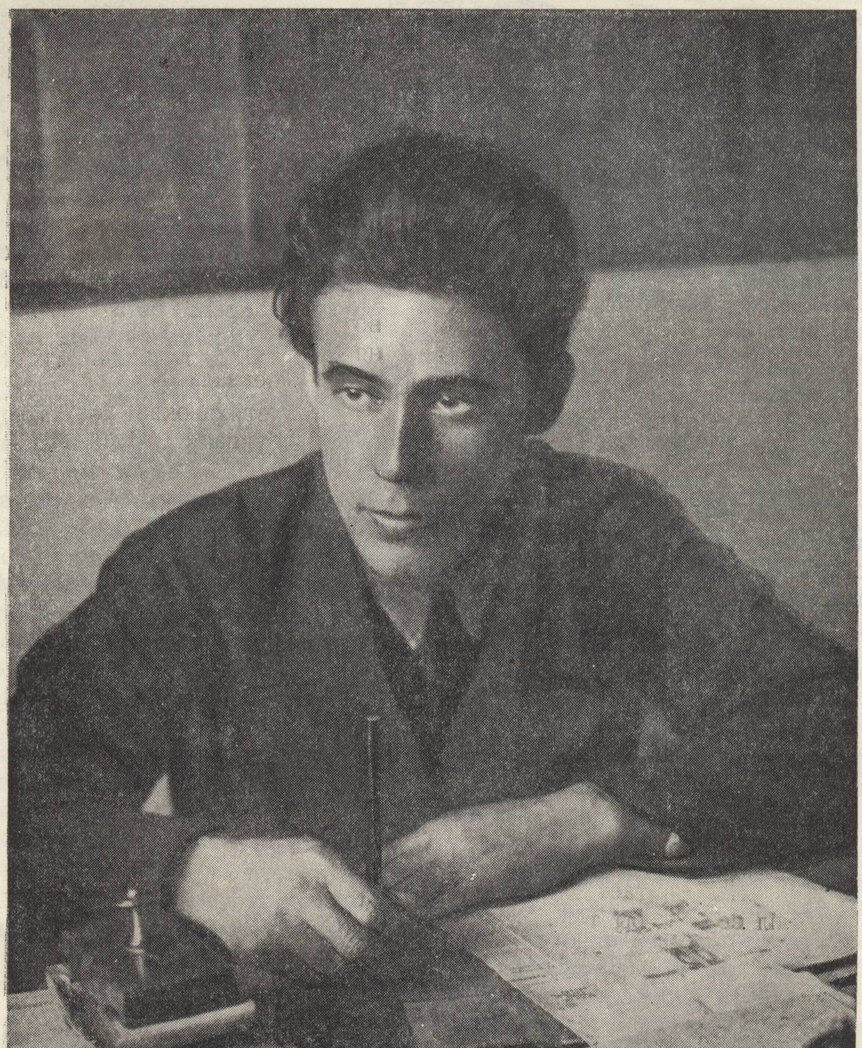
Где он только что был, все видели.

Место, где его конь стоял, осталось.

А куда он уехал, никто не видал.

. . . .

□□□

Т. П. Регентов, награжденный орденом Ленина, начальник котельного цеха Шатурской электростанции им. В. И. Ленина, прошедший на этой станции путь от мальчика—подручного-слесаря—до инженера.

С ним я знаком

Управление силами тепла

Рассказ инженера Т. П. Регентова

Начало моей жизни

Шестилетним мальчиком я уже начал работать. Старый да малый — семидесятилетний дедушка и шестилетний внук — трудились вместе, и я редко отставал от старика.

Я был самолюбив, и самолюбие подгоняло меня сделать побольше и получше, доказать всем, что я уже не маленький.

Однажды к нам пришел за яблоками сын учителя, Саша Шмелев. Это был большой и здоровый мальчик, чуть постарше меня. Он умел читать, у него было много книжек с картинками.

Мы подружились. Сашка приносил с собой свои книги и читал из них рассказы и стишки. Меня особенно увлекали картинки в книжках.

Когда дедушка с большим искусством колол упрямые пни, умело направляя клин, для того чтобы разбить пень вдоль слоя, я непременно хотел сделать так же. Теперь, видя, что приятель читает интересные рассказы, я решил во что бы то ни стало научиться читать.

Решено было стянуть старый букварь на чердаке у учителя и учиться по нему. Букварь я благополучно стащил, и старшая сестра показала мне буквы. Теперь я всегда, когда ходил с дедушкой на работу, брал с собой букварь, очень быстро выучился читать и запомнил все стишки из букваря.

Когда я извлек из букваря все, что в нем было интересного, букварь перестал меня интересовать и был безжалостно изрезан: все картинки из букваря пошли на увеличение моей коллекции картинок. Но приобретенные знания не удовлетворяли меня, хотелось узнавать еще и еще.

Тогда я собрался с духом и отправился к учителю, чтобы попросить у него новую книжку. Изрезанный букварь я захватил с собой, намереваясь вернуть его учителю. Увидав испорченную книгу, учитель накричал на меня, и тут в первый раз в жизни я заплакал. Я был самолюбив и никогда не плакал ни от боли, ни от обиды. А здесь вот заплакал. Тогда учитель успокоил меня, сказав, что книжка все равно старая, и дал мне задачник.

Арифметика оказалась еще гораздо интереснее букваря. Задачки давались легко. Через год, когда мне исполнилось семь лет и я пошел в школу, я знал уже все, что проходили в первом году обучения, и мне было очень легко учиться.

Учительница обратила внимание на любознательного мальчишку. Она занималась со мной по вечерам, подкармливала и оставляла у себя ночевать в зимние метели, так как одежонка у меня была плохая.

Дома я никогда не ел таких вкусных вещей, какие были у учительницы. Я, бывало, приду домой и прошу, чтобы мне дали того же самого. Ну а мать, конечно, била меня за это.

Однажды в школу приехал инспектор народных училищ. Он проэкзаменовал меня и сказал учительнице: «На этого мальчика надо обратить внимание: он «верченый», но очень способный». Характеристика эта была, пожалуй, правильная: я был довольно способным, но зазнавался, издевался над ребятами, когда они чего-нибудь не умели сделать. Вообще я был большой индивидуалист. Слова инспектора заставили меня еще больше налечь на учебу, но укрепили и сознание своего превосходства над другими ребятами.

От занятий у меня оставалось довольно много свободного времени, и я употреблял его на чтение. Читал я без разбора, что попадалось, зачитывался одинаково и Тургеневым и Нат Пинкертоном. Но больше всего любил задачники. Сидел по вечерам и решал подряд все задачи. И, только кончив задачник, откладывал его и больше уж к нему не возвращался.

Моя кузница

Был у меня двоюродный брат Яша, немного постарше возрастом, большой мастер и изобретатель. Он умел делать всякие игрушки с пружинкой: карусели, которые вертелись, пушку, которая стреляла настоящим порохом (порох был украден у деревенского охотника).

Я любил своего брата больше всех, старался во всем подражать ему, слушался его и под его влиянием перенимал много хорошего. Страсть к изобретательству и к технике вскоре захватила и меня.

В Лузгарине была кузница. Мы часами простаивали возле кузницы, приглядываясь к тому, как из трех кусков железа делается подкова. Это нас так захватило, что мы решили построить свою кузницу. Было нам тогда лет по десяти.

Стали мы разрабатывать план своей кузницы. Материалы для нее собирались не совсем законным путем. Возле железнодорожной станции был найден буфер. Мы его откатили подальше и спрятали, а в начале зимы, когда выпал снег, приволокли на самодельных салазках в деревню. Буфер изображал наковальню. Большой молот стянули у дедушки. Дело стало за горном.

Мы не знали, как сделать мехи. Впрочем, назначение этих мехов было тоже не совсем понятно. Казалось, что достаточно раздувать огонь собственными легкими. Мы дули изо всей силы в трубу поочередно, но ничего не получилось.

Потом мы вспомнили, что у учителя были мехи, которыми он сдувал пчел, когда выбирал мед. Я пошел просить учителя дать мне мехи для кузницы. Я об'яснил, что кузница будет очень полезна в деревне: можно будет делать обручи, подковы, молотки.

Учитель одобрил идею, но мехов не дал, а разыскал книжку по кузнечному делу, в которой было описано оборудование кузницы. Оказалось, что мехи можно заменить вентилятором.

Вентилятор — механизм не совсем простой. Основные части было довольно легко вырезать из дерева, но ведь нужны были еще и подшипники и ось, чтобы насадить на нее шкив и привод. Тут уж мне пришлось проявить изобретательность. Подшипники я отливал самостоятельно из смеси олова со свинцом, деревянную ось вдел в железную трубочку. Вентилятор приводился в движение вручную, так, как шпули мотают. Это было первое мое теплотехническое достижение. Ну я не знал, конечно, тогда, что стану теплотехником и буду руководить котельным цехом Шатурской электростанции.

Да и станции этой не было, и мысль о ней еще не рождалась. Хотя так случилось, что жил я в детстве километрах в пяти от того места, где после революции, по плану Владимира Ильича Ленина, была заложена первая в Советской стране, Шатурская электростанция.

С этим первым механизмом я провозился чуть не целый год. Но это была не вертящаяся игрушка, а настоящая машина, это было оборудование целого производства. В нашей кузнице впоследствии ковались и сваривались настоящие изделия.

На пороховой завод

Я уже кончал школу. Вечерами я поздно засиживался за книжками, глотая все, что только можно было достать в школьной библиотеке. Читал попрежнему запоем и не откладывал книги, не окончив ее. Спать ложился далеко за полночь.

А рано утром, до зари, мать будила меня и гнала в церковь к заутрене. И мать и дедушка были верующие, дедушка знал наизусть весь псалтырь, который читал каждый день и утром и вечером. Мне обидно было вставать чуть свет, не выспавшись, и идти молиться в церковь, когда глаза слипались и болела голова. Я не хотел молиться богу, который заставляет неизвестно зачем вставать по ночам.

И вот однажды старший брат сказал мне, что бога нет. Я очень верил своему брату. Отсутствие бога поразило и обрадовало меня. Я засыпал брата вопросами, допытываясь об'яснения множеству жизненных вопросов. Брат об'яснял, как умел.

Скоро дело дошло до разрыва с матерью. Она выгнала меня из-за стола за то, что я сел есть, не помолившись. Старший брат поддержал, вышел скандал, и я сбежал из дому на пороховой завод, где работали тогда отец и Яша-изобретатель.

Это было весной семнадцатого года. Было мне тогда тринадцать лет, а на завод не принимали ребят моложе пятнадцати. Но я ни за что не хотел возвращаться домой. Я хотел работать на тех сложных и интересных станках, которые видел, осматривая завод.

Пошел я пешком за восемнадцать верст в волость за справкой о возрасте, которая требовалась для поступления на завод. Такие справки тогда давались довольно легко.

Мне прибавили два года, и я стал работать в электромастерской. Какая радость меня охватила, когда мне в первый раз дали в руки сверло для того, чтобы просверлить дырку в железе!

Это был семнадцатый год. На пороховом заводе и в железнодорожном депо происходили бурные собрания. Я проводил целые дни в депо. Я хлопал и кричал, когда хлопали другие, хотя и не понимал, когда оратор говорил правильно, а когда нет. Все, что я слышал, было ново, необычайно, и я жадно воспринимал все без разбора.

Старший брат об'яснял мне разницу между большевиками и эсерами; эсеров он называл мошенниками, и я понял тогда, что большевики — правильные люди, но почему эсеры—мошенники, понял только позднее.

Шатура

Прошел семнадцатый год, настал восемнадцатый, и около нас, на Шатурском болоте, стали добывать торф, строить электрическую станцию, и я пошел работать на Шатуру.

Осенью в двадцать пятом бараке, возле моей койки, висела полочка с книгами. Физика, алгебра, геометрия и политграмота, вымененные на черный хлеб, стояли акуратно на полке. Вечерами, когда ребята выходили на улицу с гармошкой, когда девчата заводили частушки, я сидел над учебниками и, заткнув уши, погружался в учебу, выполняя собственный, твердо составленный план самообразования. На каждый вечер я задавал себе определенное задание: столько-то задач, столько-то страниц по учебнику. Задание разрешалось перевыполнить, но лечь спать раньше я себе не разрешал. Бывало, просиживал целую ночь напролет.

Работал я подручным слесаря в механической мастерской. Все подручные были тогда такие, как я, деревенские пареньки. Жадные к знаниям, приятели мои успели полюбить станки и механизмы, с которыми им приходилось работать.

Я излазил все уголки котельной на временной электростанции и знал котлы довольно неплохо.

Чтобы стать из подручного слесарем, надо было сдавать довольно трудную пробу. Проба была сдана удачно, и после этого меня и еще троих ребят перевели дежурными по временной станции.

Узнавая ближе работу котлов, наблюдая все трудности и неполадки в работе топок, я скоро понял, что тепловой процесс имеет свои серьезные законы. Надо не просто жечь топливо и получать пар: надо жечь топливо экономно, надо получать пар равномерно, нельзя позволить половине торфа вылетать в трубу и проваливаться в зольную. Нельзя допускать, чтобы труба «Дунькиной фабрики» как мы тогда называли временную станцию, светилась за несколько верст по ночам. На все это уходит лишнее топливо.

Мне захотелось проникнуть во все тайны теплотехники и научиться управлять непокорными силами тепла и парообразования, но я знал, что этого можно добиться только после многих лет упорного труда. Я твердо решил научиться всему и вернуться к котлам, чтобы управлять ими, а не исполнять вслепую чужие указания, часто, может быть, и неверные. Потому что тогда шатурская котельная работала совсем не так хорошо, как могла бы.

Вместе с другими комсомольцами Шатуры я пошел учиться в техникум.

Когда я вернулся на Шатуру, начинала работать уже не маленькая временная станция «Дунькина фабрика», а большая районная станция — красавица Шатура. Мне доверили на ней дежурство по котельной.

И все-таки тот опыт, который я получил, налаживая к пуску сложнейшее устройство большой новой котельной, меня не удовлетворял. Для того чтобы работать во всю свою силу, надо было знать еще больше. И я поступил в московский вуз.

В третий раз я приехал на Шатуру уже инженером. Меня прислал Московский комитет партии налаживать расшатанное котельное хозяйство. И в этом деле нам как будто удалось кое-чего добиться.

Через три года

Б. Ивантер

На этом кончается рассказ Тимофея Пантелеевича Регентова, заведующего котельным цехом Шатурской электростанции. Он рассказывал все это не сейчас, а года три назад для книги по истории Шатуры. Шатура — это одна из замечательнейших электростанций Советского союза, и мне посчастливилось работать на Шатуре редактором газеты.

Время тогда для станции было не очень легкое: эта станция везла на себе около трети промышленности всей Московской области. Остановись Шатура — и треть всех фабрик и заводов области и самой Москвы остановится и замрет.

Шатура стоит в 125 километрах от Москвы, у четырех озер. Все эти четыре озера совершают круговое движение через трубопроводы электрической станции. Станция построена среди болот. И эти болота, участок за участком исчезают в топках электростанции, превращая воду в невероятно горячий, почти невидимый пар, который огромным напором вертит лопасти колоссальных турбин и производит новую энергию — электричество.

По проводам высокого напряжения ток идет в Москву, входит в общее электрическое кольцо и оттуда попадает и в моторы станков и в электрические лампочки.

Из болот добывают торф, этот торф — остатки растений, которые тысячелетиями накапливались в мокреди болот,— идет в топки восемнадцати котлов.

Для Шатуры это были очень трудные годы. С каждым месяцем Москва требовала все больше и больше энергии, а торфяные разработки работали плохо, торфа не хватало. На Шатуру стали привозить и уголь, и дрова, и опилки, и несчастные котлы должны были пожирать всю эту неприспособленную для их желудков пищу. Они-то ведь были построены для торфа.

И тут Регентов проявил свою огромную энергию: он переделывал котлы, выдумывал одно за другим всяческие улучшения. Он не только сам думал день и ночь над своими котлами, но и других заставлял думать.

Он придумал, например, увеличить топочные камеры, чтобы топливо лучше горело. Все шатурцы: инженеры, мастера, старые кочегары, среди которых были и прежние учителя Регентова, — знали, что топочные камеры нужно увеличить, но никто не знал, как это сделать. Все считали, что это невозможно.

Регентов со своим обычным упорством, с которым он в детстве строил свою кузницу, занялся топочной камерой. Он рассчитал все возможности, собрал всех специалистов, показал им свой проект и спросил не как ученик, а как учитель:

— Почему этого нельзя сделать? Докажите.

И никто не смог возразить.

Через несколько дней топочная камера была переделана и все сомневающиеся убедились на деле в том, что это совершенно возможно.

Котел стал давать больше пара.

Увеличение топочной камеры — не изобретение Регентова—это просто наиболее удачное разрешение задачи, все условия которой им были хорошо, до тонкости изучены.

Шатуру лихорадило. То и дело случались аварии, расшатанные плохим хозяйничанием котлы то и дело вставали в ремонт. Регентов месяцами не вылезал из котельной, и я с ним встречался главным образом в самих котельных топках, где он, черный и перемазанный, руководил ремонтом или перестройкой котла.

Потом я уехал. Товарищи, приезжавшие из Шатуры, рассказывали мне, что станция работает лучше, что она заняла почетное место на конкурсе электростанций. Потом я прочитал в «Правде» постановление правительства о награждении работников электростанций и в том числе Шатурской.

Среди работников Шатуры высшую награду — орден Ленина — получил Тимофей Пантелеевич Регентов.

Мы, в редакции «Пионера», решили среди рассказов орденоносцев дать и его рассказ. Я написал ему, чтобы он прислал нам свою фотографию. Он прислал ее с письмом, которое мы, прочитав, решили напечатать. Вот оно:

Ивантер, привет, привет!!

Жизнь занимает все наше внимание... Оглянуться, осмотреть себя в прошлом не удается. А сколько поучительного, интересного прошло перед глазами! Пытливости не было границ. Мы искали производственные решения тех задач, что теперь уже нас не занимают. Тогда каждый день да что-нибудь на станции есть: неполадки или авария.

Теперь около двух лет нет аварий на станции; около четырех месяцев нет даже неполадок в котельных, которые бы сколько-нибудь сказались на эксплоатации.

Стали другие времена, другие стали люди.

При тебе, помню, мы радовались коэффициенту полезного действия котельных 76%. Теперь же имеем его 82%. И изо дня в день работаем, не удовлетворяясь этим показателем.

Такова, очевидно, природа большевиков—не успокаиваться на успехах.

При тебе мы несли нагрузку в 130 тысяч киловатт максимум.

Теперь везем 182 тысячи киловатт на том же самом оборудовании.

В котельном цехе раньше было 890 человек. Теперь—460 человек.

Ясно, что сделано порядочно. Сами автоматизируем пуск турбонасосов, выключение вентиляторов при аварии (если будут с сети), золотниковый привод и др.

Шатура асфальтируется, благоустраивается...

Мы непрерывно учимся... Я изучаю английский язык, чтобы свободно пользоваться источниками английской техники.

Привет передают тебе: Дуринов, Бурдыгин, Гурычев, Иванов Е. С., Кокорев С. В.

От души желаю тебе успеха в воспитании наших ребят-пионеров!

С компириветом Т. РЕГЕНТОВ

НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

А это что такое

В кабинет редактора явился странный посетитель во фраке, в цилиндре, с расчесанной надвое бородой.

— Здравствуйте! — сказал он. — Я быль, пришель, доктор Каррабелиус.

— Позвольте, — опешил редактор, — но ведь вас на свете нет!

— Почему нет? — в свою очередь опешил посетитель. — Все это есть я, вот мое лицо, моя борода и, наконец, моя цилиндр.

— Да нет же — мы все, и редакция и читатели, прекрасно знаем, что вы только плод воображения писателя Михаила Лоскутова, да вы в конце концов и выглядите не так, у доктора Каррабелиуса нет бороды, его рисовал с натуры Каневский, а мы привыкли ему доверять.

Тут редактор сам заметил, что он запутался, так как никакой художник не смог бы рисовать с натуры плод чужого воображения, и спросил строго:

— Что вам угодно?

— Я доктор Каррабелиус, магистр черный и белый магия, быль путешествоваль разный страна всего мира, предлагай вам открыть в ваш уважаемый журналь паноптикум-кунсткамера различный чудесный, комичный небывалый зверь, человек и природа, открывай следующий страница паноптикум нумеро первий.

П А Н О П

Рыба-чемодан существует на самом деле.

На этой странице паноптикум показывает вам два своих экспоната.

Наверху вы видите рыбу-чемодан—чудесное создание природы.

Внизу изображено чудовище из озера Лох-несс в Англии. В отличие от рыбы-чемодана этого чудовища на свете никогда не было. Тем не менее дирекция паноптикума не считает себя вправе лишать читателей журнала «Пионер» возможности видеть вещи, не существующие. На то у нас и паноптикум.

Это чудовище не сходило со страниц капиталистических газет в течение полугода и выдумано ими для того, чтобы уверить людей, что на свете существуют вещи сверхестественные.

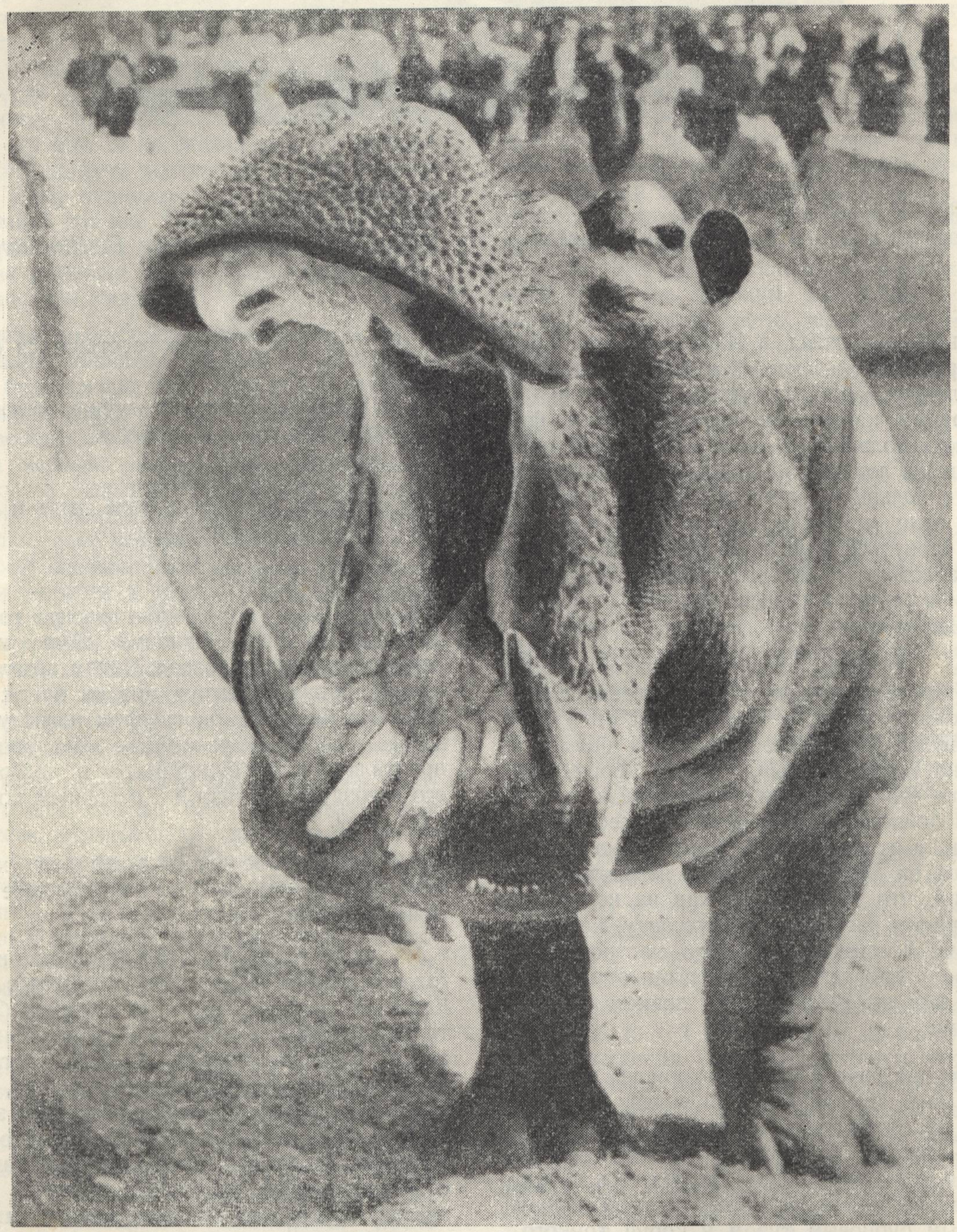
На самом деле их нет.

Как же это снято? Ответить на этот вопрос мы предоставляем догадке читателей.

Дракон-динозавр, на самом деле не существует.

Т И К У М

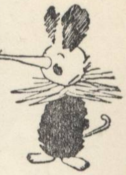

Сокровище паноптикума. Бегемот, снятый за открыванием рта.
Читатели могут считать, что он их приветствует.

— Можно мне изредка заглядывать к вам в журнал? — спросил доктор Каррабелиус редактора.

— О, пожалуйста, — ответил редактор.

— А вы что скажете, читатели?

Ну и ну!

„Гарм"

Рассказ Р. Киплинга
Перевод с английского М. Кондратьевой

Рисунки Б. Винокурова

Много лет назад в Индии я как-то раз вечером ехал в военный поселок Миян-Мир на любительский спектакль. Вдруг из-за пехотных казарм выскочил солдат в фуражке, сползшей на один глаз, и стал прямо перед лошадьми, крича, что он разбойник с большой дороги. На самом деле это был один мой приятель, и я посоветовал ему вернуться домой, не дожидаясь, чтобы его арестовали, но он грохнулся под дышло, и я услышал голоса караульных, искавших кого-то.

Мы с кучером втащили солдата в коляску, быстро поехали домой, раздели его и уложили в кровать, на которой он утром проснулся с жестокой головной болью и сильно пристыженный. Когда форменное платье его вычистили и просушили, а сам он побрился, вымылся и привел себя в порядок, я отвез его в казармы; рука у него висела на акуратной белой перевязи, и я заявил, что случайно наехал на него. Эту историю я рассказал не сержанту, недоверчивому человеку, враждебно настроенному к моему приятелю, а его лейтенанту, который был не очень близко знаком с нами обоими.

Три дня спустя приятель пришел ко мне, а за ним, пуская слюну и виляя хвостом, шел по пятам один из лучших бультерьеров — помесь бульдога и терьера, — которых я когда-либо видел. Он был весь белый, с желтым седлом на спине, у самой шеи, и желтым бубновым тузом у корня тонкого, как хлыст, хвоста. Год с лишком я любовался им издали, моя собака — фокстерьер Виксен — тоже знала его, но недолюбливала.

— Возьмите его, — сказал мой приятель, видимо, не очень желая расставаться с собакой.

— Глупости! Этот пес лучше, чем многие люди, Стэнли, — сказал я.

— Вы правы. Внимание!

Бультерьер стал на задние лапы и простоял так целую минуту.

— Глаза направо!

Бультерьер сел и резко повернул голову направо. По знаку, данному хозяином, он встал и три раза пролаял. Потом подал мне правую лапу и прыгнул мне на плечи. Вялый, как неживой, он шарфом повис у меня на шее с обеих сторон. По просьбе приятеля я взял бультерьера и подбросил его в воздух. Он упал и с рычанием поднял одну ногу.

— Это еще не все, — сказал его хозяин. — Теперь ты помрешь. Вырой себе могилку и закрой глазки.

На трех ногах бультерьер заковылял к садовой ограде, вырыл ямку и улегся в нее. Когда ему заявили, что он выздоровел, бультерьер вскочил и, виляя хвостом, повизгивал в ожидании похвал. Хозяин заставил его проделать еще несколько номеров, как например сторожить человека (я был этим человеком, а пес сидел передо мной, оскалив зубы, готовый к прыжку) и переставать есть по команде. Как только я кончил расхваливать его, мой приятель сделал какой-то жест, и пес замер, как подстреленный; тогда Стенли вынул из своего шлема листок бумаги в синюю линейку, продававшейся в казарменной лавочке, протянул его мне и убежал; бультерьер глядел ему вслед и выл.

Я прочел:

«Сэр, я дарю вам пса за то, что вы выручили меня из беды. Лучше его нет на свете, потому что я сам его выдрессировал; он все понимает, как человек. Пожалуйста, не перекормите его и не возвращайте его мне, потому что я не хочу брать его назад, если вы согласны держать его у себя. Поэтому, пожалуйста, не пытайтесь вернуть его мне. Я не сказал вам его клички, поэтому можете назвать его, как хотите, и он будет отзываться, но, пожалуйста, не отдавайте его мне. Ему ничего не стоит загрызть человека, но, пожалуйста, не давайте ему слишком много мяса. Он понимает больше, чем человек».

Виксен сочувственно залаяла, и ее пронзительное тявканье слилось с отчаянным воем бультерьера. Мне было очень неприятно, ибо я знал, что одно дело, когда человек вообще любит собак, и совсем другое, когда человек любит одну единственную собаку. В большинстве случаев собаки — просто бродяги, кишащие блохами, вечно чешутся, едят всякую дрянь; но собака, с которой живешь один на один не меньше шести месяцев в году, — свободное, любящее существо; оно так крепко привязывается к тебе, что без тебя не шелохнется, не побежит; терпеливое, сдержанное, веселое, умное животное, умеющее понимать твое настроение раньше тебя самого, — такая собака не подходит под общую мерку.

Я очень любил свою собаку Виксен и понимал, что должен был чувствовать мой приятель, отрываясь от своего пса и покидая его в моем саду. Как бы то ни было, бультерьер отлично понял, что теперь его хозяин я, и не побежал за солдатом. Как только я стряхнул с себя раздумье, я начал ласкать бультерьера, а Виксен, визжа от ревности, бросилась на него. Будь она того же пола, что и он, пес, наверное, поразвлекся бы дракой с ней, но тут он только грустно взглянул на нее, когда она стала теребить его впалые железные бока, положил тяжелую голову мне на колено и снова завыл. В тот вечер я собирался пообедать в клубе, но когда сумерки сгустились и пес стал хныкать в пустом доме, как ребенок, старающийся успокоиться после громкого плача, я почувствовал, что не могу покинуть его одного в первый же вечер. Поэтому мы поели дома: Виксен сидела по одну сторону от меня, чужой пес — по другую, причем она следила за каждым его глотком и всем своим видом показывала, какого она мнения о его поведении за столом, хотя он умел держать себя гораздо лучше нее.

Пока погода стояла прохладная, Виксен имела обыкновение спать в моей постели, положив голову на подушку, а утром всегда была одна и та же картина: собачонка лежала, упершись лапами в стену и отодвинув меня на самый край. В тот вечер она нарочно поспешила вскочить на кровать, вся вз'ерошенная, одним глазом косясь на чужака, а тот повалился на коврик с каким-то беспомощным, безнадежным видом, вытянув все свои четыре лапы и тяжко вздыхая. Виксен несколько раз перекладывала голову на подушке, кокетливо и манерно, как всегда, слегка повизгивая перед сном. Чужой пес тихонько подвинулся поближе ко мне. Я протянул руку, и он лизнул ее. Тотчас же зубы Виксен сжали мое запястье и предостерегающее «а-а-а-рр» яснее слов дало мне понять, что если я буду обращать внимание на чужака, она меня укусит.

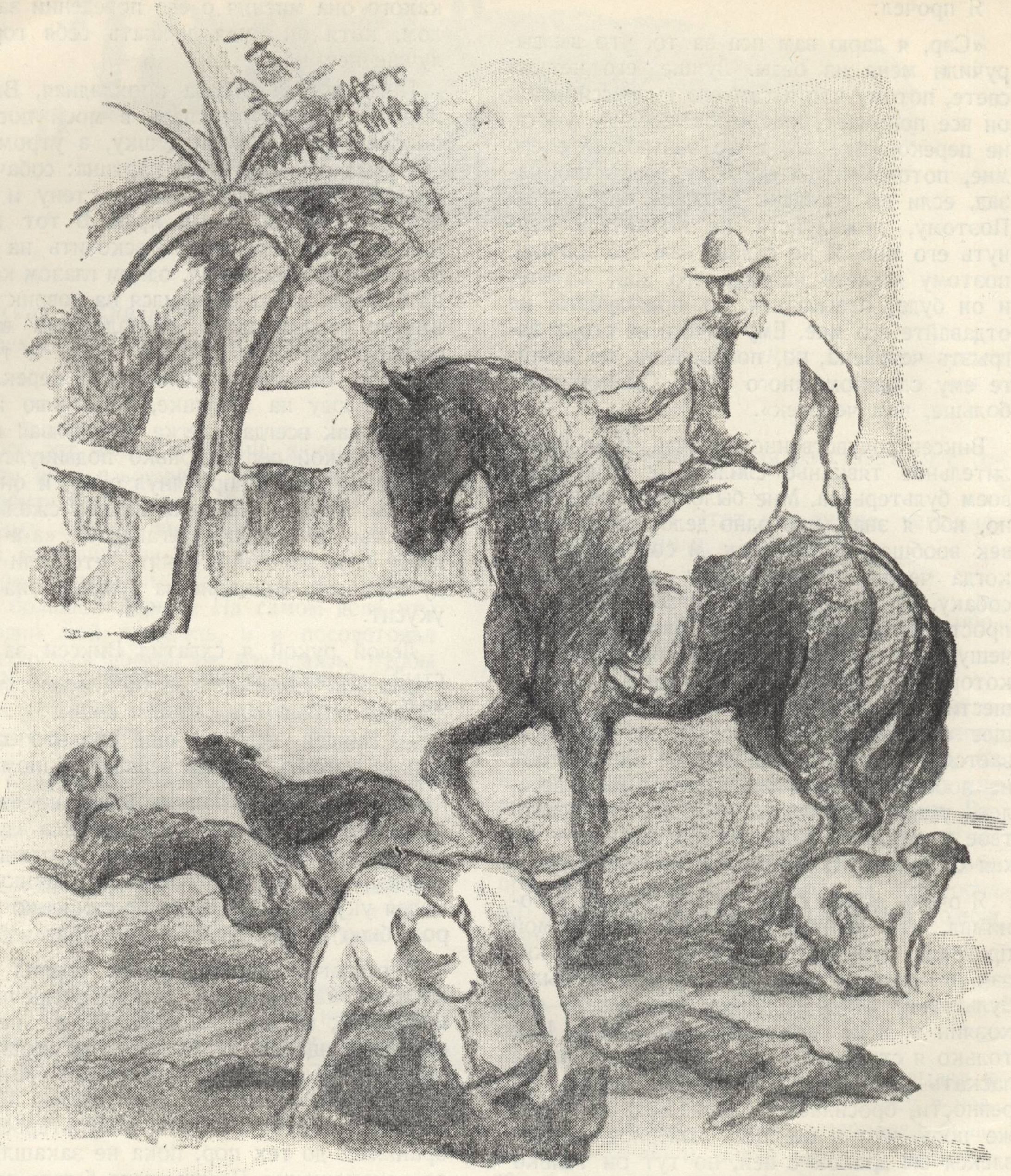
Левой рукой я схватил Виксен за толстый загривок, сильно встряхнул ее и сказал:

— Виксен, если ты еще раз это сделаешь, я выгоню тебя на веранду. Запомни!

Она прекрасно поняла меня, но едва я выпустил ее, она снова схватила зубами мое правое запястье и замерла в ожидании, прижав уши и вытянувшись в струнку, готовая укусить. Большой пес смиренно и миролюбиво стучал хвостом по полу.

Я вторично сгреб Виксен, поднял ее с кровати, как кролика (это ей очень не понравилось, и она завизжала), и, верный своему обещанию, выставил ее на веранду — ночевать в компании с летучими мышами при лунном свете. Тут она завыла. Потом начала бранить — не меня, а бультерьера, и бранилась до тех пор, пока не закашлялась от изнеможения. Потом стала бегать вокруг дома, тыкаясь во все двери. Потом побежала к конюшне и залилась таким лаем, что можно было подумать, что вор уводит лошадей: к этой уловке она прибегала с давних пор. Наконец, она вернулась, и жалобное тявканье ее говорило: «Я буду паинькой! Впусти меня, я буду паинькой!»

Я впустил ее, и она бросилась на свою подушку. Когда она успокоилась, я шепнул бультерьеру: «Можешь лечь в ногах». Он сейчас же вскочил на кровать, и хотя Виксен задрожала от ярости, однако, не реши-

Я увидел, что один из псов лежит со сломанным хребтом, а другой придавлен к земле бультерьером.

лась протестовать. Так мы проспали до утра, а рано утром я позавтракал вместе с собаками, поровну деля пищу между нами троими; потом привели лошадь, и мы отправились кататься верхом. Бультерьер, наверное, никогда еще не бежал за лошадью. Он был вне себя от волнения, а Виксен по обыкновению тявкала, срывалась с места, удирала вперед и вообще вела за собой всю процессию.

В одной соседней деревне было место, мимо которого мы обычно проезжали с осторожностью, потому что здесь собирались желтые бродячие собаки со всех окрестностей. Это были полудикие, голодные животные, очень трусливые, но когда их

собиралось девять или десять, они были непрочь броситься на домашнюю собаку, загрызть и с'есть ее. Против них я вооружился длинной плетью. В то утро они напали на Виксен, которая быть может, нарочно, отбежала в сторону от моей лошади.

Бультерьер один месил пыль в пятидесяти ярдах сзади, покачиваясь на бегу и улыбаясь, как улыбаются бультерьеры. Я услышал, как взвизгнула Виксен: полдюжины псов набросились на нее; что-то белое мелькнуло сзади меня; около Виксен поднялось облако пыли, а когда оно рассеялось, я увидел, что один из бродячих псов лежит со сломанным хребтом, а другой придавлен к земле бультерьером. Виксен отступила под охрану моей плети, а бультерьер прибежал, улыбаясь шире прежнего, залитый кровью своих врагов. Это побудило меня назвать его Гармом в честь «Гарма-кровавой груди»[1], столь знаменитого в свое время, и, наклонившись вперед, я назвал ему его временную кличку. Когда я повторил кличку, он поднял на меня глаза и пустился бежать. Я крикнул: «Гарм!» Он остановился, помчался назад и подбежал спросить, что мне угодно.

Тут я понял, что мой приятель-солдат был прав и что его пес понимает не меньше человека. Не доезжая до дому, я отдал приказ, который Виксен понимала, но терпеть не могла исполнять. «Ступайте, вымойтесь!» — сказал я. Гарм частично понял мои слова, а Виксен перевела ему остальное, и собаки послушно убежали вместе. Придя на заднюю веранду, я увидел Виксен, вымытую, снежно-белую и очень довольную собой; что касается Гарма, то мальчик, ходивший за собаками, наотрез отказался притронуться к нему, если я не буду стоять тут же.

Поэтому я оставался на веранде, пока Гарма чистили, мыли и оттирали; мыло пенилось на макушке его большой головы, и Гарм смотрел на меня, желая убедиться в том, что я требую от него перенести это испытание. Он отлично понимал, что мальчик только исполнял мои приказания.

— В другой раз, — сказал я мальчику,— когда я отошлю собак домой, ты будешь мыть большого пса вместе с Виксен.

— А он понимает? — спросил мальчик, знавший толк в собаках.

— Гарм, — сказал я, — в следующий раз ты будешь мыться вместе с Виксен.

Гарм понял меня, и я это знал. В следующий раз, когда надо было идти мыться, Виксен, по обыкновению, спряталась под моей кроватью, а Гарм взглянул на мальчика, в сомнении стоявшего на веранде, гордо направился к месту, где его мыли прошлый раз, и в ванне стоял столбом.

Но долгие часы, которые мы проводили у меня на службе, были для него тяжким испытанием. Мы втроем уезжали из дому в половине девятого утра и возвращались домой в шесть, а то и позже. Виксен, привыкшая к этому, спала под моим столом, но душу Гарма томило заключение. Обычно он сидел на веранде, глядя на бульвар, и я прекрасно понимал, кого он ждет.

Иногда рота солдат маршировала к крепости, и тогда Гарм убегал осмотреть их; иногда какой-нибудь офицер входил в контору, и тогда жалко было смотреть на бедного Гарма, который приветствовал не самого человека, но его военное платье. Гарм бросался на него, нюхал, радостно лаял, потом бежал к двери и обратно. Как-то раз, во второй половине дня, я услышал, как он залаял во весь голос, чего ни разу не было, и... исчез. Войдя под вечер в сад, я увидел солдата в белом кителе, перелезающего через стену на дальнем конце сада, и Гарм, прибежавший мне навстречу, был в полном восторге. В течение месяца это повторялось раза два или три в неделю.

Я притворялся, что ничего не замечаю, но Гарм все понимал, понимала и Виксен. Он ускользал домой из конторы, часа в четыре дня, с таким видом, словно хотел только пойти полюбоваться на окружающий вид, и проделывал это так безшумно, что я и не замечал бы его исчезновения, если бы не Виксен. Ревнивая собачонка фыркала и сопела под моим столом тихо, но достаточно громко, чтобы обратить мое внимание на бегство бультерьера. Гарм мог уходить хоть сорок раз в день, — Виксен и не шевелилась, но стоило ему улизнуть, чтобы повидаться в моем саду со своим настоящим хозяином, как она давала мне знать об этом на своем языке. Этим она доказывала, что Гарм не вполне искренно вошел в нашу семью. Обе собаки были неизменно в самых дружеских отношениях, тем не менее Виксен об'ясняла мне, что я никогда не должен забывать о том, что Гарм любит меня не так, как любит она.

[1] Гарм — легендарный сторожевой пес царства мертвых (древненорвежские мифы).

Я и не надеялся на это. Он не был моей собакой, никогда не мог стать моей собакой, и я знал, что он так же несчастлив, как его хозяин, который шагал по восьми миль в день, чтобы повидаться с ним. Поэтому я считал, что чем раньше они соединятся вновь, тем лучше будет для всех. Однажды, во второй половине дня, я отослал Виксен домой в шарабане (Гарм убежал вперед) и поехал верхом в военный поселок отыскать другого моего приятеля, солдата-ирландца, который был закадычным другом хозяина Гарма.

Я рассказал ему обо всем и закончил такими словами:

— А теперь Стенли плачет у меня в саду над своей собакой. Почему он не хочет взять ее назад? Оба они несчастны.

— Да еще как несчастны-то! Малый совсем свихнулся. Но такая уж у него причуда.

— Что это за причуда? Он шагает по пятидесяти миль в неделю, чтобы видеться с этим псом, и, встречаясь со мной на дороге, притворяется, что не замечает меня, а мне так же неприятно, как и ему. Убедите его взять назад собаку.

— Это он сам себя наказывает. Я сказал ему в шутку, после того, как вы так удачно сшибли его в ту ночь, когда он был пьян, — я сказал, что ему следует наказать самого себя. Он забрал себе это в голову, да к тому же лихорадка выбила его из колеи, он и решил, что самое подходящее—отдать вам собаку в залог.

— Какой залог? Мне не нужно никаких залогов от Стенли.

— Залог своего хорошего поведения. Теперь он так примерно ведет себя, так, что водить с ним компанию стало неинтересно.

— Он дал зарок не пить?

— Это бы еще куда ни шло. Можно дать зарок на три месяца — и дело с концом. Он говорит, что если нарушит обещание, то никогда уже не увидит своей собаки, поэтому будьте уверены, что он навеки останется примерным. Вы знаете, какие у него бывают причуды? Так вот, это одна из них. А как собака переносит все это?

— Мужественно. Это лучшая собака в Индии. Не можете ли вы уговорить Стенли взять ее обратно?

— Я не могу сделать больше того, что сделал. Вы знаете, какие у него бывают причуды. Он несет свое наказание. А что он будет делать, когда его отправят в горы? Доктор вписал его имя в список.

В Индии принято отправлять на жаркое время года по нескольку больных солдат от каждого полка в лагеря на Гималаях, и хотя люди должны были бы радоваться прохладе и удобствам, им недостает общества своих товарищей по казарме, и они всячески стараются вернуться на равнины или вовсе не поехать. Я полагал, что от'езд Стенли Ортериза приведет дело к желанному концу, и, окрыленный надеждами, расстался с приятелем, хотя он крикнул мне вслед:

— Он не возьмет собаки, сэр! Можете держать пари на свое месячное жалованье. Вы знаете, какие у него бывают причуды.

Я никогда не претендовал на то, что хорошо знаю рядового Ортериза, поэтому решил просто оставить его в покое.

В это лето больных солдат того полка, в котором служил мой приятель, отправляли на Гималаи рано, так как врачи считали, что ходьба в прохладные часы дня хорошо влияет на их здоровье. Им предстояло идти до города Амбалы сто двадцать миль, если не больше. Потом свернуть на восток и направиться в горы: в Касаули, Дагшаи или Сабатху. Я обедал вместе с их офицерами вечером, накануне их выступления в поход: они должны были уйти в пять утра. Была уже полночь, когда я в'ехал в свой сад и увидел белую фигуру, перескакивающую через ограду

— Этот человек, — сказал мой дворецкий, — сидел тут с девяти часов, разговаривал с собакой. Он совсем сумасшедший! Я только потому не приказал ему убираться вон, что он много раз приходил сюда раньше. Кроме того, мальчик, приставленный к собакам, предупредил меня, что если я прикажу солдату уйти, большой пес немедленно загрызет меня. Солдат не выражал желания поговорить с Покровителем бедных [1] и не просил ни есть, ни пить.

— Кадир-Бахш, — сказал я, — ты хорошо сделал, потому что пес непременно загрыз бы тебя. Впрочем, я думаю, что белый солдат [2] больше не придет.

В ту ночь Гарм спал плохо и скулил во сне. Один раз он залаял резко и звонко, и я услышал, как он стучит хвостом; это

[1] Так в Индии называют слуги своих хозяев.

[2] Белыми в Индии называют европейцев. Белые солдаты — солдаты-англичане.

При ярком лунном свете я увидел человека, склонившегося над собакой

разбудило его, и лай перешел в завыванье. Он увидел во сне, что вернулся к своему хозяину. Я чуть не заплакал. И все это вышло по вине Стенли.

Первая стоянка слабосильной команды была на амритсарской дороге, в нескольких милях от их казарм и в десяти милях от моего дома. По счастливой случайности, один из офицеров вернулся, чтобы еще раз хорошо пообедать в клубе (походная кухня, обычно, бывает скверная), и я встретился с ним. Он был моим близким другом, и я знал, что он понимает, как можно привязаться к собаке. Его любимцем был большой, толстый лягавый пес, ехавший на Гималаи для поправления здоровья, и, хотя стоял еще только апрель, пузатое, коричневое животное пыхтело и отдувалось на клубной веранде: казалось, оно вот-вот лопнет. — Диву даешься, — сказал офицер, — каких только предлогов не выдумывают мои инвалиды, чтобы вернуться в казармы! Один солдат из моей роты только что попросил у меня разрешения отлучиться в военный поселок, чтобы уплатить долг, о котором он чуть было не позабыл. Я был так поражен, что отпустил его, и он вскочил на якку [1], сияя от радости. Тащиться десять миль, чтобы уплатить долг! Интересно знать, зачем он уехал?

— Если вы отвезете меня домой, я об'ясню вам это, — сказал я.

Офицер со своим легавым и я поехали ко мне, и по дороге я рассказал приятелю историю Гарма.

— А я спрашивал себя, куда девалось это животное. Это был лучший пес во всем полку,— сказал мой приятель.— Месяц назад я давал за него двадцать рупий [2] его хозяину. Но, как вы сказали, он залог хорошего поведения Стенли. Стенли — один из лучших солдат моей команды, когда он сам этого хочет.

---

[1] Извозчичий экипаж.

[2] Рупия — индийская серебряная монета. Двадцать пять лет назад стоила примерно 64 копейки золотом.

— В том-то и дело, — сказал я. — Плохой человек не принял бы всего этого так близко к сердцу.

Мы бесшумно под'ехали к дальнему концу сада и тихонько обошли вокруг дома. У самой стены был уголок, поросший тамарисковыми деревьями, и здесь, как мне было известно, Гарм хранил кости, которые ему давали. Даже Виксен не разрешалось сидеть тут поблизости. При ярком лунном свете я увидел человека в белом кителе, склонившегося над собакой.

— Прощай, старик, — мы узнали голос Стенли. — Ради всего святого, не допусти, чтобы какая-нибудь паршивая собака укусила тебя и заразила бешенством. Но ты умеешь сам о себе заботиться, старик. Ты не напиваешься и не колотишь своих приятелей. Ты берешь кости и ешь сухари, которые тебе дают, и убиваешь своего врага, как джентльмен. Я ухожу — не вой, — я ухожу в Касаули и уже не увижу тебя.

Я увидел, как он схватил Гарма за морду, когда тот поднял ее к звездам.

— Ты останешься здесь и будешь примерно вести себя, а... а я уйду и также постараюсь примерно вести себя. Я не знаю, как мне расстаться с тобой. Я не знаю!

— Мне кажется, что все это чертовски глупо, — сказал офицер, поглаживая своего тупого толстого лягавого. Он окликнул рядового; тот вскочил на ноги, выступил вперед и отдал честь.

— Вы здесь? — сказал офицер, отворачиваясь.

— Да, сэр, но я как раз собираюсь уходить.

— Я уеду отсюда в одиннадцать, на своем экипаже. Вы поедете со мной. Явитесь сюда в одиннадцать.

Направляясь к дому, мы молчали, но офицер бормотал что-то себе под нос, теребя лягавого за уши.

Это был противный, непомерно упитанный домашний пес, и когда он заковылял на кухню, где его должны были покормить, мне пришла в голову блестящая мысль.

Когда пробило одиннадцать часов, офицерского пса нигде не могли отыскать, и надо было видеть, какой скандал поднял его хозяин. Он звал, кричал, сердился и полчаса рыскал по моему саду.

Тогда я сказал:

— К утру он обязательно вернется. Пришлите за ним солдата по железной дороге; я отыщу это животное и верну его.

— Животное? — сказал офицер. — Я ценю этого пса больше чем любого из моих знакомых. Легко вам говорить — ваша собака здесь на месте!

Так оно и было: она лежала у моих ног, и, пропади она, я перестал бы кормить своих домашних вплоть до ее возвращения. Но некоторые люди привязываются к собакам, которым грош цена. В конце концов моему приятелю пришлось уехать, и Стенли уехал с ним на заднем сиденьи экипажа; тогда мальчик, ходивший за собаками, сказал мне:

— Ну и собака у Баллена-сахиба[1]. Посмотрите-ка на нее.

Я пошел в хижину слуги и увидел толстого старого грешника: он лежал на коврике, предусмотрительно посаженный на цепь. Наверное он слышал, как хозяин звал его целых двадцать минут, но даже не сделал попытки откликнуться.

— У него нет своего лица, — с упреком сказал мальчик, — это панья-кутта (болонка). Когда хозяин звал его, он даже не пытался освободиться от тряпки, которой ему заткнули глотку. Виксен выскочила бы в окошко, а большой пес задушил бы меня, даже будь он в наморднике. Поистине собаки бывают разные!

На следующий вечер к нам явился не кто иной, как Стенли. Его послал офицер, и он ехал четырнадцать миль по железной дороге с запиской, в которой приятель просил меня вернуть лягавого, если я нашел его. Последний поезд уходил в половине одиннадцатого, и Стенли разговаривал с Гармом до десяти. Я убеждал его, умолял и даже грозил застрелить бультерьера, но маленький человек был тверд, как скала, хотя я угостил его хорошим обедом и говорил с ним очень сурово. Гарм не хуже меня понимал, что он в последний раз видится с хозяином, и ходил за Стенли, как тень. Лягавый молчал; но после обеда облизал губы и заковылял прочь, не сказав даже «спасибо» возмущенному слуге.

Итак, последнее свиданье кончилось, и мне было так же скверно, как Гарму, который всю ночь стонал во сне. Когда мы приехали в контору, он нашел себе местечко под столом, рядом с Виксен, и лежал пластом, пока не пришла пора возвращаться домой. Теперь он уже не выбегал на веранду, не удирал на тайные беседы со Стен-

[1] «Сахиб» на языке хиндустани—господин. Ставится после имени.

ли. Когда наступила жара, я запретил собакам бежать за экипажем, и они сидели рядом со мной: Виксен совала голову мне под левый локоть, а Гарм жался к поручням.

Виксен всегда была в отличном расположении духа: она интересовалась всем уличным движением, как например повозками, запряженными волами, когда они загораживали путь, верблюдами и верховыми пони, и принимала достойный вид, проезжая мимо своих бродячих приятелей, бежавших в пыли. Она никогда не тявкала по-пустому, но весь бульвар знал ее пронзительный, высокий лай, и другие терьеры лаяли ей в ответ, а погонщики волов оглядывались назад и с усмешкой давали нам дорогу.

Но Гарм ни на что не обращал внимания. Большие глаза его были устремлены вдаль, а страшная пасть закрыта. В конторе бывал другой пес, принадлежавший моему начальнику. Мы прозвали его «Книжник-Боб», потому что ему вечно чудилось, что за книжными полками гнездятся крысы, и, охотясь за ними, он обычно вытаскивал оттуда половину старых газетных комплектов. Боб был глупцом с благими намерениями, и Гарм не поощрял его. Боб высовывал голову из-за двери и, задыхаясь, звал: «Крысы! Пойдем, Гарм!», но Гарм перекладывал одну переднюю лапу на другую, свертывался клубочком и совершенно равнодушно предоставлял Бобу визжать за его спиной. В те дни в конторе было почти так же весело, как в могиле.

Раз, только раз я заметил, что Гарм доволен. Рано утром, в воскресенье, он без разрешения ушел с Виксен на прогулку, и один очень юный и глупый солдат-артиллерист (батарею его незадолго перед тем перевели в наши места) попытался украсть обеих собак. Виксен, конечно, знала, что есть пищу из рук чужих солдат нельзя, кроме того она только что позавтракала. Поэтому она прибежала домой, держа в зубах большой кусок баранины, которой кормят наши войска, положила его на веранду и подняла на меня глаза, чтобы узнать, какого я мнения на этот счет. Я спросил ее, где Гарм, и она побежала впереди моего коня, указывая мне путь.

Проехав по дороге около мили, мы увидели нашего артиллериста сидящим в очень напряженной позе на краю дренажной трубы, с засаленным носовым платком на коленях. Гарм стоял против него с довольным видом. Когда человек шевелил ногой или рукой, Гарм молча скалил зубы.

Оборванная веревка висела на его ошейнике, артиллерист держал другую половину веревки в своей недвижной руке. Прямо глядя перед собой, он об'яснил мне, что встретил этого пса (тут он ругательски выругал Гарма), бродившего в одиночестве, и хотел было отвести его в крепость, чтобы убить, как бесхозяйную, бродячую собаку.

Я сказал, что, по-моему, Гарм не похож на бродячую собаку, но если артиллерист иного мнения, пусть он отведет ее в крепость.

Артиллерист сказал, что не желает этого делать. Я посоветовал ему одному пойти в крепость. Он ответил, что в данную минуту не хочет уходить, но последует моему совету, как только я отзову собаку. Я приказал Гарму отвести артиллериста в крепость, и Гарм торжественно провожал его целых полторы мили под жгучим солнцем. Я заявил караульному о том, что произошло, а юный артиллерист разозлился пуще прежнего, когда солдаты подняли его насмех. Ему сообщили, что несколько полков в свое время безуспешно пыталось украсть Гарма.

В тот месяц жара установилась всерьез, и собаки спали в ванной комнате, на прохладных, сырых кирпичах около ванны. Каждое утро, не успеет слуга, бывало, наполнить для меня ванну, как собаки уже прыгают в нее, и каждое утро слуга наполнял ванну во второй раз.

Я сказал ему, что ему следовало бы наливать воды в маленькую круглую ванну, специально для собак.

— Нет, — ответил он с улыбкой, — они к ней не привыкли. Они не поймут. Кроме того в большой ванне им просторней.

Панкха-кули[1], день и ночь приводившие в движение панкху, близко познакомились с Гармом. Он заметил, что всякий раз, как большой, качающийся веер останавливался, я окликал кули и просил его дергать сильнее. Если человек спал, я будил его. Кроме того Гарм узнал, как приятно лежать на ветру под панкхой. Быть может, Стенли научил его этому в казарме. Во всяком случае, когда панкха останавливалась, Гарм рычал, косясь на веревку, и, если человек

[1] Панкха-кули — слуга, приводящий в движение панкху — четырехугольную деревянную раму, обтянутую тканью и подвешенную к потолку.

от этого не просыпался — а он почти всегда просыпался, — Гарм на цыпочках подходил к спящему и шептал ему что-то на ухо. Виксен была умная собачка, но она не понимала связи между движением панкхи и кули; таким образом, благодаря Гарму я спал в прохладе. Но он был очень несчастлив, горевал, как человек, и в своем горе так цеплялся за меня, что люди замечали это и завидовали мне. Если я переходил из одной комнаты в другую, Гарм следовал за мной по пятам; если перо мое переставало скрипеть, Гарм клал мне голову на руки; если я, просыпаясь, повертывался на подушке, Гарм уже был тут как тут, у меня под боком, ибо он понимал, что один я связывал его с его хозяином. И день и ночь глаза его были обращены ко мне, с одним и тем же вопросом: «Когда же это, наконец, кончится?»

Изо дня в день живя рядом с Гармом, я не замечал, что жара очень плохо влияет на него, пока, наконец, один мой знакомый не сказал мне в клубе:

— Этот ваш пес издохнет через неделю или две. Он стал, как тень.

Тогда я начал пичкать Гарма железом и хинином, которых он терпеть не мог, и очень беспокоился. Гарм потерял апетит и позволял Виксен с'едать его обед у него на глазах. Даже это зрелище не могло побудить его проглотить кусок, и я созвал на консультацию лучшего доктора в городе, помощника генерального инспектора всей ветеринарной службы в Индии, и женщину-врача, лечившую больных жен туземных князей. Они высказали свое мнение о симптомах его заболевания, а я рассказал им его историю: сам Гарм лежал в это время на диване и лизал мою руку.

— Он умирает с горя, — внезапно проговорила женщина-врач.

— Честное слово! — произнес помощник генерального инспектора. — Мне кажется, что миссис Маркрей права... как всегда.

Лучший доктор в городе написал рецепт, а ветеринар, помощник генерального инспектора, просмотрел его, чтобы убедиться, что все составные части лекарства прописаны в подходящих для собаки пропорциях; первый раз в жизни наш доктор позволил другому лицу отредактировать его рецепт. Это было сильно действующее укрепляющее лекарство, оно поставило на ноги Гарма и поддерживало его недели две, а потом он опять похудел. Я попросил одного знакомого увезти с собой Гарма в Гималаи, и он приехал к нам с багажом, увязанным на крыше кареты. Гарм с одного взгляда понял все. Волосы дыбом встали у него на спине; он сел против меня и разразился самым ужасным рычаньем, которое я когда-либо слышал из собачьей пасти. Я крикнул приятелю, чтобы он тотчас же уезжал, и, как только карета выехала из сада, Гарм положил голову мне на колено и завыл. Я понял его ответ и постарался узнать гималайский адрес Стенли.

Моя очередь отправиться в прохладные места пришла в конце августа. Нам давали месяц отпуска в году, если никто из служащих не был болен, и мы брали его, когда без нас можно было обойтись. Мой начальник с Книжником-Бобом уезжали в отпуск первыми, и когда они уехали, я, по своему обыкновению, сделал себе календарь и повесил его в головах своей койки; каждый день я отрывал от него по листку, пока начальник с Бобом не вернулись. Виксен уже пять раз уезжала со мной в Гималаи и не меньше меня любила тамошнюю прохладу, свежесть и яркое пламя горящих дров.

— Гарм, — сказал я, — мы уезжаем к Стенли в Касаули. Касаули — Стенли, Стенли — Касаули. — И я повторил это раз двадцать. На самом деле мы ехали не в Касаули. Но я помнил то, что говорил Стенли у меня в саду в тот последний вечер, и не решился сказать другое название. Тогда Гарм начал дрожать; потом он залаял, потом бросился на меня, извиваясь и размахивая хвостом.

— Не теперь, — произнес я, подняв руку. — Когда я скажу «едем», мы поедем, Гарм.

Я вынул теплую попонку и усаженный гвоздями ошейник, которые Виксен всегда носила на Гималаях, чтобы уберечься от внезапно наступающего холода и вороватых леопардов, и позволил обеим собакам понюхать вещи и поговорить о них. Я, конечно, не знаю, о чем они говорили, но Гарм словно переродился: глаза его блестели, и он радостно лаял, когда я разговаривал с ним. В течение следующих трех недель он ел пищу и ловил крыс, а если начинал скучать, мне стоило только сказать: «Стенли — Касаули, Касаули — Стенли» — и он оживлялся. Я жалел, что не придумал этого раньше.

Мой начальник вернулся, весь коричневый от пребывания на открытом воздухе, и очень рассердился, узнав, что на равнинах так жарко. В тот же день, после обе-

Он сидел на скале, закрыв лицо руками.

да, мы трое и Кадир-Бахш начали укладываться, готовясь к месячному отпуску, причем Виксен по двадцати раз в минуту вскакивала в чемодан и выскакивала из него, а Гарм скалил зубы и стучал хвостом по полу: Виксен так же хорошо была знакома со всеми мелочами походного быта, как с моей работой в конторе. Она ехала на вокзал, напевая, на переднем сиденьи экипажа, а Гарм сидел рядом со мной. Она вбежала в вагон, посмотрела, как Кадир-Бахш раскладывает мне постель на ночь, выпила воды и свернулась клубочком, не отрывая черных глаз от сутолоки на платформе. Гарм побежал за ней (толпа, расступившись, оставила ему свободный проход шириной с улицу) и уселся на подушках; глаза его горели, а хвост вертелся сзади него с головокружительной быстротой.

Наша компания — четыре или пять человек, занятых трудной работой одиннадцать месяцев в году, — приехала в Амбалу на жаркой туманной заре и стала громко вызывать «даки» — дорожные экипажи, запряженные парой лошадей, которые должны были отвезти нас к Калку, у подножья Гималаев. Все это было ново для Гарма. Он впервые видел экипажи, в которых лежишь, вытянувшись во всю длину, как на своей постели, но Виксен была знакома с ними и тотчас же вскочила на свое место; Гарм последовал за ней. До постройки железной дороги ехать приходилось около сорока семи миль, и через каждые восемь миль меняли лошадей. Почти все они пятились назад, брыкались, спотыкались, но все-таки шли и пожалуй быстрее обыкновенного, потому что Гарм лаял густым басом у них за спиной.

Одну реку надо было переезжать в брод; четыре вола тянули экипаж, и Виксен, давая им указания, высунула голову за дверцу и чуть не упала в воду. Гарм безмолствовал, и его надо было ободрять напоминаниями о Стенли и Касаули. Так мы с лаем и тявканьем прикатили в Калку к завтраку, и Гарм поел за двоих.

После Калки дорога пошла по горам, и мы пересели в легкую двуколку, запряженную полукалеками-пони, которых меняли каждые шесть миль. В те годы никто и не мечтал о железной дороге в Симлу, потому что местность тут возвышается на семь тысяч футов над уровнем моря. Дорога тянется на пятьдесят миль с лишком, и мы ехали так быстро, как только могли бежать пони. Тут Виксен снова повела Гарма к другому экипажу, вскочила на заднее сиденье и залаяла. Холодное дыханье снегов повеяло на нас через пять миль после Калки, и Виксен взвизгнула, прося, чтобы на нее надели попонку: благоразумная, она боялась простудить себе печень. У меня была заготовлена попонка и для Гарма; когда мы поднялись наверх и подули свежие ветры, я надел на него попонку, и Гарм в недоумении принялся жевать ее; но, кажется, он был мне благодарен.

— Хай-яй-яй-яй! — заливалась Виксен, когда мы об'езжали крутые повороты. «Тут-тут-тут!» — трубил в трубу кучер на опасных местах; Яу! Яу! Яу! — лаял Гарм. Кадир-Бахш сидел на переднем месте и улыбался. Даже он был рад спастись от зноя равнин, парившихся в тумане позади нас. Иногда мы встречали знакомого, спускавшегося с гор, чтобы вернуться на работу, и он спрашивал: «Ну, как там внизу?» — и я кричал ему: «Жарче чем в печке!» «А как там, наверху?», а он кричал в ответ: «Замечательно!» — и мы раз'езжались в разные стороны.

Вдруг Кадир-Бахш оглянулся назад со словами: «А вот и Солон!», — и Гарм фыркнул, положив мне голову на колено. Солон — неприглядный маленький военный поселок, но зато в нем прохладно и климат здоровый. Местность тут голая, ветры дуют постоянно; проезжие обычно останавливаются на ближнем постоялом дворе, чтобы закусить. Я вышел из экипажа, взяв с собой обеих собак, а Кадир-Бахш начал готовить чай. Какой-то солдат сказал нам, что Стенли мы найдем вон там, и кивнул головой на голый мрачный холм.

Забравшись на его вершину, мы увидели того самого Стенли, который доставил мне столько хлопот. Он сидел на скале, закрыв лицо руками, в шинели, висящей на нем, как на вешалке. В жизни я не видывал такого одинокого и унылого существа, как этот маленький человек, сгорбленный и глубоко задумавшийся на огромном сером горном склоне.

Тут Гарм покинул меня.

Он помчался, не издав ни единого звука, и, насколько я заметил, не двигал ногами. Он летел по воздуху, и я услышал шум, как от удара, когда он налетел на Стенли и опрокинул маленького человека. Они вместе покатились по земле, крича, лая и сжимая друг друга в об'ятиях. Я не мог понять, где собака и где человек, пока Стенли не поднялся на ноги, всхлипывая.

Он рассказал мне, что был болен перемежающейся лихорадкой и чувствует себя очень слабым. Таким он и был на вид, но тут и человек и собака положительно стали толстеть у меня на глазах, пока не достигли нормальной для них полноты, подобно тому, как сушеные яблоки распухают в воде. Гарм прыгал хозяину на плечи, на грудь, на ноги одновременно, так что Стенли говорил как бы из-за облака, закрытый Гармом, задыхающимся, всхлипывающим, пускающим слюну Гармом. Приятель говорил нечто совершенно для меня непонятное. Он говорил, что он думал все это время, что умрет, но теперь совсем здоров и уже никогда никому не отдаст Гарма, разве только самому дьяволу.

Потом он заявил, что ему хочется есть и хочется пить и что он счастлив.

Мы пошли пить чай на постоялый двор, и там Стенли поглощал сардинки, малиновое варенье, пиво, холодную баранину и пикули, если только Гарм не лез на него; потом мы с Виксен ушли.

Гарм сейчас же все понял. Он три раза попрощался со мной, подавая мне обе лапы.

□□□

ЛЖИВЫЙ ОХОТНИК

Армянская сказка

Перевод Хачатурьяна

В этот день отца моего крестили, как раз и мать моя родилась. Забрав ружья и сабли, пошли мы на охоту... Гади, Гюди, Чати, Мати, отец и я. По горам и долам шли мы напрямик, где водилась дичь,— шли молча, где грозила беда,—шли с опаской.

Шли, шли, набрели на три озера: два озера сухие, в третьем — воды ни капли. И что ж мы видим: в безводном озере плавают три жирные утки: две дохлые, одна мертвая.

— Гади, пали!

— Нет у меня ружья.

— Гюди, пали!

— Нет у меня ружья.

— Чати!.. Мати!..

— Нет и у нас.

— Как же нам быть?

А у отца была палка: и длинна она была, и коротка, и толста, и тонка. Прицелился он и пальнул, а как он пальнул — я бабахнул, как я бабахнул — утка мертвой упала. Ну и утка! Каждое крыло — пять аршин в длину.

— Гади, давай нож!..

— Нет у меня ножа.

— Гюди, давай ты!

— Нет и у меня.

— Чати!.. Мати!..

— Нет и у нас.

— Как же нам быть?

А у отца нож, да без клинка.

Стали орудовать мы этим ножом без клинка. Гади прилег — ничего не вышло, Гюди прилег — ничего не вышло. Потрудились зря Чати, Мати и отец. А я зарезал одним махом.

Ну птица же была! Не утка, а целая корова! Гади хотел поднять ее — не смог, Гюди — не смог, Чати — не смог, Мати — не смог, отец — не смог. А я сразу поднял, взвалил на плечи, и тронулись мы в путь.

Долго шли мы и дошли до места, где стояли три села: двух не видно, в третьем — ни одного дома. Побродили мы по этому пустому селу и наткнулись на избушку, а в избушке были три старухи: две мертвые, одна не дышит.

— Ребята, — сказали мы, — давайте закатим пилав с уткой!

Старуха, что не дышала, встала, порыскала-порыскала и нашла полрисинки и три котла: два дырявых, один без донышка.

Налили мы воды в котел без донышка, положили в него утку и рис, сварили без огня: мясо и рис выкипели, осталась одна вода.

Мы-то после охоты голодные пришли, как накинулись на этот пилав! Ели мы его ели, — только что глазами его не видели, да и в рот ничего не попало!

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «КОМПАС»

Известия Географического общества № 3

Выбираем совет Географического общества

Выходит уже третий номер „Известий“ Географического общества. Ребята из разных уголков страны шлют нам письма. Они пишут о знакомых им местах, обычаях, сделанных ими экскурсиях, рассказывают о плане своих географических наблюдений. Боря Поздняков, который живет в Казахстане, на Карсакпайском медном заводе, даже собрал и прислал нам коллекцию руд.

Географическое общество начинает жить полной жизнью.

Изучайте, ребята, те уголки нашей родины, в которых вы живете, их природу, растительный и животный мир, климат, обычаи населения, промышленность. Посылайте свои корреспонденции в журнал. По возможности иллюстрируйте их фотографиями или делайте зарисовки.

Сейчас нам с вами надо разрешить серьезную задачу — выбрать совет Географического общества. Мы, редакция „Пионера“, думаем, что в совете должно быть 15 человек и что туда должны войти и взрослые ученые и ребята,

Мы предлагаем вам своих кандидатов.

Пишите, кого из них вы считаете нужным ввести в совет. Конечно, вы можете предлагать и новых членов, только пишите тогда, почему именно вы их выдвигаете.

Совет общества будет избран большинством голосов читателей.

ВОТ НАШИ КАНДИДАТЫ:

1. **Баранский Н. Н.** — профессор, экономгеограф.
2. **Борзов А. А.** — профессор, геоморфолог.
3. **Вавилов Н. И.** — агроном-ботаник, академик. Работает по изучению и улучшению сортов полезных растений, главным образом хлебных злаков. Провел ряд экспедиций в центры происхождения культурных растений: Палестину, Абиссинию, Афганистан.
4. **Горбунов Н. П.** — непременный секретарь Академии наук. Возглавлял советско-германскую научную экспедицию на Памир (в 1928 году).
5. **Губкин И. М.** — геолог, академик, крупнейший знаток нефтяного дела.
6. **Житков Б. С.** — писатель. Много путешествовал. Написал книги: «Морские истории», «Про животных», «Паровозы» и др.
7. **Михайлов Н. Н.** — экономгеограф, ученый и журналист.
8. **Обручев В. А.** — геолог, академик, исследователь Центральной Азии и Восточной Сибири. Совершил много длительных путешествий, автор многочисленных научных работ, автор романа «Земля Санникова» и др.
9. **Паустовский К. Г.** — писатель, автор книг «Кара-Бугаз», «Колхида» и др.
10. **Ушаков Г. А.** — заместитель начальника Главного управления Северного морского пути. Три года был начальником острова Врангеля. Два года зимовал на Северной земле. Впервые нанес на карту очертания этой земли. Уполномоченный правительственной комиссии по спасению челюскинцев.

11. **Ферсман А. Е.** — минеролог, академик. Работает главным образом по общим вопросам геохимии, по изучению драгоценных камней. Провел ряд экспедиций, в частности по исследованию месторождения радия.

12. **Шмидт О. Ю.** — академик. Профессор математики, начальник Главного управления Северного морского пути. Возглавлял экспедиции на Землю Франца-Иосифа (в 1929 году) и Северную землю (в 1930 году). Под его руководством «Сибиряков» в 1932 году впервые в истории прошел Северный морской путь в одну навигацию. Начальник экспедиции на «Челюскине».

Это наши взрослые кандидаты. Затем мы предлагаем ряд ребят. Все они—корреспонденты журнала «Пионер», интересуются и занимаются географией. Большинство из вас читало их письма в журнале.

1. **Игорь Березин.** Из Калининской области. Отличник. Описал битву монахов с татарами в Красном холме. Его письмо вы можете прочесть в № 14 «Пионера» за 1935 год.

2. **Боря Воробьев.** Москва. В прошлом году жил в Сочи и вместе со своим товарищем Борей Милюковым построил парусную лодку. Пешком и на лодке ребята сделали ряд интересных экскурсий. О них Боря Воробьев написал в № 21 за 1935 и в № 6 за этот год.

3. **Олег Дубинин.** Горьковский край. Встретил лосей на свободе и описал их в № 19 за 1935 г.

4. **Володя Едовин.** Северный край. Записал северную легенду о сокровищах, брошенных в озеро. «Пионер» № 21.

5. **Лева Зусман.** Гор. Горький. Отличник. Ходил в пещеру, где когда-то жил разбойник Сокол. Историю Сокола и свой поход в пещеру Лева описал в № 1 нашего журнала за этот год.

6. **Павел Клепиков.** Челябинская область. Спускался в таинственную пещеру, рассказ Павла об этой пещере был напечатан в прошлом номере.

7. **Женя Лютиков.** Москва. Отличник. Участвовал в экскурсии по горному хребту — Заилийскому Ала-Тау. Женин рассказ вы прочтете в этом номере.

8. **Боря Поздняков.** Казахстан. Отличник. Занимается геологией. Прислал нам интересную коллекцию руд.

9. **Женя Разиков.** Москва. Отличник. Секретарь школьного географического кружка. Написал о происхождении нуля и о водолазах в № 1 и № 3 за этот год.

10. **Боря Рябикин.** Москва. Отличник. Прислал 2 письма о Средней Азии. Читайте его предложения по уставу общества в этом номере.

11. **Артур Рудзит.** Пятигорск. Записал легенду о горе Бештау. Напечатана в № 19 за 1935 год.

12. **Миша Сальников.** Гор. Куйбышев. Вместе с товарищами сделал так называемую «Жигулевскую кругосветку», обогнул Жигулевские горы по рекам Волге и Усе. Письмо Миши помещено в № 15 за 1935 год.

13. **Фридрих Цунин.** Курская область. Собирает рассказы стариков о прошлом своего села. Один из таких рассказов — о змеях-гигантах — можно прочесть в № 17 «Пионера» за прошлый год.

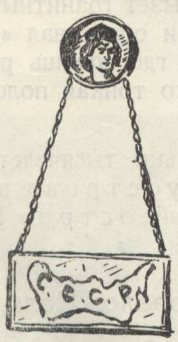
Кроме того мы предлагаем клубу юных исследователей Арктики при харьковском Доме пионеров выделить от себя представителей в совет.

Выборы начинаются. Ждем ваших голосов, товарищи!

А меня почему нет?

КАК НАЗВАТЬ ОБЩЕСТВО

КОЛУМБ

Географическое общество при журнале «Пионер» меня очень заинтересовало. Я хочу в нем работать.

Но как назвать общество? Я думал над этим вопросом, советовался с товарищами и с братишкой. По-моему, лучше всего назвать «Колумб».

Думал я и над значком. Посылаю свой проект. Для членов-корреспондентов и для действительных членов должны быть разные значки. Для действительных членов я предлагаю в кружке барельеф Колумба, а для корреспондентов — букву «К». Внизу, на дощечке должна быть крохотная схематическая карта Советского союза. Если же общество будет называться «Компас», то вместо головы Колумба надо сделать изображение компаса.

Мне кажется, что условия для вступления в общество уж очень трудные. Ведь в журнале может быть напечатано немного корреспонденций, только самые интересные, а работать в этом обществе захотят очень многие ребята по всей стране. Я предлагаю принимать в члены-корреспонденты всех, кто работает по географии и пишет в журнал, а тех, у кого будут особенно интересные корреспонденции, принимать в действительные члены.

Интересно помещать в «Известиях» общества географические игры, загадки, ребусы.

В № 5 журнала «Пионер» к каждому письму дан портрет автора. Это скучно. Лучше вместо портретов давать побольше фотографий, снимков тех мест, о которых идет речь.

Боря Рябикин
Москва

Значок-компас

Боря Рябикин предлагает значок с изображением компаса. А я думаю, что лучше всего сделать значком настоящий компас, только очень маленький. Его надо сделать на цепочке так, чтобы носить на груди как обыкновенный значок.

Писатель А. Некрасов
Москва

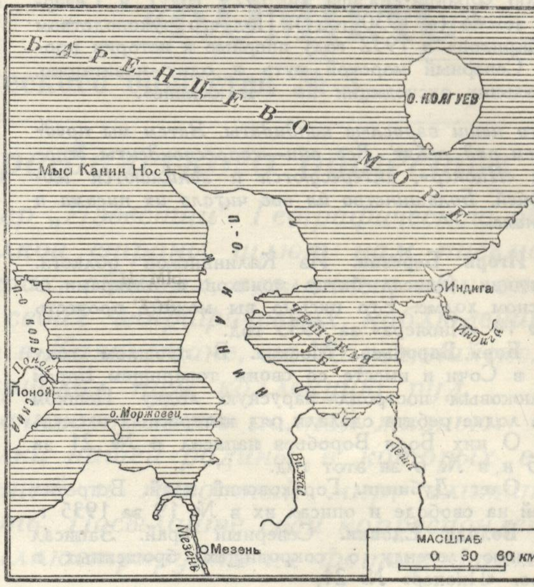
Исчезающий остров

Сапоги, блины, птичьи головы

Я занимаюсь изучением морских берегов. Это очень интересная наука. Посмотрите на карту Европы: одни участки берега сильно изрезаны, с множеством заливов и бухт, а другие такие ровные и гладкие, что не найдешь в них ни одной хорошей якорной стоянки.

Или вот, например, Канин полуостров. Он похож на голову птицы, немного закинутую назад с длинной изогнутой шеей и тонким клювом. Кажется, что птица приняла угрожающую позу и хочет кого-то клюнуть. Полуостров, на котором расположена Италия, похож на сапог. Почему это? Почему так разнообразны очертания берегов?

На этот вопрос отвечает геоморфология. Это наука, которая занимается изучением форм земной поверхности. Она составляет часть физической географии.

Канин нос и остров Колгуев

Какие загадки решает геоморфология?

Как же геоморфология расшифровывает загадки природы?

Чтобы об'яснить происхождение формы любого берега, надо прежде всего знать его геологическое строение и историю.

Канин полуостров построен так: южная его часть сложена из рыхлых пород: глин и песка; северная, наоборот, — из очень крепких, твердых гранитов, кристаллических сланцев и т. д.; здесь — от «клюва» до «затылка» птичьей головы — проходит невысокий и очень древний хребет Паё.

Главная сила, которая теперь формирует берег, — море. Море изо дня в день, из года в год подмывает берега и постепенно как бы с'едает их. Конечно, гораздо быстрее разрушаются глинистые и песчаные участки берега чем каменистые. Вот море и с'едает Канин полуостров неровно: быстрее в его южной части и медленнее — в северной. С севера море обглодало все рыхлые породы и теперь грызет гранитный хребет Паё. Этот хребет и образовал «клюв» и «голову». А на юге, где сплошь рыхлые породы, осталась только тонкая полоска — «шея».

Пройдет еще несколько тысячелетий — и вместо Канина п о л у о с т р о в а в море будет торчать гранитный о с т р о в Канин.

Почему я заинтересовался Колгуевым

Рассматривая карту побережий Баренцева моря, я увидел, что в нем остались только твердые скелеты прежних земель. Шпицберген, Земля Франца-Иосифа, Новая земля, Вайгач, Канин, Кольский и Скандинавский полуострова — все это каменные скелеты, которые медленно поддаются действию моря. Есть указания на то, что в Баренцевом море еще 400—500 лет назад были два острова, которые теперь бес-

следно исчезли. Это остров Витсена, описанный одним голландским мореплавателем, и остров Скобка, на котором отдыхали поморы по дороге в торговый город Мангазею, в устье реки Оби. Оба острова, повидимому, были сложены из рыхлых пород, и море уничтожило их начисто. А вот остров Колгуев, что лежит в море к северовостоку от Канина, тоже сложен из рыхлых пород, но он существует до сих пор. Почему? — Вот вопрос, который меня заинтересовал.

Я еду на Колгуев выяснять загадку

Случилось так, что Колгуев, хоть он и находится недалеко от берега, до сих пор оставался очень плохо изученным и исследованным. Дело в том, что попасть на него трудно и ученые редко сюда высаживались. Капитаны и теперь избегают подходить к его берегам, окруженным опасными мелями, песчаными «кошками» и частыми туманами. Между тем на Колгуеве начинают все шире использоваться его природные богатства. Тут по обширным тундрам, площадью около трех с половиной тысяч квадратных километров, бродят тысячные стада оленей. На побережье летом ловят рыбу — навагу и камбалу; зимой ненцы бьют морского зверя — тюленя, нерпу, морского зайца, добывают песцов и лисиц. Советское правительство построило здесь радиостанцию, два метеорологических пункта, туземную среднюю школу, больницу и факторию. Но как же использовать богатства острова, не зная как следует, что он из себя представляет, не имея даже сносной его карты?

На Колгуев нужно было послать специальную экспедицию. В 1934 году такая экспедиция была организована и меня назначили ее начальником. Теперь я мог разрешить, наконец, интересующий меня вопрос, тем более что в задачу экспедиции входило тщательное обследование побережья, чтобы отыскать удобные места для захода судов. До сих пор сюда заходил пароход только два раза в год, да и то ему приходилось останавливаться в море за 6—7 километров от берега.

Стан экспедиции на реке Кривой. Наша п: латка. Сзади олени прячут в нее голову, стараясь избавиться от оводов. Справа видны г, узовые нарты — «дту».

Как мы жили и работали на острове

На оленях две партии экспедиции переехали остров в нескольких направлениях. Мы изучали растительность тундры и ее животный мир, наносили на карту неизвестные речки, озера, сопки и «закрывали» те, которые были на нашей плохонькой карте, но не существовали в природе.

Хороша дикая жизнь в привольной тундре! Целые дни едешь на оленях по бесконечным мхам и болотам, собираешь вкусную полярную ягоду — морошку, пьешь воду из прозрачных ручьев, ночуешь в своей палатке или дымном чуме ненца. Во время работы не знаешь, когда кончается день и начинается ночь: солнце круглые сутки движется по небу.

Почему Колгуев круглый как блин

Исследуя побережье острова, мне пришлось пешком обойти его чуть ли не весь кругом.

Сколько мы ни искали, — нигде, на всем побережье, не было ни одной, даже маленькой бухты и ни одного, хоть сколько-нибудь выступающего в море мыса! Постепенно я понял, почему их не было: весь остров целиком сложен из глин и песка, и если бы даже и образовался какой-нибудь мыс, то он не смог бы сохраниться, так как волны очень быстро срезали бы его вровень с остальным берегом. Таким образом мне стало ясно, почему остров Колгуев круглый как блин. При таком геологическом строении никаким другим он и не мог быть.

Что должно случиться в конце концов с Колгуевым?

Путешествие по берегу дало ответ и на другой вопрос: почему в море сохранился этот остров?

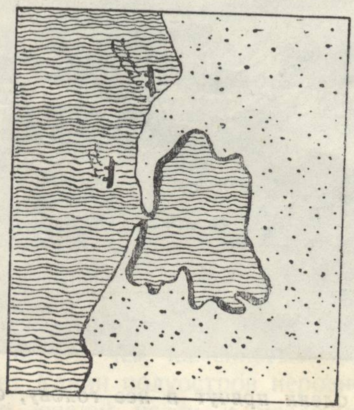
В старых книгах я нашел указание на то, что лет полтораста назад на берегу моря, около устья реки Кривой, было поставлено несколько больших деревянных крестов. Я тщательно обыскал все места около устья этой речки, но нигде и следа крестов не нашел. Так как в полярном климате в течение полутораста лет дерево не могло сгнить целиком, то, значит, море срезало часть берега от обрыва до крестов.

В 1826 году штурман Бережных описывал берега Колгуева. На северной его оконечности, в устье реки Гусиной, был определен астрономический пункт и поставлен обычный в таких случаях знак. Этого знака я тоже не нашел. Здесь тоже за сто лет берег сильно отошел назад.

Высчитав, на сколько метров в год отступают берега острова, я увидел, что даже всего несколько столетий назад он был гораздо больше. Значит, остров Колгуев сохранился только потому, что он был некогда очень велик. Но пройдет несколько тысяч лет — и от него не останется и следа, как от острова Витсена, острова Скобки и, может быть, от многих других.

Ник. Солнцев

Какой это залив?

Я хочу предложить читателям «Пионера» интересную географическую игру. Условия ее можно придумать самим. Можно назначить несколько серий вопросов, а тем, кто пришлет наибольшее число правильных ответов, дать какие-нибудь премии или дипломы.

Игра заключается в том, чтобы угадать, какие участки земной поверхности изображаются на маленьких схематических картах, помещенных в журнале. Тут могут быть реки, озера, моря, куски очертаний берегов, острова и т. д.

В каждом номере печатается одна серия, а в ней не меньше 10 карт.

Вот, например, кто знает, какой залив изображен на этой карте?

ТАНЯ БОГОМОЛОВА, Москва

В ГОРАХ ХЕВСУРЕТИИ

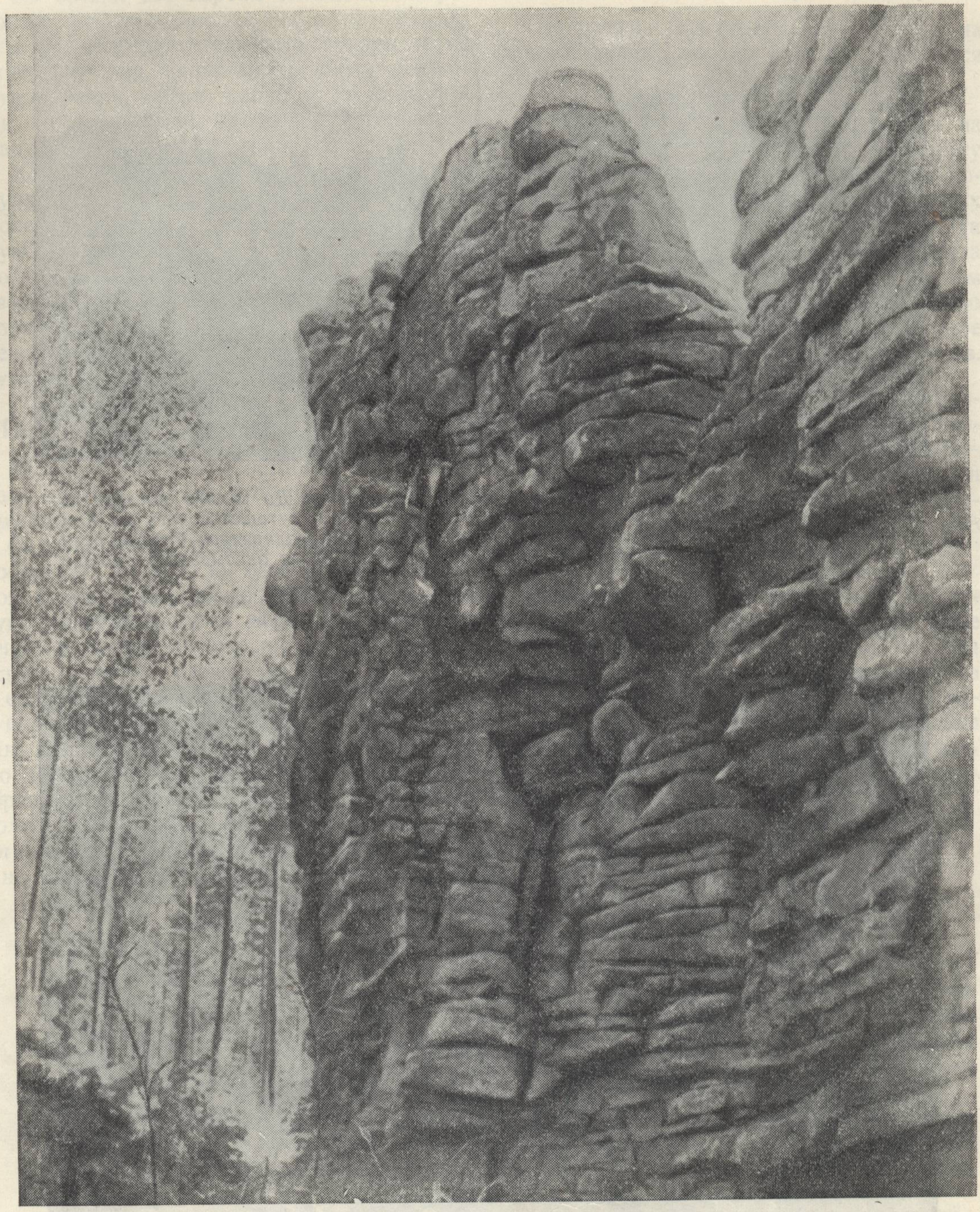
Высоко в горах Северной Грузии лежит Хевсуретия. До самого последнего времени в эту страну вели только узкие горные тропки, путешествовать по ним можно было верхом да пешком. А когда после дождей разливались бурные реки или с гор скатывались на дорогу лавины снега, Хевсуретия оказывалась вообще отрезанной от мира.

Сейчас в Хевсуретии проложены шоссейные дороги. Есть почта и телеграф. Во многих деревнях — радио. Этот снимок сделан как раз во время установки антенны на крыше хевсурского дома.

У многих хевсуров дома сохранились мечи, щиты, кольчуги и кинжалы, которыми дрались их деды.

На этом снимке — хевсуры, инсценирующие бой. Посмотрите — их вооружение нисколько не отличается от вооружения средневекового рыцаря.

Это—Чортово городище на Урале. Встарину городищами называли крепостные укрепления. И, в самом деле, эта каменная стена высотой с добрый десятиэтажный дом, похожа на развалины гигантской крепости. Но она создана не человеком, а природой.
Ледники, которые когда-то, миллионы лет назад, покрывали землю и медленно двигались с полюсов, нагромоздили друг на друга эти тысячепудовые каменные лепешки.

„СВЯЩЕННОЕ“ ДЕРЕВО

Летом в Тифлисе очень жарко, поэтому папа отвез бабушку, меня и сестренку в Коджоры — это в 20 километрах от Тифлиса.

Наши соседи живут в Коджорах уже давно, и от них я услышал о горе Удзо и о «священном» дереве, которое на ней растет. Мне очень захотелось посмотреть это дерево, и однажды мы туда отправились.

Мы поднимались на гору все время лесом и, наконец, вышли на ту поляну, где растет это замечательное дерево. Я сразу его узнал: дерево было все увешано разноцветными тряпочками: белыми, синими, красными. Многие из них совсем уже выцвели от дождя и солнца.

«Удзо» по-грузински значит «без сына». На эту гору приходили женщины из окрестных деревень молиться о том, чтобы у них родился сын. В знак своей просьбы каждая вешала на «священное» дерево цветную тряпочку.

На самой вершине горы стоит часовня. Мы поднялись и туда, но часовня была, к сожалению, заперта. Рядом с ней наполовину врытое в землю стояло какое-то сооружение, вроде склепа. Я вошел туда. Я надеялся там увидеть человеческий скелет, а там сидел какой-то мужчина и преспокойно ел арбуз.

Если пройти от часовни еще шагов двадцать — тридцать, то открывается чудесный вид. Впереди в долине лежит поселок с белыми домиками и тополями. Затем поля, шоссе. И совсем вдали, в тумане, Тифлис. Видно Куру, ипподром и часть города.

Гриша Фефер

Тифлис, ул. Клары Цеткин

В ГОРАХ АЛА-ТАУ

Это было в 1933 году. В самый разгар среднеазиатского лета, в конце июля, из города Алма-Ата, расположенного на высоте 900 метров над уровнем моря, выехала небольшая группа экскурсантов. Среди них были я и мой папа. Экскурсия эта направлялась к горному хребту — Заилийскому Ала-Тау. Руководил экскурсией Бергнер, научный работник и заядлый альпинист.

Пара лошадок бойко катила наш фургон мимо табачных плантаций, фруктовых садов, бахчей и огородов. Навстречу попадались лошади, запряженные в арбы, и маленькие ишаки с огромными вьюками на спине. Животных погоняли казахи в тяжелых, отороченных бараньим мехом шапках, в пестрых халатах на меху, на ногах у них были тонкие сапожки и азиатские, с длинными загнутыми носами, калоши.

Проселочная дорога, по которой мы ехали, все время заметно поднималась вверх. Вдали возвышались мрачные горы Заилийского Ала-Тау, изрезанные ущельями и покрытые хвойными лесами.

Переночевали мы на туристской базе в Проходном ущелье. Здесь нам пришлось покинуть наш фургон. Мы двинулись дальше пешком, а вещи навьючили на лошадей.

Мы шли ущельем по узкой тропе. Ущелье круто поднималось вверх. На дне его бурлила Малая Алма-Атинка, речка, берущая свое начало в ледниках Малого Алмаатинского пика. Было жарко. Нас томила жажда. А воды не было. Речка только дразнила нас, сверкая внизу. Добраться до нее по отвесному склону было невозможно.

Я очень устал, и меня как самого младшего члена экскурсии посадили на лошадь между двух мешков — с провизией и с теплой одеждой. От усталости я скоро сам повис, как мешок. Тут-то и случилось со мной небольшое происшествие.

Обрыв в этом месте стал более пологим. Наша тропинка разделилась на две, и одна из них спускалась вниз, к речке. Расстоя-

Это ущелье я видел во время поездки.

ние между тропками было метра 3 — 4. Мы ехали по верхней — шириной не больше 25 — 30 сантиметров. Моя усталая лошадь оступилась на этой узкой тропе и вместе со мной и с мешками полетела вниз, где грохотала в огромных камнях вода. Но, к счастью, я упал на пышные водоросли, покрывавшие речные камни. Очнувшись, я увидел себя уже лежащим на тропе. Голова у меня была обвязана мокрым полотенцем. Тут же стояла лошадь. Мы с ней отделались небольшими ушибами. Мешки были целы. Можно было продолжать путь.

Эту ночь мы провели в санатории «Теплые ключи». Санаторий стоит в долинке на высоте 2 тысяч метров над уровнем моря, около источника, богатого сероводородом. Собственно, тогда санатория еще не было, он строился, и нас поместили в брезентовой палатке. Ночи в горах бывают очень холодные. И мы долго не могли заснуть в своей палатке от холода, хотя и навалили на себя все одеяла и теплое платье, какое только у нас было.

Когда взошло солнце, сразу стало тепло, и мы двинулись вверх в самой легкой одежде. Тропа круто поднималась вверх, и часа через четыре после выхода из санатория мы растянулись длинной цепочкой метров на 100 — 150. Дышать было трудно: воздух был уже сильно разрежен.

И вдруг начался буран. Снег повалил крупными хлопьями. Они таяли на теле. Стало холодно, но лошади с теплой одеждой были наверху, впереди нас. Я карабкался на четвереньках, отдыхая после каждого движения. Из носу у меня пошла кровь. Ползти было скользко. Руки и ноги были в грязи от таявшего снега. Набравшись сил, я стал кричать, чтобы остановили лошадей и дали нам пальто, но меня не слышали. Папа был еще ниже меня, он замыкал группу.

Подул ветер. Снег пошел еще сильнее. Мы все ползли и ползли вверх. Справа было глубокое ущелье, слева, едва заметный за снежной завесой, поднимался Большой Алматинский пик. Изредка был слышен грохот: это падали в ущелье огромные камни, оторвавшиеся от пика. Один из них прокатился метрах в пяти от меня.

Наконец, после шести часов под'ема мы достигли высшей точки перевала. Здесь ждал нас Бергнер с лошадьми. Мы надели пальто и стали спускаться. Дышать было попрежнему трудно.

Буран прекратился так же неожиданно, как начался. Небо очистилось от туч, и перед нами открылась изумительная панорама гор, ярко освещенная солнцем. Почти на одной высоте с нами лежали огромные ледниковые и снеговые поля. Сверкая ледниками, поднимались отдельные вершины. За ущельем Иссык, на каменной глыбе, сидела небольшая птица. Бергнер сказал, что это каменная куропатка. Над всем этим каменно-ледяным пейзажем возвышался Малый Алматинский пик, высота его — около 4000 метров.

Очень интересно было смотреть на горную растительность. Ниже ледников шли каменные пустыни, затем кустарник, еще ниже спускались еловые леса. В долинах, защищенных горами, были прекрасные альпийские луга.

На один из таких лугов мы вскоре вышли. Лошади набросились на траву, а мы улеглись отдохнуть.

Спустившись еще ниже, мы увидели алматинское озеро. С трех сторон его огра-

ждали горы, покрытые лесом, выход был только на запад. Это озеро, тихое, словно застывшее, с недвижными отражениями гор, производило большое впечатление. На противоположном берегу мы увидели большой грот. Нам посчастливилось найти лодку. Оставив погонщика с лошадьми, мы перебрались на ту сторону и ночевали в гроте, наломав себе еловых веток для постелей. Очень интересным оказался выход из ложбины, где лежит озеро. Это проход между горами не больше 10 метров шириной. Он служит началом алмаатинского ущелья. Воды озера здесь со страшным шумом переваливаются через каменный порог и бурной рекой несутся вниз по ущелью. Река эта называется Большая Алма-Атинка.

Вскоре мы подошли к большому водопаду. На берегу белели палатки. Землемеры в одних трусах размеряли площадку. Рабочие прокладывали шпалы для узкоколейки. Здесь строилась гидростанция. Горная вода должна дать дешовую электроэнергию для города Алма-Ата.

К вечеру мы добрались до культбазы, а оттуда уже на лошадях поехали в город.

Три года прошло со времени этой замечательной экскурсии, а я до сих пор ее прекрасно помню. Она пробудила во мне любовь к географии. Я стал с увлечением читать книги о географических открытиях, путешествиях и восхождениях на горы. Я прочел книги «По неисследованному Памиру», «Борьба за Эверест», «Победитель скал»; прочел сочинения Жюль Верна «Дети капитана Гранта», «Пять недель на воздушном шаре» и много других.

По географии в школе у меня всегда были отличные отметки.

Женя Лютиков

Москва, Истоминский проезд, д. 3, кв. 25.

Ребята, приступая к изучению своего района, вооружайтесь фотоаппаратом, бумагой, карандашом, линейкой. Снимайте или зарисовывайте животных, растения, интересные очертания берегов рек и озер. Составляйте планы местности.

Вы об этом часто забываете. В адрес географического общества приходит много писем. Но только в немногих из них мы находим рисунки или фотографии.

А ведь вы сами понимаете, насколько ярче и живей представляешь себе все, о чем прочел, если вдобавок посмотришь картинки.

Географы никогда не возвращаются из экспедиции с одними описаниями виденного. Даже очень давно первые путешественники, попадая в неизвестные места, встречая новых животных, старались их зарисовать. И эти зарисовки, часто совсем примитивные, рассказывают очень много.

Люди никогда не смогли бы точно передать результаты своих открытий и наблюдений, если бы не изображали их, а только описывали.

Это верно.

С осени мы устраиваем в редакции лекции и беседы по географии. Кто хочет их посещать и вообще активно участвовать в работе географического общества, пусть приходит к нам в редакцию и записывается.

Рассказывайте нам, что вас интересует, о чем вы хотели бы услышать.

Если ребята у себя на местах организуют кружки по изучению нашей страны, мы будем им помогать.

,,Пионер" у микрофона

7-го и 21-го числа каждого месяца в детской передаче наш журнал выступает по радио.

Тут вы можете услышать все новости географического общества и извеще ния о назначенных лекциях.

Слушайте наши передачи, ребята!

Штопор

Рассказ Густава Бранд
Перевод с немецкого

Рисунки П. Митурича

Фриц пришел домой из школы. Ключ от квартиры лежал как обычно в потайном месте. Снег еще не сошел, и было очень холодно. Пальцы так закоченели, что Фриц с трудом мог повернуть ключ в замке. Эльза, вероятно, прямо из школы побежала в детский сад, чтобы забрать крикуна Макса.

Фриц закинул книгу и тетради в кухонный шкаф и начал шарить по всем полкам. Он, однако, не нашел ничего кроме маленькой горбушки хлеба. В жестянке лежали только два куска сахара. После недолгого колебания Фриц взял один кусок и быстро захлопнул дверцу шкафа, чтобы снова не поддаться искушению. Потом он жадно откусил от горбушки кусок и стал с наслаждением жевать.

«Голод—лучший повар»,—говорил отец, если кто-нибудь из детей капризничал за едой. Но ему давно уже не приходится так говорить: больше года отец без работы. И теперь все, что попадает на стол, с'едается до последней крошки. Фриц жует. Как вкусно! Но все-таки он не может забыть бутербродов, которыми Хейнц сегодня, как собак, кормил во дворе ребят из «банды», после того как сам сожрал всю ветчину. Фриц опускается на табуретку. Горбушка с'едена. Но есть еще хочется. И челюсти продолжают работать, перемалывая последние хлебные и сахарные крошки. В следующий раз, если этот негодяй Хейнц захочет устроить подобный спектакль, Фриц его стукнет хорошенько и вырвет из рук бутерброды. Он их честно разделит между всеми ребятами, и сам тоже с'ест свою долю. Он обязательно так сделает. Это единственный выход, когда имеешь дело с такой свиньей! Хейнц думает, что ему все можно, потому что его отец — наци, а учитель дружит с наци. Этот Хейнц жрет бутерброды с ветчиной и был на рождество в горах. «Там много снега, и там я научился настоящему лыжному шагу»,— хвастал он. А сам боится скатиться на санках с большой горки на Зеештрассе, трус и тряпка! «Настоящий лыжный шаг!» Так мы ему и поверили.

А в горах, должно быть, здорово хорошо. Фриц вспомнил, что в последнем номере «АИЦ» [1] были помещены две картинки, изображающие зимний спорт: «Светлые вершины, тенистые долины»,—было написано под ними. Фриц быстро вытаскивает из своего тайника этот номер газеты. Он припрятал его в надежное место от рук малыша Макса.

Вот она—его любимая картинка: лыжник на сияющем склоне горы. Целое облако снега взвивается над ним. Он летел так быстро, что фигура его даже немного расплылась на фотографии. Чтобы Хейнц так катался?! Кто этому поверит?!

Фриц снова спрятал свою газету. В комнате стемнело. Скоро пять часов. Мать придет не раньше семи. «Пошли»,—говорит Фриц сам себе. Он быстро натягивает рваный свитер. Надо посмотреть, как «банда» справляется с новой горкой для санок, которую начали строить на соседнем дворе.

Фриц вышел на лестницу. Нынешней зимой у «банды» особенно процветает новый спорт—катанье на перилах. В этом деле Фриц не имел соперников. Он был не только общепризнанным мастером: он изобрел новые трюки и ввел целый ряд профессиональных терминов. Кто хочет иметь дело с Фрицем, тот должен не только понимать такие выражения, как «скоком», «штопором», «ласточкой», «всадником» и «летчиком», но должен уметь проделать это хотя бы с первого этажа. Сам Фриц может скатиться любым «стилем» со второго этажа.

Однако сегодня, когда он прятал ключ

[1] «Arbeiter Illustrierte Zeitung» — «Рабочая иллюстрированная газета».

в потайное место, ему внезапно пришла в голову мысль прокатиться «всадником» с четвертого этажа, от самой квартиры и до подвала. «Ласточкой», т. е. лежа грудью на перилах, растопырив руки и ноги, он с'езжал с лестницы ежедневно по нескольку раз.

Перила на этой лестнице были неважные. Бывают, правда, перила совсем скверные, когда после каждой лестницы идет длинная ровная площадка. На ней приходится каждый раз останавливаться, такую игру не стоит начинать. Зато бывают винтовые лестницы: одна сплошная спираль, сверху донизу. Вот это штопор! К сожалению, лестница в доме Фрица средняя: правда, на ней нет площадок, но завороты образуют острые углы, на которых не прокатишься. Фриц решил с'ехать «всадником», т. е. верхом. Сказано—сделано. У Фрица уж такой характер: если он что-нибудь задумал, то непременно сделает, даже если никто этого не видит. Все равно: он сам перестал бы уважать себя и не смог бы смотреть людям в глаза, если бы отступил.

Квартира Шульцев—на четвертом этаже, под чердаком. Над ней есть еще одна темная лестница. Фриц решил начать катанье с нее. Перескакивая через две ступеньки, он поднялся наверх и остановился перед запертой дверью чердака. Здесь пахло кухней и кошками, на чердаке что-то хлопало, а ветер жалобно завывал и тряс дверь, как будто хотел войти.

«А здорово с'ехать отсюда! — думал Фриц.—Четыре с половиной этажа, считая чердачную лестницу! «Банда» разинет рот от удивления. Жалко, что никого нет. Но все равно. Они и так поверят. Они знают, что в таких случаях Фриц никогда не соврет. Это будет почище чем «настоящие» лыжи Хейнца».

Фриц оседлал перила. Как держать руки: за спиной или одну вперед, другую назад, для равновесия? Фриц осторожно сдвинулся с горизонтальной части перил над площадкой и поехал вниз.

Вот и первый угол. Хорошо, что Фриц умеет ехать «скоком». На обыкновенном языке это означает, что на углу, где сходятся перила, надо слегка подпрыгнуть и перехватить руками. Но уже ко второму повороту Фриц набрал такую скорость, что ему удалось снова ухватиться за перила только когда он уже промчался больше половины следующей лестницы. На третьем этаже не могло быть и речи о «крутом развороте», Фриц едва успел удержаться. Внезапно его швырнуло в сторону. Теперь он поневоле летел «летчиком», не держась. Впрочем, он уже сам не понимал, как и куда он летит, он не видел даже, который это этаж. «Надо бы затормозить»,—мелькает запоздавшая мысль, но в это самое мгновение он почувствовал толчок, треск, острую боль, удар в голову, в плечо, и сразу наступили тишина и темнота.

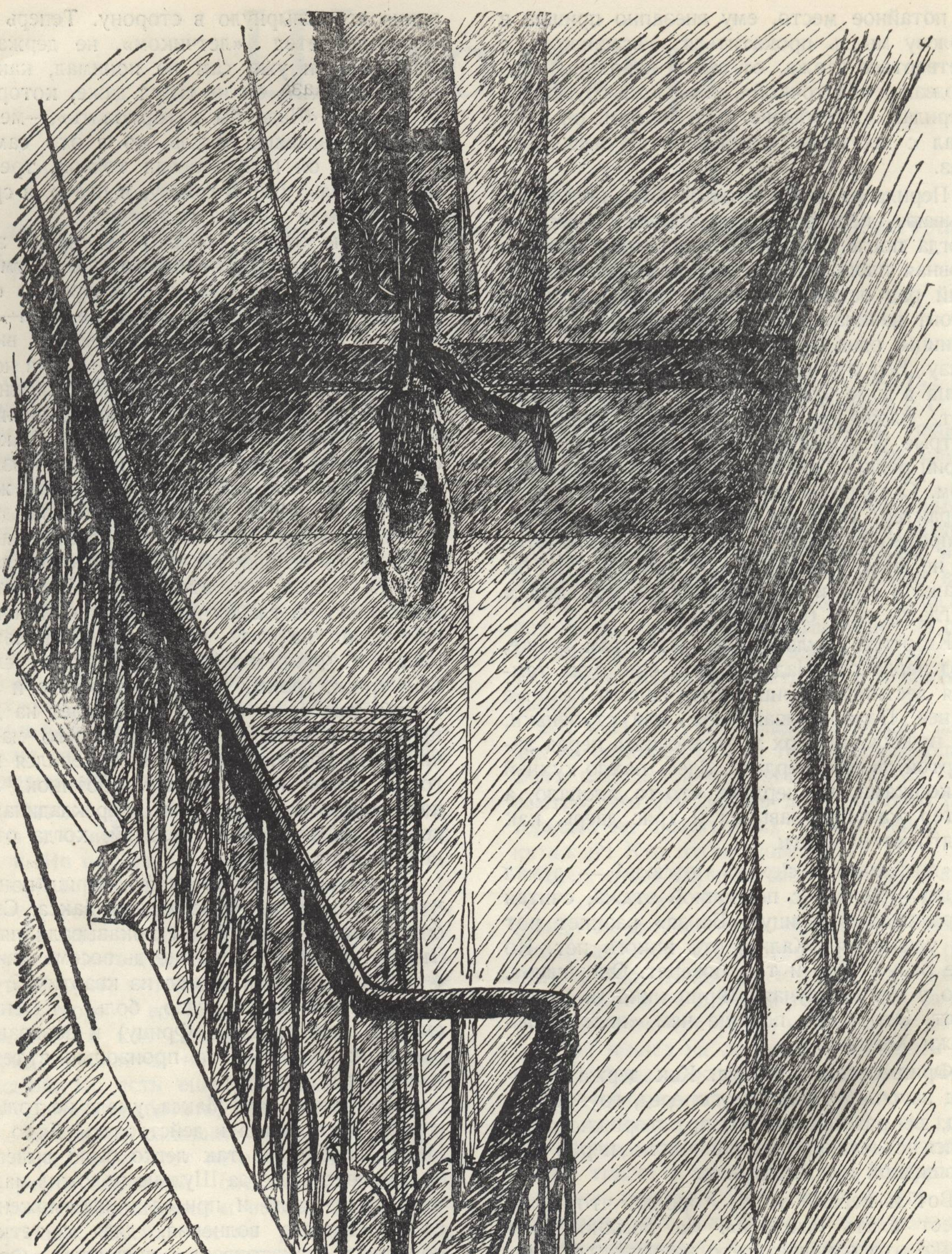
Фриц не знает, сколько времени это длится. Но он чувствует, что еще не умер, хотя все тело его разбито. Осторожно открывает глаза. Нет, он вовсе не упал—он висит в пролете лестницы, головой вниз и все этажи вертятся вокруг него, а в ноге нестерпимая боль. «Настоящий лыжный шаг»,—вспоминает он и теряет сознание.

Фриц очнулся на кухне у дяди Макса. Отец Фрица Шульце, уходя из дому, вздумал заглянуть к дяде Максу, который жил на втором этаже. Выходя на площадку, Шульце увидел, как что-то стремительно промчалось по перилам. Он скорее догадался, чем увидел, что это Фриц. Несчастье произошло на глазах отца. Непрочный кусок перил на углу обломился и полетел вместе с Фрицем в пролет. Шульце услышал треск, грохот падающего дерева и застыл в ужасе: он думал, что найдет на дне пролета окровавленный труп своего мальчика. Но при падении Фриц зацепился ногой и повис над пролетом. Ботинок, защемленный между двумя перекладинами, держал мальчика над бездной, когда отец подоспел на помощь.

Очнувшись и оглядевшись, Фриц понял, что он лежит на кухне у дяди Макса. Свет бил прямо в глаза. Часы показывали пять. Значит, прошло каких-нибудь восемь минут с тех пор, как он вышел из квартиры?

Страшный полет, удар, боль, падение, смерть (как казалось Фрицу) и возвращение к жизни—все это произошло в течение восьми минут!

Тетка, жена дяди Макса, умела не только плакать: она могла и действовать. Дядю же Макса вообще не так легко было вывести из равновесия. Когда Шульце положил мальчика на скамью и присел в изнеможении от пережитого волнения, дядя с теткой принялись осматривать мальчика. Фриц крепко стиснул зубы, он не сразу мог ответить на вопрос: где болит? Собственно говоря, болело везде. Но больше всего, пожалуй, левая нога. Тетка и дядя Макс возились долго, пока, наконец, не установили самые серьезные повреждения. На голове была шишка величиной с половник, на левом плече содрана кожа.

Фриц зацепился ногой и повис над пролетом

— Это станет желтым и лиловым,—пробурчал дядя Макс.

А левая нога! Как она выглядела! Колено уже запухло, кожа содрана. Когда тетка коснулась ступни, Фриц громко вскрикнул, хотя он и старался все время мужественно переносить страдания. Дядя Макс нахмурился. Нога была вывихнута, и только доктор мог ее вправить. Вся ступня уже сильно опухла, так что пришлось разрезать чулок и ботинок, которые иначе не снимались. Отец держал мальчика во время этой мучительной операции. Шульце взял в руки ботинок, который спас жизнь его сыну, и стал его рассматривать. Шов уже лопнул, и кожа треснула. Долго он, конечно, не выдержал бы такой тяжести. А теперь ботинок пришлось совсем изрезать.

Шульце печально улыбнулся: где и как достанет он новый?

Впрочем, пока что Фрицу не нужны ботинки. Он должен лежать три недели с холодными компрессами на ноге.

Это были чудесные три недели несмотря на принудительное лежание, несмотря на боль. Во всяком случае, впоследствии Фриц всегда вспоминал эти три недели как счастливейшее время своей жизни.

Он лежал в своей постели на кухне; рядом стоял таз с холодной водой, в которой Фриц мочил свои компрессы, когда тряпки нагревались. Отец, дядя Макс и Ленхен носили ему книги. Он прочел Жюль Верна, Робинзона, «Кожаный чулок». Когда кончались занятия в школе, приходили товарищи из «банды», иногда даже двое или трое.

Единственная дочь дяди Макса, Ленхен, проводила с Фрицем все свое свободное время. Ни с кем из «банды» он не дружил так, как с ней. Не потому, что она была родственницей: со своей родной сестрой Фриц и не разговаривал. И не потому, что Ленхен — девочка и красивая девочка (по мнению Фрица, это был единственный ее недостаток). Просто при ней Фриц всегда был умнее, догадливее и изобретательнее. Довольно было одного присутствия Ленхен, чтобы он почувствовал себя сильным и смелым. Самые лучшие идеи приходили ему в голову, когда она смотрела на него своими серыми глазами.

Единственной неприятностью во всей этой истории с ногой были два визита врача.

Как только дядя Макс понял, что нога у Фрица вывихнута, он сейчас же побежал вниз, в табачную лавочку, и позвонил врачу, старому члену партии, который много лет лечил всех рабочих района. Врач жил недалеко и пришел тотчас. Почтенный старик с седыми волосами, в очках и с синими жилками на носу. Фриц никогда бы не отважился сказать ему «товарищ», хотя он знал, что доктор — коммунист. Но и доктор обошелся с ним далеко не по-товарищески.

Тяжело дыша от под'ема на высокую лестницу, доктор сразу так дернул больную ногу, что внутри что-то треснуло. У Фрица потемнело в глазах, но доктору как будто и дела не было до этого. Все время, пока он осматривал мальчика, он ворчал себе под нос, но так громко, что Фриц все слышал:

— Мальчишеские выходки... Выдрать хорошенько... Этакие сопляки...

Нет, врач не понравился Фрицу. Он совершенно не переносил слова «сопляки».

Вообще же ему было хорошо. Сколько вкусных вещей ему приносили! Никогда за весь последний год, с тех пор как отец остался без работы, Фриц не ел так сытно, как после своего несчастного падения.

Но больше всего любил Фриц те минуты, когда отец присаживался на его постель и разговаривал с сыном спокойно и серьезно и без единого упрека, без единого намека на полет по лестнице.

Однажды ночью, дней десять спустя после падения, Фриц долго ворочался без сна. Прикованный к постели, Фриц плохо спал и нередко даже после полуночи лежал с воспаленными глазами, прислушиваясь к малейшему шороху в темноте.

Отец ушел вечером на собрание и еще не вернулся. Фрицу очень хотелось дождаться отца. Если уж он не спал так долго, то, верно, не уснет до прихода отца. Когда Фриц в последний раз зажигал спичку, часы показывали четверть третьего. Теперь уж, наверно, ждать осталось недолго!

Из соседней комнаты доносилось тяжелое дыхание матери. Мать работает уборщицей в конторе. Она вернулась около десяти часов вечера, полумертвая от усталости, и утром должна снова встать в шесть часов. Малыша Макса почти не слышно, так спокойно и легко он дышит. Зато Эльза свистит одной ноздрей и бормочет во сне. «Коза» опять схватила насморк: она плохо переносит сырость и холод. Эльзу он не возьмет с собой в путешествие. Они пойдут вдвоем с Ленхен вниз по улице, мимо огородов, вдоль пригородной линии электрического поезда. Потом по шоссе, по заливным лугам. Нужно взять с собой бутерброды. Как далеко можно зайти за день? Фриц больше не собирается играть во дво-

ре и на лестнице. Довольно! Когда играют другие ребята, швейцариха им ничего не говорит, а если Фриц выйдет, она выскакивает как ведьма. Она ведь тоже наци. Этакая карга!

На лестнице слышен шум. Фриц вздрагивает и не сразу понимает, что он уже было уснул. Никакой весны. Никакой Ленхен с бутербродами. И швейцарихи Петерсон тоже нет. Но шум продолжается. Это в нижних этажах. Кто-то бежит по лестнице. Фриц вскакивает, спросонья ушибает больную ногу, нащупывает мамину старую туфлю, которую она дала ему, когда он заболел, и прыгает на одной ноге к кухонной двери. Сперепугу сердце у него стучит где-то около горла. Уже стучатся.

Мать спит как убитая. Мальчик спрашивает тихо:

— Кто там?

— Открой, открой! — это голос тетки. Не успел Фриц приоткрыть дверь, как ее рванули, и тетка пробежала мимо него в комнату, закутанная в платок, в одной нижней юбке.

Лестница освещена, и в пролете шум, как при переезде. Фриц щурится от яркого света.

Два человека, тяжело дыша, несут что-то темное. Вот они на последней лестнице. Фриц узнает голос дяди Макса:

— Да поддержи же ему голову, Вернер! Осторожнее!

Фриц дрожит от холода. Он стоит на одной ноге как аист, в ночной рубашке, прислонившись к стене, и дрожит. Люди проходят мимо него со своей ношей и входят в квартиру. На ступеньках остаются круглые черные пятна, величиной с монету. При электрическом свете они отливают красным.

Фриц дико вскрикивает и, забыв о больной ноге, спотыкаясь и хромая, бросается на кухню.

— Папа!

Дядя Макс останавливает его у двери и крепко прижимает к себе. Он говорит какие-то ласковые слова. Но Фриц ничего не слышит.

Он напряженно смотрит в комнату. Слышит рыдания матери. Эльза всхлипывает. Макс ревет.

Фриц весь трясется. Он не кричит только потому, что не может произнести ни звука.

Вдруг он услышал голос отца; он сказал раздельно:

— Не давите так. И не делайте шуму из-за нескольких царапин!

Отец возвращался домой с районного собрания около двух часов ночи. До угла его проводили товарищи. Дальше он пошел один—посередине мостовой, как всегда с тех пор, как в районе участились нападения наци. Шульце они особенно ненавидели, так как он организовал в районе дружины самообороны. До самого дома он не заметил ничего подозрительного. Вдруг, когда он уже закрывал за собой калитку, на него кто-то набросился и ранил ножом. Шульце все же успел вырвать у нападавших свинцовую дубинку и замахнулся ею. Убийцы скрылись. А Шульце упал. Немного позже вернулись из биллиардной двое соседей. Они встретили троих людей, бегущих вниз по улице. Калитка в воротах была открыта настежь. Шульце лежал возле нее в луже крови, крепко зажав в руке свинцовую дубинку.

«Царапины» отца оказались нелегкими: две ножевые раны в спину, удар в голову, обнаживший череп, и рана в предплечье, повредившая связки.

Отец очень ослабел от потери крови и тяжко страдал. Он мог лежать только на животе и стонал во сне. Но несмотря на то что Фрицу было бесконечно жаль отца, он был все-таки счастлив. Как только мать утром уходила из дому, Фриц забирался на кровать к отцу и терпеливо ждал его пробуждения. Как много он узнал за эти дни! Сколько новых людей увидел!

Фриц был так доволен, что даже примирился с доктором с тех пор, как тот перестал называть его сопляком.

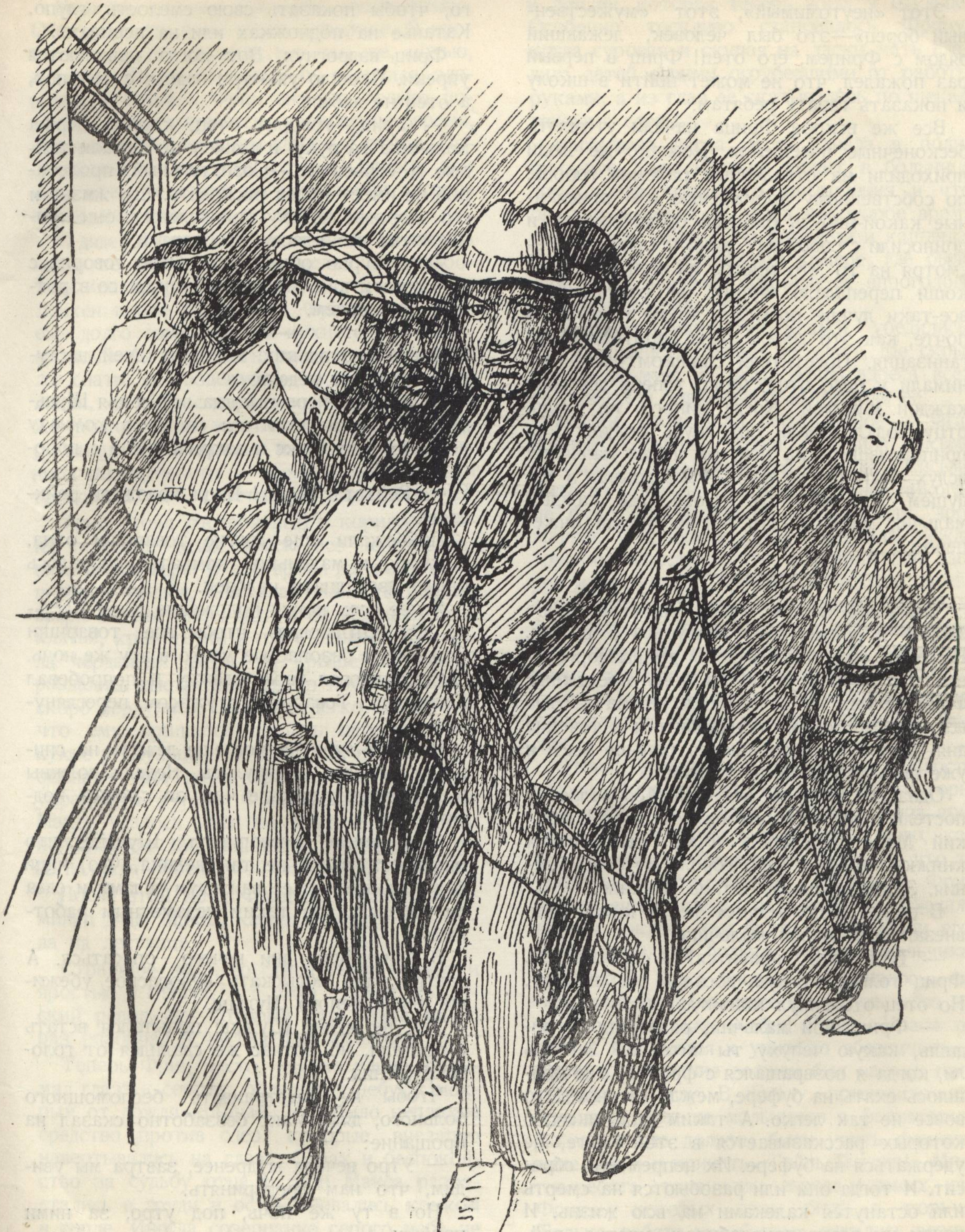
На второй день после покушения приходил фотограф. Он провонял всю квартиру своим магнием, записал что-то в блокнот и умчался через десять минут, едва дослушав рассказ отца. Фриц здорово на него разозлился. Но как велика была его радость, когда в следующем номере «АИЦ» появилась фотография отца!

Фриц сперва не поверил своим глазам. На снимке был изображен лежащий на животе человек с забинтованной головой. Это действительно был отец Фрица.

И под снимком сообщение:

„Эпидемия убийств продолжает свирепствовать

В ночь на 21-е наци напали на безработного токаря Карла Шульце. Товарищ Шульце, мужественный борец, неутомимый активист германской компартии, который...“

Люди проходят мимо него и входят в квартиру.

Этот «неутомимый», этот «мужественный борец»—это был человек, лежавший рядом с Фрицем, его отец! Фриц в первый раз пожалел, что не может пойти в школу и показать газету ребятам.

Все же вскоре Фрица начали утомлять бесконечные посещения. Незнакомые люди приходили из отдаленных районов города, по собственному побуждению или присланные какой-нибудь рабочей организацией, и приносили с собой еду, вино и сладости. Несмотря на то что многое из всей этой роскоши перепадало Фрицу, он считал, что все-таки лучше посылать такие пакеты по почте, как это делала одна спортивная организация. Посетители слишком часто отнимали у него отца. Фриц теперь дорожил каждой минутой. Когда никого не было, отцу подкладывали под грудь подушку, и, приподнявшись на ней, он читал мальчику вслух. Читал и об'яснял. Рассказывал о будущем, о Советском союзе, где каждый мальчик может стать летчиком или инженером.

Через две недели Фриц был совершенно здоров и должен был вернуться в школу. Но отцу еще было далеко до выздоровления. По утрам, уходя из дому последним, Фриц ставил на стул около кровати отца все, что могло ему понадобиться в течение дня. Домой он возвращался раньше всех и уже никуда больше не уходил.

Однажды вечером вся семья собралась у постели отца. Мать штопала чулки. Маленький Макс уже спал. Фриц читал вслух книжку. Щеки у него горели от возбуждения. Эльза слушала, затаив дыхание.

В самом напряженном месте книги отец внезапно подозвал мальчика.

— Тебе это нравится? — спросил он. Фриц только кивнул, досадуя на помеху. Но отец отодвинул книжку.

— Фриц, мой мальчик, разве ты не видишь, какую чепуху ты читаешь? Знаешь ли, когда я возвращался с фронта, мне пришлось ехать на буфере, между вагонов. Это вовсе не так легко. А таким мальчикам, о которых рассказывается в этой книге, не удержаться на буфере. Их непременно сбросит. И тогда они или разобьются на смерть или останутся калеками на всю жизнь. И зачем им вдруг понадобилось мчаться зайцами из Чикаго в Нью-Йорк. Смелость — хорошая вещь, но, подвергаясь опасности, нужно всегда знать, зачем ты это делаешь и нужно ли это. Рисковать только для того, чтобы показать свою смелость, глупо. Катанье на подножках или на перилах...

Фриц вздрогнул. Вот когда начинаются упреки. Прошло уже три недели с тех пор, а отец не забыл.

— Фриц,—говорит отец, крепко держа мальчика за руку, и глаза у него стали теплые и серьезные.—Сознательный пролетарий не имеет права рисковать. Его жизнь и его здоровье не ему принадлежат: они принадлежат его классу, его партии.

Фриц бурно обнял отца. Отец говорил с ним совсем как с товарищем, как со взрослым товарищем.

После нескольких хороших дней наступили тяжелые недели.

Однажды вечером, когда вся семья Шульце собиралась ложиться спать, в комнату ворвался дядя Макс и закричал еще с порога:

— Рейхстаг горит! Наци подожгли рейхстаг!

Прибежали еще другие товарищи отца. И скоро в маленькой комнатке собралось около двенадцати человек.

Яснее всех понял положение Карл Шульце. Он потребовал, чтобы все товарищи скрылись в безопасное место в эту же ночь. Он потребовал свою одежду и попробовал подняться. Товарищи с ужасом переглянулись.

Человек этот не мог еще лежать на спине, раны едва затянулись. Недели должны были пройти, прежде чем он сможет подняться.

Они начали уговаривать Шульце, что опасность вовсе не так велика, что наци будут заняты более важными делами и едва ли погонятся за таким незаметным работником.

В ближайшие дни нечего опасаться. А завтра надо подыскать безопасное убежище для раненого Шульце.

Тем не менее Шульце попытался встать с постели, но тотчас же свалился от головокружения.

Чтобы не расстраивать беспомощного больного, дядя Макс беззаботно сказал на прощание:

— Утро вечера мудренее, завтра мы увидим, что нам предпринять.

Но в ту же ночь, под утро, за ними пришли.

Фрицу все это представляется как во сне. Чиновник, два полицейских и штурмовики затопали по квартире. Перерыли все, нашли тайник Фрица и взяли его газету.

Мальчик перенес все это мужественно. Отец уже два раза сидел в тюрьме. В прошлом году его забрали вот так же, ночью, а через несколько недель он вернулся, здоровый и бодрый. Фриц сначала только пожалел, что кончается прекрасное время, которое они проводили вдвоем с отцом. Полицейские были очень грубы. Однако, так как отец не стоял на ногах, они скорее несли, чем вели его по лестнице.

С дядей было больше волнений: он теперь вовсе не был так легкомыслен и беззаботен, как старался показать это вечером. Ленхен после рассказала Фрицу, что дядя еще долго совещался на кухне с товарищами, куда бы перенести раненого. Потом он лег спать, не раздеваясь. Когда пришла полиция, он был совершенно спокоен. Когда же полицейские захотели надеть ему наручники, он внезапно нагнулся, сшиб одного полицейского и скрылся раньше, чем те поняли, что, собственно, случилось.

Фриц стоял растерянный в коридоре, пока полиция, делая обыск, все переворачивала в квартире. В это время раздался шум, и Фриц увидел, как дядя Макс промчался вверх по лестнице. Потом он услышал проклятья, крик тетки и плач Ленхен. Хлопнула чердачная дверь, на крыше загремело, раздались выстрелы. Однако преследователи скоро вернулись. Один был легко ранен, так что ему пришлось сделать перевязку на кухне у Шульце. По тому, как полицейские осыпали друг друга бранью, из их угроз, упреков и ругани Фриц понял, что дяде Максу удалось уйти по крышам. В ярости полицейские забрали тетку. Уходя, они грубо толкали перед собой связанную женщину.

После этой ночи Фриц со страхом вспоминал дядю Макса, каким он видел его тогда на лестнице.

Страшное лицо, со стиснутыми зубами и яростью в глазах. А в руке старый солдатский револьвер, который дядя Макс много раз разбирал и чистил при мальчике.

Теперь Фриц часто, идя по улице, подымал глаза к серому, облачному небу, к мокрым от дождя крышам. Это было неплохое средство против слез, которые внезапно навертывались на глаза. Страх и беспокойство за судьбу отца и дяди Макса разрастались в груди и останавливались комком в горле. Иногда созерцание серого неба не помогало, и тогда приходилось прятаться в какую-нибудь подворотню, чтобы там поплакать. Дома же нужно было держаться мужчиной и успокаивать плачущих Эльзу и Ленхен, которая теперь жила у Шульце. Особенно тоскливо становилось Фрицу, когда суровая и скупая на ласки мать гладила детей своими огрубевшими от работы руками, а из глаз ее скатывались по щекам тяжелые слезы.

Наступила весна, мать узнала в полиции, что Карл Шульце лежит в больнице дома предварительного заключения и что он поправляется. А через некоторое время освободили тетку. Она похудела и кашляла. Она сидела в крошечной камере, где было набито 30 человек, кормили ее впроголодь и несколько раз били.

В конце концов тюремщики убедились, что она действительно не знает, где скрывается ее муж. У тетки взяли адреса всех ее родных и знакомых и выпустили ее.

Вскоре произошло неожиданное и загадочное событие. Тетка получила письмо от своего давно умершего дедушки. Письмо было из Дрездена, в котором у нее никогда не было родственников. Незнакомая, дрожащая, старческая рука сообщала между другими новостями, что «старший сын здоров и наконец-то приехал навестить своего старого отца». Письмо кончалось приветом, поцелуями и подписью: ваш дедушка. Причем приветы и поцелуи были написаны очень твердой и очень знакомой рукой.

Фриц издал воинственный крик и пустился в пляс по кухне вместе с Эльзой и Ленхен.

Этого маленького проблеска радости должно было хватить на много-много горьких дней. Почти всех знакомых отца арестовали, остальные скрывались где-то, как дядя Макс. Не удивительно поэтому, что те несколько коммунистов, которых Фриц иногда еще встречал на улице, не отвечали на его поклон, как будто не узнавали его. И все-таки это больно огорчало мальчика.

В школе тоже многое переменилось: теперь нельзя было даже взглянуть косо на такого типа, как Хейнц Родер. Иначе он сейчас же мчался к учителю ябедничать, и Фриц в наказание должен был часами простаивать в углу. В школу приходило все больше и больше мальчиков в фашистской форме, и все должны были учить фашистские песни и кричать «Гейль Гитлер!» Многие ребята сторонились евреев и таких, как Фриц, у которых отцы были в тюрьме. Только ребята из «банды» остались верными, но и они повесили носы. Отец Густава, строительный рабочий, был убит «при попытке к бегству» через несколько дней после ареста. У кривого Альберта умер

старший брат от «воспаления легких» в концентрационном лагере. «Банда» теперь сидела смирно где-нибудь в уголке и разговаривала шопотом. Это наводило еще бо́льшую тоску.

Наконец, мать Фрица получила официальное извещение, что Карл Шульце выбыл из госпиталя как выздоровевший и переведен в концентрационный лагерь в Ораниенбурге. Но теперь Фриц уже не верил, что отец может скоро вернуться из Ораниенбурга, как это бывало в прежние аресты. Он иногда завидовал Ленхен, отец которой, дядя Макс, гулял где-то на свободе в эти прекрасные, весенние дни, в то время как отца может быть как раз избивали.

Ленхен теперь редко играла с Фрицем. Он не смеялся даже тогда, когда она напоминала ему о дрезденском «мертвом дедушке». Фриц избегал ее или же часами развивал перед ней различные планы спасения отца из концентрационного лагеря. И когда планы оказывались невыполнимыми, он долго ходил мрачный и подавленный.

Однажды в тихий майский вечер Фриц возвращался из школы. Он шел один, в глубокой задумчивости. Под мостом подвесной трамвайной линии он почти столкнулся с хорошо одетым господином. Мальчик поднял на него глаза и встретил взгляд знакомых и милых глаз, в которых пробежали насмешливые искорки. Фриц чуть не вскрикнул, но незнакомец толкнул его плечом и проговорил сердито:

— Не спи на улице. Раскрой глаза!

Фриц стоял, как окаменевший. Этот голос, глаза вдруг напомнили ему дядю Макса. Но господин не обращал на него больше никакого внимания, он шел спокойно к остановке трамвая. Фриц побежал за ним вдогонку, хотя и не знал, зачем он, собственно, это делает. При посадке произошла давка. Фриц все время держался около незнакомца: он хотел еще раз взглянуть ему в лицо. Он почувствовал, как чья-то рука нащупала его руку и вложила ему в ладонь записку. Фриц вскочил на подножку.

Когда трамвай тронулся, мальчик разглядел бумажку. Это были деньги: пять марок.

Незнакомец сидел почти рядом. Он вытащил газету, надел пенсне и принялся за чтение. Фриц еле удержался от смеха. Как это ему могла придти в голову нелепая мысль, что этот незнакомец в пенсне — дядя Макс! У дяди Макса рыжеватые усы, а у этого господина темная борода. И потом он прекрасно одет, у него кожаный портфель и светлое весеннее пальто на руке. Дядя Макс никогда в жизни не носил даже воротничка, а этот господин в галстуке и в котелке. А когда он снял котелок, чтобы вытереть пот со лба, Фриц увидел настоящую, акуратную прическу. Только где же он все-таки видел этого человека? В размышлениях Фриц и не заметил, как проехал полгорода. У зоопарка незнакомец слез. Фриц последовал за ним. Если бы незнакомец не обернулся, Фриц бы, пожалуй, отстал. Он совсем не был уверен, что должен за ним идти. У кассы парка господин остановился. Фриц тоже купил себе входной билет. Ранней весной в парке бывает еще мало посетителей, а немного подальше от главных аллей не встретишь ни одного человека. Незнакомец замедлил шаги, остановился, обернулся и тихо сказал:

— Фриц, мальчик!

Но Фриц не мог произнести ни слова: по щекам его катились крупные слезы. Дядя Макс, этот элегантный господин, так сжал Фрица в об'ятиях, что мальчик чуть не задохнулся.

— Глупый мальчишка! Перестань реветь. И вытри нос. Если кто-нибудь сейчас пройдет, что он подумает? — с напускной строгостью сказал дядя Макс.

Они присели на скамейку. Фриц хотел тут же начать расспросы и рассказы. Но дядя быстро прервал его.

— Сиди смирно, — сказал он. — Слушай внимательно и запоминай хорошенько. Только если не поймешь чего-нибудь, можешь переспросить. У меня не так много времени, как ты думаешь.

Фриц сидел тихо, как мышь, и не пропустил ни одного слова. Он перестал замечать окружающее, забыл, где он, не слышал шума трамваев и автомобилей и криков зверей в парке.

Самая главная новость, которая заслоняла все остальное, была об отце: он здоров, и ему хорошо. Настолько хорошо, насколько это возможно в концентрационном лагере в Ораниенбурге. Он даже не в одиночке. Он только очень беспокоится о семье и о своем сынишке, сказал дядя. Он посоветовал, чтобы мать Фрица попыталась получить разрешение на свидание с отцом для себя и для сына. Если ей откажут в первый раз, пусть она добивается еще и еще раз.

Отец здоров. Отец беспокоится о нем. Но откуда дядя все это узнал? Фриц знает: концентрационный лагерь огорожен высокой стеной с колючей проволокой. По колючей проволоке проходит электрический

— Сиди смирно, слушай внимательно и запоминай хорошенько, — сказал дядя.

ток. Кроме того там всюду наблюдательные вышки и часовые. Ночью горят прожектора, освещая все вокруг. Как может дядя знать, что отец думает и как он живет? Как он пробрался через всю эту цепь охраны?

Такими вопросами Фриц осаждал дядю, когда прошла первая радость. Но дядя стал внезапно очень серьезен и даже сердит. Не спрашивай о том, что тебя не касается. Чем меньше мы знаем, тем меньше нам нужно скрывать.

Так Фриц узнал первое и важнейшее правило подпольной работы.

Дядя запретил ему также рассказывать кому-нибудь про их встречу: ни матери, ни тетке, ни Ленхен. И когда он это сказал, глаза его стали печальными и влажными. Эти слезы на глазах сильного, взрослого человека потрясли мальчика. Он понял, как сильно хотелось дяде посидеть здесь, в зоопарке, со своей дочкой. И Фриц почувствовал гордость от того, что был удостоен такого большого доверия.

Дядя как будто угадал его мысли.

— Мы редко будем видеться,— сказал он, — я не могу часто показываться в этом районе. И ты должен хорошо следить, когда пойдешь на условленное место встречи, не идет ли кто-нибудь за тобой. Ты будешь теперь часто встречаться с товарищами и ребятами из комсомола, которые немногим старше тебя. И ты должен их слушаться так, как если бы я сам тебе это говорил.

Так Фриц стал «подпольщиком».

Первые дни после встречи с дядей Фриц был очень возбужден, и прошло много времени, пока он, наконец, отрезвился. Предупреждения и наставления дяди оказались нелишними. Фриц опасался, не замечают ли другие его возбуждения, не выдает ли он себя. В школе, на школьном дворе или во время перемен Фриц вдруг внезапно замолкал, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. И снова пугался: не покажется ли подозрительным его молчание? Понемногу он, однако, стал спокойнее. И никто: ни учителя, ни товарищи по школе — не заметили той большой перемены, которая произошла в нем за это время. Фриц очень ошибался, думая, что после ареста отца он всегда ходил грустный. Он и тогда часто забывался, смеялся, хулиганил, пока воспоминание об отце не наводило его снова на печальные мысли. Тогда он точно так же внезапно замолкал и замыкался, как и теперь.

Наоборот, теперь Фриц выделялся в школе меньше чем прежде. Он без возражений и без видимого отвращения пел все новые песни и участвовал в муштровке, которая все больше охватывала школы «третьей империи». На физкультуре его даже раз поставили в пример другим ребятам. Фриц так громко и весело пел в хоре песню Хорста Весселя, что это звучало почти как воодушевление и восторг. А сам в это время смеялся про себя и думал: «Ах, если бы они только знали...»

Да, если бы они только подозревали, что он знал и чему научился. Уже первая встреча с дядей открыла перед Фрицем совершенно новый мир.

Например история с письмом! Право, смешно! Дядя никогда не был в Дрездене. Никогда не выезжал из Берлина. А между тем время от времени приходили письма, написанные измененным почерком, из Гамбурга, Мюнхена и других городов. Тетка так же мало понимала в этих письмах, как и агенты охранки, которые часто приходили с визитом. Несмотря на то что по конвертам видно было, что они вскрыты на почте, тетка старательно прятала каждое письмо (вместо того, чтобы его просто сжечь), и охранники каждый раз искали и каждый раз находили эти письма и делали себе заметки. Как глупы иногда бывают взрослые и даже такие страшные люди, как охранники и фашисты!

Вообще же вся эта подпольная работа казалась Фрицу не такой уж трудной и опасной, как он представлял себе это прежде. Надо только быть очень внимательным и иметь беззаботный вид. И теперь, когда он шел на условленное место, чтобы встретиться с дядей, сердце Фрица уже не билось так сильно, как это было в первый раз, когда ему казалось, что каждый прохожий видит по носу, чем наполнена его тяжелая школьная сумка.

Слово «нелегальный» стало для Фрица таким же простым и дорогим, как слово «большевик». Прежде Фриц думал, что большевики живут только в Советской России. Он представлял себе портреты Ленина и Сталина и большие усы Буденного. А теперь?

Но уже в то время как отец лежал больной, он говорил сыну о себе и о своих товарищах как о «большевиках». Благодаря этому слово «большевик» стало ближе, роднее и приобрело что-то от спокойного и доброго дядиного взгляда и от папиной смешной бородки. А как необыкновенно, как таинственно звучало прежде для Фрица слово «подпольщик»!

В это время случилось происшествие на одном заводе недалеко от дома, где жил Фриц. Один слесарь был пойман с подпольными листовками. Когда его вели по двору, он спрыгнул в случайно открытый люк. Как его ни искали, он скрылся и исчез навсегда. Вся улица только и говорила об этом случае. В «банде» тоже царило большое возбуждение.

Это были «подпольщики»—таинственные люди, которые путешествовали ночью по скользким крышам с безумной отвагой, которые спускались и подымались по проводам и водосточным трубам, которые пробирались под землей по темным и душным каналам, которые появлялись на предприятиях с листовками и снова скрывались так же, как и пришли.

Теперь Фриц только улыбается, когда слышит все эти россказни. Он знает, как это делается.

Маленького мальчика посылают на квартиру знакомого рабочего передать поклон от дяди Макса. Рабочий этот — вовсе не коммунист, напротив, он всегда ругает большевиков и очень гордится тем, что уже тридцать лет состоит социал-демократом. Кроме того это вообще дряхлый старик, к которому никто не относится серьезно. Он уже много лет работает ночным сторожем на заводе. И вот этот человек должен встретиться с дядей Максом там-то и там-то в такое-то время.

Через несколько дней маленький мальчик, посвистывая, проходит вечером вдоль высокой кирпичной стены завода со свертком подмышкой. За стеной тоже раздается свист, неожиданный свист прерывается сильным припадком кашля. Кашель заразителен. Мальчик тоже кашляет. Свистун за стеной идет дальше, а мальчик останавливается и бросает свой сверток через стену. А на утро рабочие находят в своих шкафчиках и ящиках листовки и номера подпольной заводской газеты. Усиливаются обыски всех приходящих и уходящих, начиная с инженеров и кончая уборщицами. Наци шпионят за рабочими всюду, вплоть до уборных, но ничего не помогает. Завод наводнен коммунистическими изданиями.

— Чорт побери! Можно подумать, что коммунисты действительно умеют летать или проваливаться сквозь землю! — ругались наци на собрании.

Скоро весь район заговорил о чудесах на заводе. Рабочие подмигивали друг другу и улыбались без всякой причины. Но никто не удивлялся, видя, как 12-летний мальчик пускается в чудесный солнечный день вприпрыжку по улице, крича петухом от радости.

Фриц посоветовался с дядей Максом и стал передавать своим товарищам: косому Альберту, Густаву и Ленхен—некоторые несложные поручения. Сам же он продолжал исполнять свою работу, уверенный в полной своей безопасности. Такое легкомысленное убеждение могло провалить всю работу, если бы Фриц вскоре не получил хорошего урока, который показал ему, что враг не так уж безнадежно глуп.

Фриц должен был явиться на один перекресток, на другом конце города, и ехал туда вместе с Густавом. Они опаздывали почти на четверть часа и увидели еще издали товарища из комсомола, который ожидал их у ворот дома. Фриц уже хотел броситься к нему, но вспомнил первое правило дяди Макса: никогда не подходить к человеку на улице, не подав условленного знака о том, что все в порядке. «Ну ладно,— подумал Фриц,—поиграем в шарики». Он нашел маленькую ямку на тротуаре, недалеко от ворот, вытащил из карманы свои стеклянные шарики и стал играть с Густавом. Товарищ должен был теперь подойти к ним и спросить о здоровье дяди Макса. Но этого не случилось. Несколько маленьких ребят притащило свои шарики. Игра становилась веселей и шумней.

Но молодой рабочий в подворотне не двинулся с места, и казалось, вовсе не замечал их. Когда же Фриц в нетерпенье сделал ему знак, он отвернулся. Солнце опускалось все ниже и ниже и скоро освещало одни только пятые этажи да крыши. Игроки вошли в азарт, стали ссориться, и драка уже казалась неизбежной. Фриц сердился, что ему пришлось больше получаса играть в такую глупую детскую игру. Он уже потерял больше половины своих шариков, и между ними один дорогой — цветной, стеклянный.

Вдруг по тихой, пыльной улице промчался закрытый автомобиль. Он направился прямо к тем воротам. Прохожие удивленно остановились, так как автомобиль был редкостью в этом рабочем квартале. С противоположной стороны улицы к машине подбежал какой-то человек в соломенной шляпе. Из-под ворот тоже вышли двое в штатском, они схватили молодого товарища и втолкнули его в автомобиль.

Прежде чем Фриц успел что-нибудь сообразить, машина умчалась, гудя за углом.

Густав не сразу понял, что ожидавший товарищ был арестован уже раньше и выставлен как приманка на условленном месте, чтобы поймать «сообщников».

Подавленные и молчаливые, вернулись мальчики домой.

Это печальное происшествие сильно поколебало легкомысленную уверенность Фрица, но не поколебало его мужества. Он стал за эти несколько месяцев старше и сознательнее на несколько лет.

Осенью начался в Лейпциге процесс против Димитрова и его товарищей. Фриц поддерживал связь с группой из трех молодых рабочих и вдовы убитого фашистами рабочего. Группа занималась главным образом распространением листовок в районе.

С тех пор как начался процесс, стало очень много работы.

Фриц снабжал группу листовками о ходе лейпцигского процесса. Не только коммунисты, но и беспартийные рабочие и даже мелкие буржуа и члены фашистской организации интересовались ходом дела, о котором умалчивали легальные газеты, и восхищались Димитровым — человеком, который так смело бросал правду в глаза своим судьям. Многие его слова передавались из уст в уста по всему городу, как едкие шутки.

Альберт, Густав и Ленхен приносили Фрицу листовки. Он прятал их на чердаке в заброшенной дымовой трубе и постепенно переправлял вдове. Теперь приходилось работать особенно осторожно, так как фашисты усилили надзор. Давно уже в этом рабочем районе не видели столько полицейских автомобилей, давно уже не случались такие частые нападения на рабочих-коммунистов.

Фриц уже перетащил больше половины листовок. Он приближался к дому вдовы, когда его вдруг охватило какое-то странное беспокойство. В дверях стоял пожилой человек и закуривал папиросу. Человек показался мальчику подозрительным, и он не вошел в квартиру, а прошел черным ходом во двор. В доме была зеленная лавочка. Может быть, можно там что-нибудь разузнать? Фриц не ошибся: в лавочке шепталось несколько женщин. Фриц услышал имя вдовы и понял, что она была арестована. Что делать?

Фриц дорого дал бы за хороший совет! Адреса остальных членов группы были ему неизвестны. Дядю, единственного человека, который мог бы все исправить, он увидит еще не скоро. Между тем листовки, спрятанные на чердаке, нужно убрать оттуда во чтобы то ни стало и как можно скорее. Полиция теперь особенно часто наведывается с обысками к матери и тетке. Что если полицейским вздумается заглянуть на чердак? «Может быть,— мелькнула на мгновенье мысль,— сжечь все?» Но там еще целая большая пачка, около 500 листовок. Нет, Фриц стыдится этой мысли. Он хорошо понимает всю важность этих листовок, он знает, с какими невероятными трудностями и опасностями они напечатаны и доставлены. Нет, он должен сам разнести их по домам.

В тот же вечер Фриц начал работу. В первом же доме он понял, какое это трудное и опасное дело. Ему удалось сбыть за весь вечер только 20 листовок. Но Фриц не пал духом. Он стал размышлять и обдумывать и скоро составил план действий: надо подняться на самый верх и начинать работу с верхних этажей. Главная опасность ведь приходит снизу. Если же кто-нибудь за ним погонится сверху, Фриц всегда сумеет убежать. Не родился еще тот мальчишка, который мог бы поймать его. А взрослый тем более, разве только если это будет мировой бегун! И потом Фриц знает все проходные дворы, как свои пять пальцев. Жильцы, которые будут снизу подниматься в свои квартиры, еще ничего не будут знать. Хуже всего, конечно, если кто-нибудь позвонит в полицию по телефону. Тогда Фриц пропал. Поэтому лучше всего, обойдя один дом, пропустить несколько или перейти на другую сторону улицы. Надо хорошо смотреть по сторонам, не стоит ли где-нибудь полицейский автомобиль и не заметно ли где-нибудь на углу скопления народа. Лучше всего в таком случае иметь помощника, который бы следил за всем и подавал Фрицу знаки.

Долго Фриц не мог решить, — кого же взять, и, наконец, выбрал Ленхен. Фриц уже давно понял, что лучше всего защищает его от подозрений то, что он маленький мальчик. Он мог спокойно бегать под носом у полиции, полицейские его просто не замечали. Ленхен еще меньше его. Она умная и спокойная девочка. На нее можно положиться лучше чем на мальчиков.

Но что скажет дядя Макс, если Фриц распорядится самостоятельно? Не рассердится ли он? Однако листовки должны исчезнуть, а сжечь их нельзя. Нет, дядя его, конечно, одобрит.

С вечера Фриц разработал весь план и предусмотрел все мелочи. Он разыскал на нижней полке шкафа среди старых игрушек свою жестяную подводную лодку «У-33». Она давно уже отжила свой век, и красивая серая краска облезла с нее. Потом он сказал матери перед сном, что у него болит щека, как при свинке. Мать завязала ему голову теплым платком. Утром Фриц, отвернувшись к стенке, сказал, что он совсем болен и в школу не пойдет.

В этот день Фрицу удалось разнести почти все листовки. Когда на лестнице зажгли свет, дети спустились домой, спотыкаясь от усталости.

Фриц Шульце очень изменился. Все начали это замечать, но прежде всего старуха Петерсон, швейцариха.

Раньше было так: если ребята устраивали ей какую-нибудь злую шутку, она с уверенностью могла сказать, что это затеял Фриц. Теперь же она так же хорошо знала, что Фриц не участвует ни в каких шалостях. Наблюдая его ежедневно из окошка, старуха начала думать, что мальчик просто болен.

И действительно, возвращаясь из школы, Фриц чувствовал себя в этот день совсем больным, ноги у него ныли от бесконечной беготни по лестницам.

— Это с ним случилось с тех пор, как пришел конец коммунистам и пионерам,— рассуждал швейцар, толстый Петерсон.— Старый Шульце имел дурное влияние на мальчика. Вот увидишь, Эмма, в концентрационном лагере из этого старика еще сделают человека.

— Вздор! — коротко ответила Эмма на это рассуждение своего супруга и занялась хозяйством. Это единственное слово очень задело Петерсона. Эмма редко в чем-либо соглашалась со своим мужем. Но прежде в спорах она просто накидывалась на Петерсона, а теперь все чаще и чаще отделывалась кратким словом и прекращала разговор. Конечно, хорошая немецкая жена должна молчать, когда говорит ее муж. Но такое строптивое молчание не нравилось толстому Петерсону. Он встал со стула, выпрямился, оттянул пальцем слишком тугой воротник, поправил свои ремни (сбрую, как называла их Эмма) и попробовал втянуть живот. Потом он открыл рот, но в это время встретил взгляд своей жены и молча направился к двери. Не стоит с ней связываться: Эмму не переспоришь. Петерсон хлопнул дверью и вышел твердым шагом, стуча каблуками. Как только хлопнула дверь швейцариха сердито швырнула кухонный нож и села, фыркая, около плиты. Толстый живот ее колыхался от злости. Она тоже здорово рассердилась.

Надоели ей все эти красивые слова. Все больше становится нужды и горя, а улучшения не видно. Одни разговоры! Правда, сначала швейцариха увлекалась Гитлером еще больше чем ее муж. Это было из-за налогов. Петерсоны имели зеленную лавочку на углу, но торговля шла плохо и приходилось докладывать из сбережений. Крах банка разорил их окончательно, и они разом лишились всех сбережений и лавочки. В то время старуха Петерсон обвиняла во всех своих несчастьях коммунистов. Но вот уже давно у власти стоят фашисты—и что же, что, собственно, она получила от них? Это место швейцарихи в громадном доме, где она с утра до ночи бегает по лестницам? Правда, муж работает в отряде, но служба эта тоже скоро кончится, и старик все равно никогда не получит хорошего места. Теплые местечки — для других.

Старуха Петерсон совсем не злопамятна; она только вспыльчива, а по существу даже хороший, доброжелательный человек. Но последнее время она совсем не может разговаривать с мужем. Каждый раз кончается ссорой. Вот сегодня поссорились из-за этого мальчика. Какое глупое рассуждение о дурном влиянии на Шульце! Отец всегда держал Фрица в руках. А что Шульце станет другим человеком в концентрационном лагере,— в это она не верит. У нее уж есть свое, особое мнение об этом с тех пор, как она увидела Пауля Конель, который живет во втором этаже. Того действительно нельзя узнать после того, как они его выпустили. Он был хотя и несильным, но вполне здоровым человеком. Теперь же он едва тащит ноги по улице и через каждые два шага хватается за сердце. А ведь он обыкновенный профсоюзник и даже не был коммунистом.

Старуха Петерсон чистит картофель и тяжело вздыхает. За работой она вспоминает, как сегодня утром тетка Шульце переминалась с ноги на ногу в нерешительности, стоять ли в очереди за картофелем или искать места? Как она только перебивается с тремя детьми! Фриц стал какой-то странный за последнее время. Ведь это был озорной мальчишка. Как он ее раздражал когда-то! А сегодня она убедилась, что мальчик просто болен. Как он плохо выглядит, бедняга. Да и не удивительно! Отец был столько времени без работы, а мать

с уборкой да со стиркой много ли наработает? Нет, довольно с нас Третьей империи!

Не один Фриц изменился за эти полгода. Изменилась и сама старуха Петерсон. Она только этого не замечала: прежде она ненавидела всех коммунистов, а на их родственников и смотреть не хотела. Она сама с мужем занесла Шульце в список подозрительных. Сегодня же она первая заговорила с теткой Шульце и очень удивилась, что та ей отвечала односложно.

Старуха Петерсон с досады бросила ложку.

Ей стало стыдно, так стыдно, как бывало только тогда, когда она была еще маленькой девочкой. И слезы медленно покатились по щекам старухи.

Никто во всем районе, где старуха Петерсон известна как злая крикунья, не мог бы себе представить, что она сидит так около плиты, вздыхает и плачет. Она не может забыть, как Шульце несли больного к полицейскому автомобилю. Он ведь не поджигал рейхстага. Это теперь хорошо известно. Даже штурмовики, товарищи ее мужа, этого не говорят. Нет, Шульце — не преступник. А между тем она тогда тоже кричала, протискалась к полицейской машине и хотела вцепиться старику в волосы. Даже плюнула со злости, только не попала.

Так сидит у плиты старуха Петерсон, а на плите горят картофельные лепешки.

Вдруг теплая улыбка осветила лицо женщины. Она натрет весь оставшийся картофель, сделает еще одну большую порцию лепешек и даст ее мальчику, когда он вернется из школы. Пусть он тоже сладко поест. Она так и сделала.

Фриц очень испугался. Он спокойно шел по двору, ничего не подозревая, как вдруг перед ним точно из-под земли выросла старуха Петерсон. Она что-то жевала, и губы у нее были вымазаны салом. У нее был полон рот, и трудно было понять, что она говорит.

— Фриц! Тут, тут для Макса и Эльзы... и для тебя.

И прежде чем Фриц успел сообразить, в чем дело, старуха сунула ему в руки пакет и ушла. Фриц понюхал пакет. Пахнет вкусно. Да это же горячие жирные картофельные лепешки! Чорт возьми, вот это здорово!

Фриц поднялся по лестнице. В одной руке у него были листовки и старая подводная лодка, в другой — книжки и пакет в промасленной газете. Хорошо, что Ленхен уже ждет его. Она освободит его от свертков, а потом они вместе исследуют пакет. Действительно, в пакете оказалось восемь картофельных лепешек, сложенных по две вместе и смазанных малиновым повидлом. Без особого угрызения совести дети тут же принялись за еду. Ведь Эльза с'ела весь хлеб, не дождавшись Фрица. Он пришел из школы, и ему не осталось ни крошки. А малышу Максу он уделит часть из своей вечерней порции, из того, что мать принесет. Но почему это швейцариха так подобрела? Фриц вспомнил разговор между отцом и дядей Максом незадолго до ареста. В заднем дворе калитка всегда запиралась ровно в 8 часов. Кто же тогда впустил наци? «Ты можешь говорить, что хочешь, Карл, — сказал дядя, — а я уверен, что это сделала Петерсониха».

Три пары лепешек были с'едены в пять минут. Разделив последние две лепешки, дети отправились наверх. Когда они проглотили последние кусочки, Фрицу вдруг пришла в голову страшная мысль: «Ведь швейцариха утром рассыпала вокруг мучного ящика отраву для крыс. А что, если... Нет, не может быть. Отравить двух детей! За это, пожалуй, и наци накажут. Нет, он ничего не скажет Ленхен».

Это был дурной день. Фриц ощущал во всем теле страшную усталость. Поднимаясь по лестнице, он невольно спрашивал себя: «Поднимусь ли я?» А наверху он не знал, хватит ли у него сил сойти обратно. Кроме того он немного об'елся. И никак не мог забыть про крысиную отраву и все прислушивался: не начинается ли боль в животе?

Сверток с листовками понемногу становился все тоньше и тоньше.

Погода испортилась. Накрапывал неприятный, холодный дождь. Небо все заволокло черными тучами, и рано стемнело.

Вдруг на перекрестке Ленхен дернула Фрица за руку и показала на полицейский автомобиль, который заворачивал за угол.

— Это уже третий, — сказала она.

Фриц увидел, что на углу, откуда они сегодня начали свой обход, собралась толпа.

Но Фриц как раз теперь разошелся. Он уже не чувствовал усталости. Осталось только девять листовок — надо кончить с ними. Он решительно подталкивает Ленхен, не обращая внимания на ее испуганный взгляд.

Ленхен послушно отправилась вперед. Когда Фриц, немного отстав, потом догнал ее, Ленхен уже сидела, спрятавшись от дождя

в нише. Беззаботно напевая, она в сотый раз сегодняшний день раздевала и одевала свою куклу.

Фриц прошел мимо нее, как чужой, и вошел в парадное. Дверь гулко захлопнулась за ним. Это был старый, но хороший дом. Лестница покрыта дорожкой, винтовая и пологая. Хорошо бы скатиться по перилам! Но теперь Фриц только снисходительно улыбается своему прежнему ребячеству.

Он быстро вытащил из кармана мамин платок и завязал им уши, как при свинке. Потом натянул покрепче шапчонку. С подводной лодкой «У-53» подмышкой он теперь кажется совсем маленьким мальчиком, у которого болят уши. Но когда он начал подыматься по лестнице, ему вдруг стало как-то неприятно. Как здесь темно! На каждом этаже большое, совершенно непрозрачное окно, все из маленьких цветных стеклышек. Дорожка сильно протертая и стены грязные.

Вдруг его охватывает безумный страх. Пот выступает на холодном лбу. Что-то теперь делается на улице? Как здесь душно! Весь дом провонял аптекой, как докторский чемодан. Поскорее бы вниз, на свежий воздух, на свободу! Если теперь что-нибудь случится, то это только по его легкомыслию. И если его заберут полицейские, что тогда будет? Что они могут ему сделать?

Наконец-то он наверху. Пять лестниц — шесть этажей, двенадцать квартирных дверей. У него только девять листовок. Пять дверей без ящиков для писем. Значит, ему нужно только сложить по два листка потоньше и подсунуть их под двери.

Фриц начинает сгибать один листок. И тут он вдруг ясно видит, что будет, если его поймают. Ему-то, верно, ничего страшного не сделают. Но отец! Отцу в концентрационном лагере плохо придется. Тот за него поплатится. Холод пробегает по спине Фрица. Он начинает дрожать так, что зубы стучат. А мать до сих пор еще не получила разрешения на свидание с отцом!

Зачем, зачем он только вошел в этот дом? Фриц присел, застыв от страха на верхней ступеньке; когда внизу хлопнула дверь, он услышал издалека снизу тоненький детский голосок, поющий слова фашистской песни.

Это Ленхен! Это — предостережение! Дверь хлопнула еще и еще раз, и топот тяжелых ног раздался на лестнице. Фриц все еще сидит на том же месте. Шаги раздаются все выше... Но Фриц вдруг становится совершенно покоен, он вспомнил о перилах.

Он запихивает листки в карман. Лодку «У-53» оставляет на ступеньке. И вот он снова на перилах, после стольких месяцев. Перила гладкие и широкие. Фриц летит всадником, едва дотрагиваясь пальцами до перил. Спуск бешеный до головокружения. Внизу зияет пролет. Фриц мчится штопором. Тень, свет. Тень, свет. Вот шаги возле него, две, три, четыре тени он пролетает мимо, не успев их сосчитать. Вот шаги уже над ним. Тормозить. Надо вовремя затормозить. Он сжимает ноги и впивается пальцами в перила. Внизу перила заворачиваются толстой улиткой.

Тут его сбрасывает. Фриц падает на колени, но тотчас вскакивает, налетает на стену и, качаясь, подходит к двери. Сапоги стучат по лестнице все выше. Фриц срывает с головы платок и хочет сунуть его в карман, и тут же из кармана вываливаются листовки. Он комкает их вместе с платком, открывает дверь и вылетает на улицу мимо двух полицейских.

Уже горят фонари, светят глаза автомобилей, в мокром черном асфальте отражаются огни. Машины, люди и дома, вся улица, весь мир медленно вертится вокруг Фрица.

На тротуаре давка. Фриц налетает на прохожих, его толкают. И вдруг тяжелая рука опускается на его плечо, Фриц слышит свое имя. Он поднимает глаза и видит удивленное лицо старухи Петерсон.

— В чем дело, мальчик, тебе дурно?

Фриц хочет ответить, но не может произнести ни слова.

— Не-ет,— с трудом отвечает он и хочет идти, но она не отпускает его. И тут Фриц снова начинает весь дрожать и крепко прижимается к грязному фартуку швейцарихи. Он смотрит вверх умоляющими глазами.

Старуха Петерсон опять стояла в очереди, и поэтому она раз'ярена. Картофель снова не привезли, и она вылетела злая из лавки как раз в ту минуту, когда коричневые рубашки начали оцеплять квартал. Она постояла немного на краю тротуара, оглядываясь, и тут на нее налетел Фриц Шульце.

Она похлопывает его по спине своей жирной рукой и приговаривает:

— Ну, что случилось, мальчик, что случилось?

Наконец, она решительно берет его за руку, отнимает у него скомканный платок

— Пей, пей, мальчик.

с листовками, бросает его в свою сумку и направляется к заставе.

На углу толпа, и никого не пропускают. Старуха Петерсон прокладывает себе дорогу локтями и останавливается перед цепью. Там должен быть и ее старик. Он ведь сегодня дежурит. Мужа она, правда, не нашла, но зато заметила двух приятелей его, которые поздоровались с ней:

— Гейль Гитлер, тетка Петерсон!

Старуха проворчала что-то в ответ и пошла вперед. Ее пропустили вместе с мальчиком. Фриц трусит, как маленький, держась за руку швейцарихи. Все в порядке. Как только достать теперь листовки из сумки? Фриц идет за швейцарихой до самых дверей. Старуха вешает сумку на гвоздик и подзывает Фрица к столу. Она сажает его на стул и начинает хлопотать. Он получает чашку дымящегося кофе. Тут только Фриц замечает, как у него пересохло в горле. Он жадно набрасывается на кофе и сейчас же начинает кашлять и давиться: глоток попал ему не в то горло, потому что в эту самую минуту швейцариха потянулась за своей сумкой, вытащила платок и бумаги, расправила один листок и начала читать.

Все пропало!

Но старуха совершенно хладнокровно складывает листок, собирает остальные, открывает плиту, зажигает спичку, и веселое пламя уносит их в трубу.

Потом она возвращается к мальчику и осторожно гладит его по непокорной шевелюре:

— Пей, пей, мальчик. Тебе сладко?

Фриц кивает и пьет.

— Ну, теперь иди.

Фриц выходит. Старуха осторожно прикрывает за ним дверь, всовывает ему в руку платок.

— Иди, иди ты... маленький Димитров!

Когда Ленхен вернулась домой, Фриц еще стоял в под'езде перед дверью швейцарихи, прислонившись к стенке. Он ничего не сказал Ленхен про великолепный «штопор», который похвалил бы даже сам отец.

Спорт

Пионеры на конях

В Азово-Черноморском крае живут два пионера, которые придумали очень интересное дело. Они предложили пионерам—любителям лошадей — организовать кружки юных ворошиловских кавалеристов.

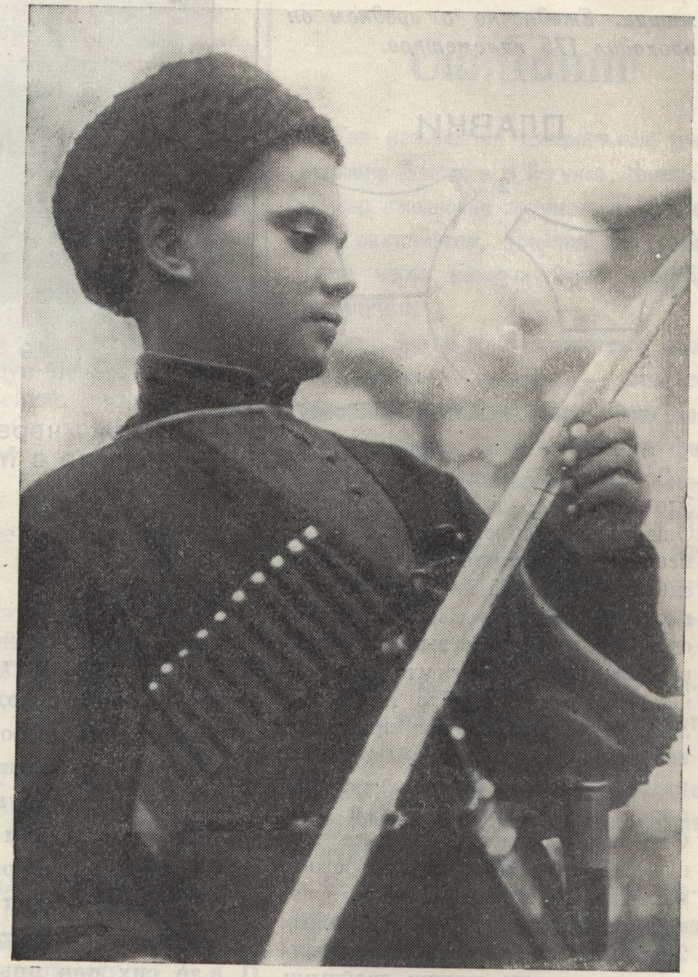
В этих кружках ребята должны обучаться правильному уходу за конем, уменью хорошо, лихо ездить.

Сейчас таких кружков юных ворошиловских кавалеристов по СССР организовано очень много. Особенно хорошо занимаются в кружках дети советских казаков. Из них растут лихие кавалеристы, которые в рядах красной конницы будут защищать нашу родину, если на нее нападет враг.

Многие ребята уже показали отличное искусство верховой езды. Пионерка Надя Сланова вместе со взрослыми казаками-кавалеристами ездила в Ростов на Дону на слет лучших кавалеристов края.

В Краснохолмском районе, Оренбургской области, на празднике окончания сева были устроены двухкилометровые скачки на неоседланных лошадях, и победил в этих скачках четырнадцатилетний Ваня Роговой. Семен Михайлович Буденный рассказывает, что в Москве в осоавиахимовской школе один пионер прыгнул на лошади 7 метров в длину. Семен Михайлович говорит, что это — отличное спортивное достижение.

ВОРОШИЛОВСКИЕ КАВАЛЕРИСТЫ

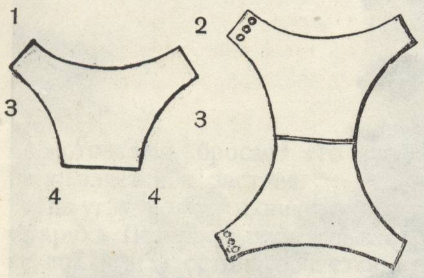

На этом снимке — 14-летний Алексей Корец, один из лучших кавалеристов колхоза „Красный семенник", Славянского района, Азово-Черноморского края, пробует остроту своей шашки перед состязанием на рубку лозы.

Сколько можно пройти за сутки

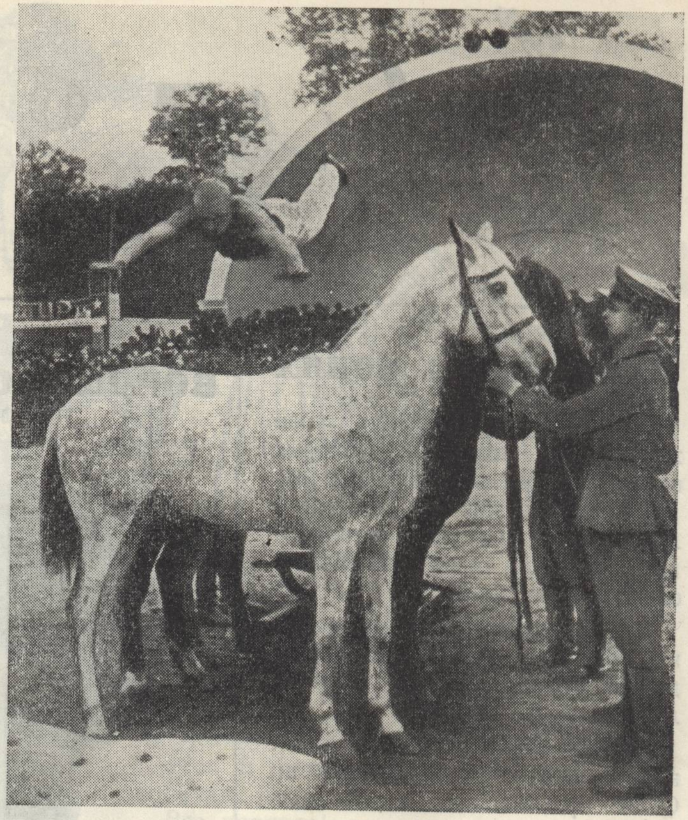
Задайте своему товарищу этот вопрос. Пусть он попробует сообразить. Но никто, вероятно, не назовет настоящей цифры. Француз Дама прошел за 24 часа 214 километров 340 метров! Он же в 1932 году участвовал в пешеходной гонке Париж—Страсбург. Трое суток (точнее 68 часов 33 минуты 12 секунд) он непрерывно шел и прошел за это время 503 километра. Ежедневно в среднем он проходил 175 километров.

ПЛАВКИ

Все пловцы плавают в плавках. Это короткие и узкие трусики. Они плотно облегают тело и не мешают движениям. Плавки легко сделать самим. На них надо 1 метр плотной материи. Прежде всего сделайте из бумаги выкройку плавок. Вырежьте из бумаги треугольник (см. рисунок). Это будет половинка плавок. Затем примерьте его на себе, чтобы найти точные размеры. Самое главное — точно определить размеры, 1—2 и 3—4. Определив размеры, сделайте точную выкройку и по ней разрежьте материю. По краям оставьте запас в 1 сантиметр для шва. Сделайте 2 куска. Еще лучше вырезать 4 куска и сделать плавки двойными.

Затем сшейте обе части плавок (перед и зад) по линии 3—3. Одну сторону плавок сшейте, а на другой сделайте 3 пуговицы или отверстия для шнуровки. Плавки должны тесно охватывать тело, не врезываясь в него.

Прыжок через трех коней на спортивном празднике в Московском парке культуры и отдыха.

Выше собственного роста

Перепрыгнуть через самого себя—выше собственного роста с поднятыми руками—долго не удавалось никому из легкоатлетов. Первым прыгнул выше двух метров знаменитый американский прыгун Осборн. После него другие американские прыгуны сантиметр за сантиметром стали прыгать все выше и выше. Сейчас мировой рекорд принадлежит американцу Марти. Его рост всего 1 метр 67 сантиметров, а прыгнул он на 2 метра 6 сантиметров. Выше двух метров до сих пор прыгнули только два американца и два финна.

Интересно, что Осборн, хотя ему около сорока лет, прыгает до сих пор и ни разу не прыгнул ниже 190 сантиметров (наш всесоюзный рекорд 190,5 сантиметра). Осборн начал заниматься спортом с 15 лет.

Самые старые рекорды

Ежегодно несколько мировых рекордов заменяется новыми. Каждый год кто-нибудь проплывает на секунду быстрее, или пробегает на одну десятую секунды скорее, или прыгает на один сантиметр дальше.

Правда, за какую-нибудь одну десятую секунды спортсмены сражаются годами. Американец Ускер пробежал в 1902 году 100 метров в 10,4 секунды, и все считали, что быстрее никак нельзя пробежать. Только через 28 лет канадец Вильям сумел отвоевать одну десятую секунды, пробежав в 1930 году 100 метров в 10,3 секунды. С тех пор человек десять повторили этот рекорд, но пока побить его не могли. Правда, негр Толлан пробежал 100 метров в 10,2 секунды, но ему в спину дул легкий ветер, и это время не было признано мировым рекордом.

Ирландец Коннор прыгнул сразбегу в длину в 1901 году на 7 метров 61 сантиметр. Двадцать лет никто не мог его перепрыгнуть. Наконец, американец Гурден придумал новую технику прыжка: он в воздухе делал ногами шаги (этот способ называется прыжок «ножницами»). Это и помогло Гурдену в 1921 году прыгнуть на 7 метров 69,5 сантиметра. Следующего мирового рекорда не пришлось ждать так долго: через три года (в 1924 году) француз Лежендр прыгнул на 7 метров 76,5 сантиметра. Сейчас мировой рекорд — 8 метров 13 сантиметров. Он установлен в 1935 году молодым американским атлетом Оуэном.

Но есть рекорды, которые ждут своего побития очень долго. Какие же сейчас самые старые рекорды в мире?

Это два рекорда по лыжам. В этом году можно отпраздновать их 35-летний юбилей. В 1901 году финн Пелтола прошел 80 километров за 6 часов 42 минуты и 43 секунды, а финн Дальстрем—8 километров за 21 минуту 39 секунд.

Но можно сказать, что лыжные рекорды — дело темное: они зависят не только от человека, но и от местности, от погоды, от снега, от лыж.

В таком случае два самых старых рекорда принадлежат американцу Эври: он в 1903 году сделал тройной прыжок с места (т. е. сделал три прыжка один за другим) на 10 метров 89 сантиметров. А в 1904 году он прыгнул с места в длину на 3 метра 47 сантиметров. С тех пор его никто еще не перепрыгал.

Другой старый рекорд — англичанина Ларнера: он в 1905 году прошел за один час 13 275 метров. С тех пор никто не прошел за час больше хотя бы на сантиметр.

Первые рекорды 1936 года

Первые три всесоюзных рекорда летнего сезона 1936 года установили Иоселиани (Тифлис), Нина Думбадзе (Одесса) и Мария Соколова (Москва). Иоселиани прыгнул с места в длину на 3 метра 26 сантиметров. Думбадзе прыгнула с места в длину на 2 метра 52 сантиметра, Соколова проплыла 200 метров в 3 минуты 5,8 секунды.

Скиппинг

Так называется специальная тренировка боксеров и бегунов. Каждый боксер ежедневно занимается 10 минут скиппингом, отдыхая по 1 минуте через каждые 2—3 минуты скиппинга.

Скиппингом же занимаются и многие девочки. Скиппинг — это веревочная прыгалка. Она очень хорошо развивает ноги и все тело. Для бегуна ноги — главное. Для боксера крепкие ноги также очень важны, чтобы удержаться на ногах после удара, да и для нанесения удара надо иметь крепкую опору в ногах.

Обычно скакалка у боксера толщиной в палец. Длина ее зависит от роста спортсмена. Встав на середину скакалки, ее натягивают ввиде римской цифры V. Концы ее держат в кулаках на уровне пояса.

Есть два способа скиппинга: американский и способ французского боксера Шарпантье.

При американском способе боксер прыгает через скакалку поочередно каждой ногой.

По способу Шарпантье — на каждой ноге надо подпрыгнуть два раза и скакалка проходит два раза подряд под одной и той же ногой.

Филипп второй, король испанский

Столица Испании Вальядолид праздновала встречу со своим молодым королем. Филипп II недавно получил корону от отца, совершил длительный об'езд своих огромных владений и теперь возвратился на родину. Его заставили поторопиться вести о том, что и в Испании, как в большинстве стран Европы, распространились ереси, отклонения от католической веры. Король торопился их раздавить.

В страшной обстановке произошла первая встреча короля с народом — на казни. Это была не обыкновенная казнь, а так называемое ауто да фе — дело веры. Тор-

жественно, с праздничной пышностью казнили не разбойников, воров и убийц, а всеми уважаемых мирных граждан. Вся их вина заключалась только в том, что они осмелились молиться по-своему. Но эта вина в глазах церкви и короля была хуже любого преступления.

С шести часов утра в Вальядолиде зазвонили колокола. На площади, перед собором св. Франциска, были приготовлены галлерея для короля, высокая платформа для членов священного суда — инквизиции — и эшафот. По улицам двинулась мрачная процессия. Вслед за отрядом войск шли в сопровождении монахов осужденные. Их искалеченные пытками тела были целиком зашиты в сан-бенита — длинные мешки из желтой материи. На головах—конические картонные колпаки. А на мешках и колпаках нарисованы были муки, ожидавшие их в аду. Как будто этим беднягам мало было тех мук, которые они уже вынесли в застенках инквизиции!

Площадь и ближайшие улицы были полны народом. Всем, кто присутствовал на ауто да фе, церковь давала прощение грехов на 40 дней вперед.

Король сидел, окруженный блестящей свитой. Его лицо было, как всегда, мрачно и неподвижно. Оно оживилось лишь на миг, когда один из осужденных, Дон Карлос де Сасо, по дороге на костер остановился перед королевской галлереей.

— Зачем ты мучаешь своих невинных подданных? — грустно спросил он.

Бесцветные глаза Филиппа блеснули.

— Если бы мой сын был еретиком, я сам сложил бы костер, чтобы сжечь его, — ответил король.

И он действительно готов был во славу бога сжечь своего сына, своих подданных, разорить всю страну.

Велики были владения Филиппа. Этот узкий, ограниченный и жестокий человек был королем Испании, Неаполя и Сицилии и герцогом Миланским. Ему принадлежали Нидерланды — самая цветущая и населенная область Европы. В Африке ему принадлежали Канарские острова, Тунис и Оран, в Азии — Филиппинские и Молукские острова. В незадолго перед тем открытой Америке Филипп владел Мексикой, Перу и Вест-Индией. «Во владениях нашего короля никогда не заходит солнце», — говорила кичливая испанская поговорка.

Испанская армия была грозой Европы. Армию составляли старые солдаты, закаленные парни, ничего не знавшие кроме войны. Они победно прошли по всей Европе под командой Карла V, отца Филиппа. Они вместе с Пизарро и Альмагрой перевалили через Анды в Южной Америке и покорили древнее государство инков.

Ни одна страна не могла выставить столько кораблей, сколько было у Испании с Нидерландами. Даже Англия в начале царствования Филиппа должна была признать его повелителем океанов.

Филипп не любил двигаться. Он редко сам предводительствовал войсками, редко об'езжал свои владения. Он предпочитал тишину кабинета. Ему нравилось думать, что отсюда, скрытый, незаметный, молчаливый, он управляет миром.

Филипп ездил из своей столицы только в Эскуриал, монастырь в нескольких часах езды от Мадрида. Он сам построил его и выбрал для этого совершенно голую, без единого деревца, выжженную долину. Монастырь был величествен, но угрюм и холоден, а вокруг была дикая, безлюдная пустыня, но именно это и нравилось Филиппу.

Владыка огромных земель, Филипп не переносил пространства. Он любил закрытые двери и окна. Предпочитал небу тяжелые своды церквей. Человеческую мысль он также стремился ограничить рамками своих законов и религии.

Во второй половине XVI века, когда царствовал Филипп, уже сильно развилась промышленность, был сделан ряд великих географических открытий: были открыты Америка и морской путь в Индию. Представления людей о природе менялись. То об'яснение мира, которое давала церковь, уже не удовлетворяло. Церковь теряла власть, но она отчаянно боролась. Величайшего ученого Галилея пытками заставили отречься от его открытия. Земля не может вертеться вокруг солнца: это противоречит священному писанию. Другой великий ученый, Джордано Бруно, был сожжен.

Инквизиция строго следила за тем, чтобы выполнялись даже мельчайшие правила католической религии. Следила за мыслями людей. Если бы кто-нибудь осмелился вступиться за женщину, которую жгли на костре за колдовство, и сказал, что колдовства не существует, он сам немедленно отправился бы на костер.

Церковь верила в ведьм: не верить в них—значило выступать против церкви.

Все свое могущество Филипп употребил на укрепление католической церкви.

«— Лучше не царствовать вовсе, чем царствовать над еретиками», — говорил он, громя Нидерланды, когда там распространилось протестантство. Филипп усеял всю страну тюрьмами и кострами инквизиции. Но Нидерланды не сдались. Разоренная своим королем, залитая кровью, страна подняла восстание. Нидерландцы об'явили Филиппа низложенным, как убийцу, палача и разбойника.

Началась долгая борьба Нидерландов за свою независимость. Бельгийский писатель Шарль де Костер написал об этом замечательную книгу. Эта книга основана на старинных народных легендах, так она и называется — «Легенда о Тиле Уленшпигеле». В ней де Костер изобразил Филиппа таким, каким он сохранился в памяти нидерландского народа.

Вот что рассказывается о детстве короля:

«Жалкий отпрыск царственного властелина жил в тоскливой угрюмости. Дамы и кавалеры видели, как тащится по покоям и переходам замка Вальядолида его тощее тело на неустойчивых ногах, едва несших тяжесть его безобразной головы, косматой и белобрысой.

Возвратившись однажды из похода, император спросил, почему не вышел к нему навстречу сын его Филипп.

Архиепископ, воспитатель инфанта, ответил, что принц не захотел выйти, об'явив, что любит только книги и одиночество. Император осведомился, где находится инфант.

Воспитатель полагал, что принца надо искать в каком-нибудь темном закоулке; так они и сделали.

Они прошли длинную вереницу комнат, пока набрели, наконец, на какой-то чулан без пола, освещаемый только дырой. Здесь они увидели вбитый в землю столб, на который подвешена была маленькая обезьянка, как-то присланная из Индии в подарок его высочеству, чтобы позабавить его ужимками зверька. Внизу дымились еще тлеющие дрова, и в чулане стоял отвратительный запах жженого волоса.

Зверек так страдал, издыхая, что его маленькое тельце ничем не напоминало некогда живое существо, но, скорее, походило на какой-то искривленный, шишковатый корешок.

— Кто сделал это? — спросил император. Воспитатель не посмел ответить, и оба стояли в молчании, мрачном и гневном.

Вдруг в этой тишине из темного уголка за ними послышался тихий звук, точно кашель. Император обернулся и увидел инфанта. Филипп был в темной одежде и сосал лимон.

— Ты это сжег здесь зверька?

Инфант опустил голову.

— Если ты был достаточно жесток, чтобы сделать это, то будь же достаточно смел, чтобы признаться, — сказал император.

Инфант не ответил ни слова.

Тогда император вырвал лимон из рук сына и собрался было поколотить Филиппа, пустившего от страха воду. Архиепископ удержал его величество и шепнул ему на ухо:

— Его высочество прославится сожжением еретиков.

Император улыбнулся, и они вышли, оставив инфанта с его обезьяной.

Взрослый Филипп никогда не смеялся и не плакал. Он был всегда мрачен. Он развлекался игрой на своем живом клавесине — ящике, где были заперты кошки. Когда король ударял по клавише, она ударяла иглой по кошке, животное мяукало и визжало от боли. Но Филипп не смеялся.

Он пребывал в неизменной злобной тоске. В бессильном честолюбии молил он господа как-нибудь даровать ему мощь победить Англию, покорить Францию, завоевать Милан, Геную и Венецию, стать владыкой морей и царить над всей Европой.

Он хотел обратить все Нидерланды в одну большую могилу и сбросить в нее всех жителей страны. И весь народ фландрский с ужасом представлял себе, как там, в мрачной твердыне Эскуриала, сидит этот коронованный паук с длинными ногами и разверстой пастью и плетет паутину, чтобы запутать их и высосать кровь их сердца».

Таким представлялся Филипп народу.

Таков ли он на портрете?

Этот портрет принадлежит великому итальянскому художнику Тициану. Тициан писал его для самого Филиппа и для его придворных. Но настоящее искусство всегда правдиво. Стоит внимательно вглядеться в это мертвенное, надменное лицо, и за чинной пышностью парадного портрета встает подлинный облик ханжи и палача.

Н. Ильина

Поездка в Ак-Булак

Проф. М. С. Навашин

В погоне за затмением

Мы уложили наши приборы, сели на поезд в Москве, на Казанском вокзале, и поехали в маленький городок Ак-Булак, в Казахстан, между Оренбургом и Актюбинском.

Об этом городке говорили в те дни во всем мире. Туда прибыли астрономические экспедиции, советская и американская. 19 июня через Ак-Булак должна была пройти полоса полного солнечного затмения!

Мы также ехали наблюдать затмение.

Но наша экспедиция была совсем особая. Нас было двое — я и Елена Николаевна Герасимова. Мы не астрономы, а ботаники. В астрономии мы только любители.

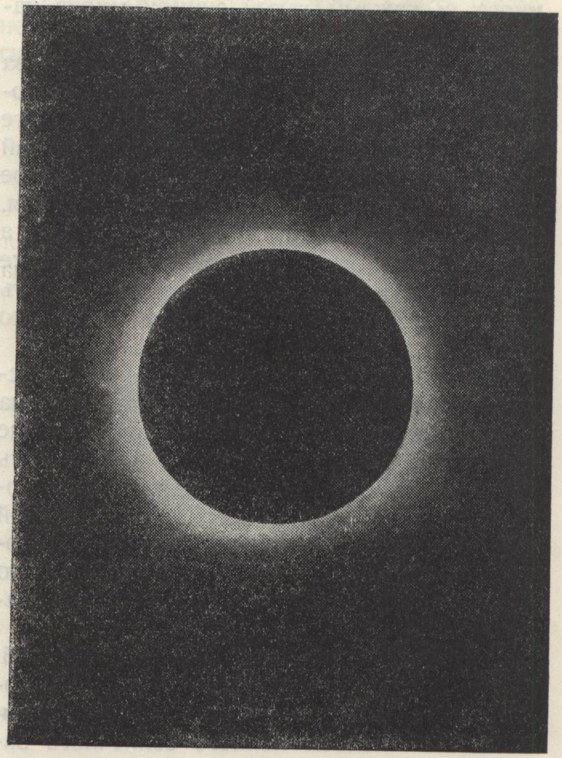
Правда, любители нередко также приносят пользу астрономии. Бо́льшую часть комет и новых звезд открывают любители. А в прежние времена любители делали огромной важности астрономические открытия. Один из величайших астрономов всех времен, Вильям Гершель, живший в Англии в конце XVIII и начале XIX века, тоже был любителем; по профессии он был музыкант.

Помимо астрономических наблюдений меня очень давно интересует постройка телескопов. Начав еще мальчиком, я понемногу научился делать большие и сильные телескопы, в которые можно видеть и фотографировать не хуже чем в «настоящие», изготовленные в специальных мастерских и сто́ящие огромных денег.

Всегда интересно построить инструмент своими руками. А построить его может всякий, если не пожалеет труда. Может быть, когда-нибудь я расскажу в «Пионере», как устроить настоящую, хорошую зрительную трубу, в которую можно рассмотреть и солнечные пятна, и горы на луне, и планеты, и туманности, и много других замечательных вещей.

Я наблюдал солнечное затмение больше 20 лет назад, в августе 1914 года. К несчастью, в тот самый момент, когда наступила полная фаза, большое облако закрыло солнце, и я так ничего и не увидел.

Человеку, интересующемуся природой, просто обидно прожить жизнь, не увидав ни разу полного солнечного затмения. Есть еще несколько великих явлений природы,

Полная фаза затмения. Видна корона и большие протуберанцы. Самый большой из них имеет высоту 100 тысяч километров, т. е. в 8 раз больше поперечника земли.

которые хорошо бы видеть хоть раз в жизни. Это — извержение вулкана, землетрясение, буря на океане. Но не всегда удается добраться в те страны, где они бывают, да и предвидеть их нельзя. Место же и время затмения всегда известны заранее, и можно дождаться такого затмения, наблюдать которое не так уж трудно поехать.

О нынешнем затмении я узнал еще 25 лет назад, прочитав старую популярную книгу знаменитого французского астронома Фламмариона «Живописная астрономия». В ней есть длинный список всех солнечных затмений, которые произойдут в XX, XXI и XXII веках, и начерчены даже карты, где они будут видны. Так что уже несколько десятилетий назад я знал, что 19 июня 1936 г. полоса полного солнечного затмения пройдет от Черного моря через оренбургские степи и Сибирь до Тихого океана.

Мы собирались сфотографировать на этот раз отдельные моменты частной фазы затмения (до и после полной фазы), а самое главное, конечно, солнечную корону. Хороших снимков солнечной короны не так много, и каждый такой снимок имеет научное значение.

Дело в том, что очень важно следить за изменениями, которые происходят в короне. Но видеть корону можно только в те немногие секунды, когда весь солнечный диск закрыт луной. Понятно, что за такое короткое время изменений заметить нельзя. Если бы наблюдатель не стоял на месте, а двигался бы с запада на восток с такой же скоростью, как луна, он мог бы следить за короной, пока лунная тень бежит по земле.

Как ни быстро она бежит, но на все расстояние от Черного моря до Тихого океана ей все же понадобилось 19 июня больше двух часов. За такое время можно заметить даже и не очень быстрые изменения в короне. Беда только в том, что за лунной тенью не угонишься: она движется со скоростью почти километра в секунду. Такую скорость имеет только артиллерийский снаряд.

Но есть другой способ, очень простой: нужно просто заранее расположить наблюдателей с фотографическими телескопами вдоль всей полосы полного солнечного затмения.

То, чего не может увидеть один наблюдатель, увидят десятки других. И, сравнивая между собою снимки всех этих наблюдателей, можно проследить изменения короны минута за минутой, шаг за шагом, как будто мы наблюдали ее все два часа подряд.

Вот почему каждый снимок короны очень важен.

Неужели будет пасмурно?

19 июня подходило, и все чаще закрадывалась мысль: а вдруг не будет ясной погоды? Удастся ли увидеть затмение? Об этом писали все газеты. Об этом говорили всюду.

Впрочем, нет, не всюду: о погоде не говорили или по крайней мере старались не говорить в Ак-Булаке!

Ведь астрономы готовились к этому дню несколько лет, строили специальные приборы, разрабатывали планы наблюдений. Не может же быть, чтобы все это впустую!

Сам заведующий земельным отделом Ак-Булака, говоря с астрономами, делал вид,

Профессор Герасимович, начальник советской экспедиции, осматривает спектограф.

что погода его совсем не интересует. А не интересовать она его не могла: вот уже полтора месяца стояла засуха.

Мы приехали в Ак-Булак 16 июня, рано утром. И нас встретил... дождь. Первый дождь за полтора месяца! К обеду начался ливень с грозой. Старожилы потихоньку передавали, что тут всегда так: уж коли ясно, так ясно, а уж если дождь, то дождь. И все-таки в Ак-Булаке упорно, как бы сговорившись, ни словом не упоминали о погоде.

Астрономическая площадка

На следующее утро, захватив свои приборы, мы поехали на автомобиле на площадку, где расположились советские и американские астрономы. Туда нужно было ехать степью около 13 километров. Степь уже пожелтела. То и дело по бокам дороги раздавался свист сусликов. Впереди, цепочкой, шли холмы с бурыми боками. Площадка была устроена на высоком холме, в самой середине полосы полного солнечного затмения.

Астрономы кончили последние приготовления. Профессор Герасимович, начальник советской экспедиции, осматривал свой спектограф. Его помощник профессор Перепелкин возился у огромной лежачей трубы другого спектографа. Ученый механик пулковской обсерватории Мессер выверял часовые механизмы. А конструктор Пономарев, построивший множество приборов специально для этого затмения, устанавливал зеркала, отражавшие облачное небо.

Американская экспедиция расположилась на другой половине площадки. Слышно было, как там урчал мотор и громко трещали электрические искры. Сам начальник

экспедиции — Менцел, одетый в купальный костюм, лазил по огромному аппарату с зеркалами. Сзади возвышался гигантский телескоп, спрятанный задним концом в зеленую палатку.

Мы также начали располагаться на отведенном нам месте, как раз между советской и американской экспедициями. Признаться, было страшновато. Вдруг нас засмеют за наши самодельные телескопы? Рядом с огромными машинами астрономов наши любительские приборы должны были, в самом деле, казаться смешными.

Наша «обсерватория» состояла из двух зеркальных телескопов — зеркала для них я сделал сам. Один, большой, был деревянный, другой, меньший телескоп, — металлический. К обоим были приложены фотографические аппараты. Подставкой для большого телескопа послужил ящик.

Нам не хватало только флага. Астрономы вывесили флаги над своими лагерями. Только у нас ничего не было. Мы решили было вывесить флаг «Пионера» с портретом Тут-Итама; это было бы совсем кстати, потому что редакция «Пионера» просила нас написать о нашей поездке. К несчастью, сделать полотнище было не из чего. Так наша «экспедиция» и осталась без флага.

Бессонная ночь

Едва приехав на площадку к концу дня 18-го числа, мы узнали о смерти Горького. Весть эта не была неожиданной: мы знали, как тяжело он болен. Но все на время забыли о том, для чего приехали сюда, когда громкоговоритель непривычно печальным голосом проговорил: «Товарищи, Горький умер...»

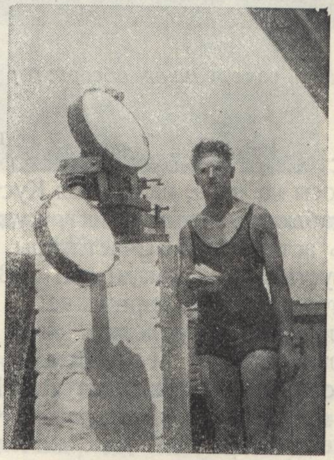
Последний вечер перед затмением был пасмурный.

Астрономы ходили мрачные. Было холодно. Ветер нес пыль и мелкие камешки, и пыль могла засорить инструменты, особенно астрономические часы (хронометры) и часовые механизмы, двигавшие зеркала спектографов.

Все эти дни астрономы боялись за инструменты. Их могла испортить не только пыль, но и саранча, которая как неприятельская армия начала было скопляться у подножья нашего холма. Из Ак-Булака выслали отряды рабочих; они рыли вокруг холма канавы, сыпали отраву. В последний день летал даже аэроплан, опылявший степь ядом.

В лагере прибавилось людей: специальные корреспонденты газет и фотографы остались ночевать.

Солнце село в густую тучу. Спать никто не мог: одни потому, что были заняты, другие — от беспокойства и досады. Все очень

Начальник американской экспедиции профессор Менцел стоит в купальном костюме возле аппарата с зеркалами — целостата.

нервничали и не находили себе места. То один человек, то другой выходил на свободное от приборов место и долго стоял, подняв голову кверху: старался определить, откуда идут тучи. Это, впрочем, никому не удавалось: тучи нето стояли на месте, нето медленно кружились над нами, — разобрать было нельзя.

Спокойствие сохранял только милиционер, мерным шагом обходивший вокруг лагеря.

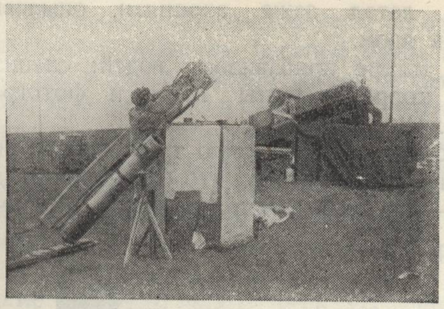
Утро

Рассвет показался еще хуже ночи. Все было затянуто тучами, только на востоке, как и вечером, светилась ясная полоса.

Дул порывистый ветер, но тучи стояли на месте, как приклеенные.

Между тем время шло.

Прилетел на аэроплане непременный секретарь Академии наук Николай Петрович Горбунов. Он также с беспокойством следил за небом.

Наша самодельная обсерватория.

На востоке от Ак-Булака, в сторону светлой полосы на небе, находился Кустанай — другой наблюдательный пункт, куда также с'ехались астрономы. «Счастливцы, кто поехал в Кустанай, — думали мы. — Вот, если бы полететь туда на аэроплане!

В самом деле, не полететь ли?»

Я сказал об этом Горбунову.

И мы совсем собрались лететь. Но хорошо, что не полетели: как раз в Кустанае с'ехавшиеся астрономы так ничего и не увидели: солнце не показалось из-за туч.

В последний раз проверяем свои приборы. Вкладываем в кассеты свежие пластинки. Все готово, остается только ждать. До начала полной фазы два часа. Может быть, еще прояснится?

Со всех приборов в лагерях астрономов сняты чехлы, и мы видим блестящие зеркала, золоченые части инструментов. Американские приборы блестят как серебро: они из особого магниевого сплава, почти такого же легкого, как дерево. Вот сняли крышку и с большого американского телескопа.

Со стороны Ак-Булака медленно подошел поезд и остановился в степи, прямо против нашего холма. Издали было видно, как с него посыпались люди. Вскоре большая толпа уже бежала вверх по склону холма: спешили занять места поудобнее.

И вдруг тучи начали расходиться! С каждой минутой ясный край неба на востоке становился шире.

Вот облака зажег первый солнечный луч, и все небо засияло.

Холм приглушенно гудел тысячами голосов. Колхозники, рабочие, школьники, учителя, профессора, врачи, инженеры, старики, молодые, дети — все расположились позади площадки. Один пионер расставлял свой самодельный аппарат для фотографирования затмения. Несколько любителей тоже устанавливали аппараты.

„Открыть кассеты, началось!“

Все чаще поднимались руки с темными стеклами или очками, все больше сощуренных лиц поворачивалось к солнцу. Мы следили по часам: первое соприкосновение луны и солнца («первый контакт», как говорят астрономы) должно было произойти в 6 часов 11 минут утра по московскому времени.

Мы установили свой меньший телескоп так, чтобы изображение солнца можно было отбросить на большой лист белой бумаги как на экран. Совсем незадолго до начала мы навели трубу, и на нашем экране появилось солнце величиной с поднос; на нем были видны великолепные большие пятна.

Но вот на краю солнца наметилась маленькая щербинка. По всему холму прокатился гул голосов. Мы начали фотографировать.

Когда от солнца остался только узкий серп, освещение резко изменилось. Все вокруг пожелтело. Степь подернулась мглой, на западе мгла сгущалась. Быстро холодало. Тени стали особенно резкими.

Зрители притихли. Астрономы застыли на своих местах.

Сейчас начнется!..

Профессор Перепелкин следил в небольшой телескоп за солнцем. Он должен был подать сигнал. Две минуты до полной фазы. Одна минута. Полминуты.

Раздалась громкая команда:

— Приготовиться! Открыть кассеты!

Среди совершенной тишины глухо захлопали кассеты.

Стало уже так темно, что нужно было вглядываться, чтобы хорошо видеть кругом. Еще секунда — и свет погас.

В темноте раздался голос: «Началось!»

Настала полная тишина, нарушаемая лишь стуком секундного маятника и голосом жены начальника американской экспедиции: она громко отсчитывала по-английски секунды: «Раз, два, три, четыре, пять...»

И вдруг в этой тишине звонко запел жаворонок.

Небо было сейчас густого стального цвета с сиреневым оттенком. На месте солнца появилась лучистая корона, она была нежносеребристая с шолковым блеском. В середине короны стоял черный круг луны. «Черный» — это, впрочем, слабое слово: он был абсолютно черный, чернее всего, что есть на свете.

Серебряным светом сияла Венера; около нее слабо засветился красноватый Марс. По горизонту загорелась кровавокрасная заря.

Я смотрел на это секунду и затем больше не видел уже ничего кроме нашего аппарата. Как я наводил аппарат, не помню. Но когда я увидел изображение на стекле, то не мог удержаться и вскрикнул. Бархатночерный круг луны был обведен огненнокрасной прерывистой линией. В нескольких местах на ней горели как рубины большие протуберанцы.

Первый снимок стоил страшного труда: от волнения не слушались руки. Второй сделали легче, вот и третий готов. Приготовились к четвертому.

И вдруг, что это? Откуда этот резкий свет?

Поднимаю голову — короны нет, на посветлевшем небе уже разгорается краешек солнца. Неужели все кончилось, неужели прошли все 117 секунд? Казалось, прошло полминуты, не больше.

Площадка шумела множеством голосов. Все вдруг стало обыкновенным. Астрономы ходили у своих, теперь уже ненужных приборов. Совсем близко от нас раздался корректный голос милиционера: «Граждане, явление кончилось!»

Большой телескоп американцев, похожий на пушку.

И площадку окружили любопытные, разглядывая приборы, все еще наведенные на то место неба, где какую-нибудь минуту назад произошло событие, ради которого мы приехали в Ак-Булак.

□ □ □

ПОЧТА

Даже те ребята, которые остались на лето в городе в этом году, тоже могут неплохо отдохнуть и развлечься. У нас сейчас столько детских парков и садов, что только выбирай, куда пойти. Устроены эти парки по инициативе секретаря Московского комитета партии Никиты Сергеевича Хрущева. В парках хорошо: спортивные площадки, качели, уголки водников, изобретателей и десятки разных аттракционов и игр. В Коминтерновском парке есть гриб-ловушка. Встанешь под гриб с ребятами, чуть нажмешь по секрету рычажок — и по краям гриба потекут быстрые струи воды. Вот и не выйдешь из-под гриба.

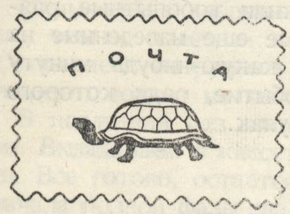
А веселые горки, тиры, гигантские шаги, городки!

Пойдите, ребята, сами и посмотрите, как хорошо и весело в детских парках.

Такие парки есть во многих городах.

А там, где их нет, ребята должны энергично добиваться, чтобы и у них было место разумного веселого отдыха.

Прочитайте, ребята, в сегодняшней «Почте» письмо Бориса Фадеева. Может быть, и вы у себя во дворе устроите цирк или зверинец.

Наш цирк

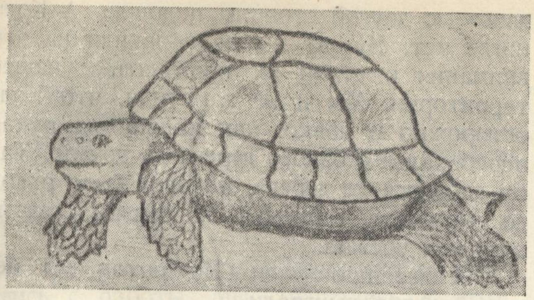
Письмо Бориса Фадеева

Москва, Садовая-Землянка, д. 83, кв. 5

Жил я тогда в городе Иванове. Я, Костя Морозов и Миша Репьев любили ходить в цирк и ходили туда очень часто. Однажды мы увидели выступление дедушки Дурова с его зверями и нам очень захотелось устроить свой цирк.

Наш дом окружал большой сад. Во дворе у нас стояли два сарая. Между этими сараями был проход. И вот в этом проходе мы устроили цирк. Сделали сцену и скамейки для зрителей. У меня были черепаха и кролики. У Кости была ручная галка. Он достал ее совсем маленькую, и ему стоило больших трудов ее выкормить. Зато теперь галка сидела у него на плече, и если кто-нибудь хотел ее взять или погладить, то она больно клевалась. У Миши был кот. Кот этот был очень ленивый. Когда Миша приносил его в цирк, он ложился и закрывал глаза, делая вид, что спит. А потом старался убежать. Кот этот умел прыгать через руки. Миша поднимал одну руку на полметра от пола, а другой гладил кота и приговаривал: «Вася, прыгни, Вася, прыгни!» — и кот прыгал. Кролики ничего не умели делать, и мы клетки, в которых они сидели, поставили по бокам сцены, просто для вида. Мы об'явили ребятам в соседних дворах, что у нас будет представление. К нам в цирк собралось ребят человек пятнадцать.

На сцену вышли Пат и Паташон. Это были я и Миша. У меня были нарисованы усы, как у Пата, а Миша, который был за Паташона, нарочно пригибался и ходил очень смешно. Мы сами придумали смешную сценку, и всем ребятам это понравилось. Потом на сцену вышел Чарли Чаплин. Это был Костя. Он где-то нашел старые большущие ботинки с загнутыми носами, и они все время сваливались у него с ног. Он начал кувыркаться и играть со своей тросточкой. Ребята все нам аплодировали. Потом мы демонстрировали наших животных. Костя вставал на черепаху и делал всякие фокусы. Кот прыгал через мишину руку, и галка садилась на плечо Косте. Ребята остались очень довольны цирком и спрашивали, когда будет следующее представление. Мы назначили его через шесть дней.

Это моя черепаха.

Неожиданно в наш зверинец попал еще один экземпляр—сыч. Во время большого дождя он залетел в открытую дверь дома и остался там. Мы были очень рады новому гостю. Сыч был молоденький с большой белой головой с зелеными глазами. Говорили, что совы, сычи и филины ничего днем не видят. Это неверно. Эти птицы днем хорошо видят. Это мы узнали на своем сыче. У него были очень большие уши и тонкий слух.

Днем совы и сычи большей частью спят. А ночью благодаря своему тонкому слуху они слышат малейший шорох и могут охотиться. Сыча своего мы кормили свежим мясом. Когда к нему подходили ребята, он как-то с'еживался, становился похож на большой комок и страшно щелкал языком.

Тут у нас случилось несчастье. К нам приехал один знакомый охотник. У него была гончая очень злая собака — Карай. У Карая полхвоста оторвали волки, но зато и волкам от него очень досталось. Хозяин привязал его к сараю, не зная, что за углом сарая находятся кролики. Карай их сразу почуял. Сорвался с цепи, разломал клетки и разорвал трех кроликов в клочья. Рядом с клетками кроликов стояли клетки с сычом и галкой. Он их тоже разорвал. И из всего нашего зверинца остались в живых одна черепаха да кот Васька, который во время налета Карая лежал дома, на печке. Горе у нас было большое. Да не только у нас, а и у наших зрителей.

Скоро я уехал в Москву и взял с собой черепаху. Выпустил я ее как-то в Москве во двор погулять. Ее увидал наш дворник и несколькими сильными ударами камней разбил ей панцырь. Когда я стал его спрашивать, зачем он это сделал, он сказал, что хотел посмотреть, что у нее внутри находится. Через несколько дней она умерла. А дворник меня успокаивал. Он говорил, что у него брат живет в Африке.

— Я ему напишу письмо, он тебе привезет целого крокодила.

Но крокодила его брат из Африки так и не прислал до сих пор.

ПОЧТА

Игра в саду

Письмо Юры Алексеева

Москва, 3-й Тверской-Ямской пер., д. 7/44, кв. 15

В прошлом году я проводил лето в городе. В нашем доме, кроме меня, было еще много ребят, которые никуда не уехали.

Но мы совсем не скучали. Мы очень часто ездили за город, а еще чаще устраивали в соседнем саду военные игры. Этот сад очень большой. Там растут липы, березы и сирень.

Посреди сада стоит фонтан. Фонтан обложен камнями. Правее фонтана—деревянная горка. Она очень помогала нам во время игры.

Было нас человек десять. Разделились мы на две партии и начертили границы. Одна партия была «синей», а другая — «красной».

На расстоянии двух метров от забора на каждой площадке мы поставили знамя. Задача заключалась в том, чтобы похитить знамя противника. Первый раз мы были «красными». В нашей партии был Жека Полянский. А Жека такой ловкий, что его никак не поймаешь. Он бегает быстрее всех.

Он говорит мне:

— Юрка, сейчас я часового буду обманывать, он за мной побежит, а ты бери знамя скорей.

Мы побежали с Жекой. Сначала мы прятались за выступами фонтана, а потом сразу выскочили и—прямо к знамени.

Часовой противника на меня и не посмотрел, а скорей к Жеке кинулся. Жека его все заманивал дальше и дальше. Я уж совсем к знамени подбежал, схватил его и побежал, а у самой границы меня догнали. Пришлось отдать знамя обратно.

А в партии «синих» был Коля Рыжкин. Он очень ловко обманывал противника.

И вот какой он придумал план. Со всех сторон на нас стали наступать «синие». Один вдруг с'ехал с деревянной горки, двое — с другой стороны подошли. А Коли нигде нет. Ну, да мы не обратили на это внимания и стали их прогонять с нашей территории. Мы и не заметили, что Коля осторожно и ловко, как кошка, на руках перебирался с одного дерева на другое. Так он добрался до дерева, которое было рядом со знаменем, спрыгнул на землю, схватил знамя и убежал.

Так мы проиграли. Но потом мы несколько раз выиграли.

Приключения в лесу

Письмо Вани Шелгунова

Западносибирский край, Новичихинский район, село Новичиха

День был очень жаркий. Мы лежали в лесу, среди кустов. Было слышно, как о берег плескались воды небольшой речушки. Вдруг каркнула большая черная ворона, а затем поднялась громадная стая ворон.

Приближалась осень, и над нами пролетела стая журавлей. Мы пошли к берегу реки.

— Ох, как много птиц! — воскликнул с удивлением Павлик.

Птиц действительно было много, от их крика у меня даже зазвенело в ушах. Мы с шумом выскочили на берег, в тот же миг вожак издал резкий крик и вся стая взлетела. Мы понаблюдали за их полетом, пока они не исчезли с глаз.

Речка после дождей разлилась, затопила кустарники, и посредине реки высился небольшой островок.

Здесь было очень хорошо. Мягкий ветерок рябил воду, было тихо и спокойно. Отдохнув на берегу и искупавшись, мы пошли обратно домой.

По пути мы вспугнули зайца. Павлик быстро кинул палку в зайца, и тот, прихрамывая, пустился бежать. Павлик с криком помчался за ним, но на пути зацепился за пень и растянулся на траве. А заяц бежал между кустарниками и вскоре совсем скрылся из виду. Я присел возле Павлика. У него на лбу багровела огромная шишка. Возле кустарника валялась переломленная пополам палка: она, видно, слегка задела зайца, потом ударилась о дерево и сломалась.

Посидев с полчаса, мы пошли домой. Павлик еще долго ворчал, вспоминая про зайца.

До деревни было километра три. Дорога шла около леса и, извиваясь, уходила в степь. Там были видны крыши домов, слышался лай собак. По дороге нам встретился одинокий путник, который, видимо, торопился на станцию, чтобы поспеть к вечернему поезду. Наступал закат. На небе показалась красная полоса, порозовели облака. Вдруг какой-то зверь мелькнул среди деревьев. Мы бросились догонять его. Это была лисица. Про лисиц у нас в деревне говорили много, потому что у нас они встречаются редко. Мы затаили дыхание и стали наблюдать за ней. Ветер дул в нашу сторону, и лиса, видно, нас не замечала. Пригнувшись, она внезапно бросилась в сторону, и в лапах ее оказалась мышь. Так она сделала несколько раз.

Потом лиса убежала в лес. Было уже поздно. На небе появились звезды. Показался блестящий серп луны. Где-то раздавался крик совы. Мы пошли домой.

В ночном

Письмо Сени Соловьева

Западная область, ст. Глинка, Ляховский сельсовет, Б. Холмская, неполная средняя школа

Наступал вечер. Колхозники уже возвращались с работы. Мы собирались в этот вечер ехать в ночное. Как только мы услышали ржанье лошадей, Петя сказал:

— Пойдемте, ребята, поможем колхозникам распречь лошадей.

Мы побежали к тому месту, где слышалось ржанье.

Мы бежали лесом и, когда выбежали на зеленую лужайку, увидели, что колхозники уже распрягли лошадей.

Мы вскочили на лошадей. Ваня сказал:

— Ну, теперь полетим, как стрелы.

Мы проехали быстрой рысью через лес и на большой поляне остановились. Слезли с лошадей, спутали им ноги и пустили.

— Давайте разведем огонь, — предложил Саня.

Мы набрали дров, сухой соломы и стали разводить костер. Пока мы разводили костер, стало совсем темно. Мы собрали лошадей в кучу и уселись около огня. Ночь была тихая... Комаров было очень много, они все время кусали нас. Наевшись, кони подошли ближе к костру, и некоторые из них тут же улеглись. Мы закутались в полушубки и задремали. Стало совсем тихо. Слышался только мерный храп и сопение лошадей. Когда мы проснулись, было уже около полуночи. Костер наш совсем догорел, и только еле-еле тлели угли. Мы опять набрали дров и положили в костер. Опять яркое пламя далеко осветило лужайку. Кони лежали, а некоторые ходили по лужайке и щипали траву. Мы обошли всех лошадей, сосчитали их. Все лошади были на месте. Мы спокойно вернулись к костру. Спать больше не хотелось. Петя зарядил берданку. Вася что-то вырезывал из палки. Мы с Саней начали печь картошку. От картошки приятно попахивало дымом, она была горячая, вкусная, и мы с большим апетитом с'ели ее. Мы опять подбросили сучьев в костер и уселись в кружок. Вася стал рассказывать, как ездил с отцом в ночное. Вдруг лошади громко заржали и сбились в кучу. Некоторые начали носиться по лужайке. Петя схватил ружье, и мы обошли лошадей. Нигде ничего подозрительного видно не было. Один жеребенок бегал взад и вперед по лужайке и громко ржал. Тогда мы пошли в глубь лужайки и увидели два зеленых огонька и еще два.

— Волки! — закричал Петя.

Он быстро прицелился в огоньки, выстрелил. Волки залязгали зубами. Тогда Петя выстрелил еще раз. Один из волков жалобно завизжал и отскочил. Огоньки пропали. Мы очень осторожно подошли к тому месту, где были волки, и увидели, что один волк убит. Мы принесли зверя к костру. Уже стало светать, когда лошади отошли от костра. Мы перестали кидать в костер дрова, и он погас. Когда взошло солнце, колхозники пришли за лошадьми. Мы рассказали им про нашествие волков, и они похвалили нас за то, что мы не струсили и спасли стадо.

Моя охота

Письмо Володи Цитоша

Крым, Евпатория, санаторий № 4 им. Красных партизан

Пошли мы с ребятами на охоту. Отбился я от товарищей и иду один с ружьем по тайге. Кругом тихо, только под ногами ломаются сухие ветки. Иду я уже два часа с лишним. Должна бы быть тут тропа, а тропы все нет. Прошел я еще километра четыре и начал беспокоиться. Как же, думаю, найти дорогу домой? Лег отдохнуть. вдруг вижу: большое дупло в дереве. Я приготовил ружье и жду. На верхушке кедра

показалась белка и начала спускаться к дуплу. Я стараюсь не шевелиться. Нацелился. Нажал спуск, грянул выстрел — и белка свалилась на землю. Поднял я ее, положил в сумку и пошел. Вдруг я вспомнил, что с северной стороны на деревьях бывает мох. Стал смотреть и на сосне увидел с одной стороны мох, начал высчитывать, где находится город Свободный (я там жил), и вдруг вспомнил, что у меня в кармане есть карта. Вынул ее и увидел, что я нахожусь недалеко от реки Зеи, немного севернее города Свободного.

Тут я почувствовал, что сильно проголодался. С собой у меня были соль и хлеб. Я набрал сухого хвороста и начал сдирать шкуру с белки. Потом распотрошил ее, проткнул палкой и начал разжигать костер. Скоро костер запылал, и я стал жарить белку на вертеле. Я все время поворачивал палку, и через несколько минут шашлык был готов. Наевшись, я пошел и скоро пришел к реке Зее; там я убил куропатку и одного фазана, потом пошел по песчаному берегу Зеи домой. Через четыре часа я уже был дома.

Ребята, каждое ваше письмо становится вдвое интереснее, если оно сопровождается рисунком или фотографией.

Присылайте, пожалуйста, письма с рисунками или фотографиями. Пишете вы, положим, письмо о футбольном матче во дворе, или какой-нибудь интересной игре, или о походе, или о каком-нибудь животном, звере, насекомом — присылайте рисунки, фотографии участников матча, пишете про кошку — нарисуйте эту кошку с натуры или по памяти, а то сфотографируйте ее, если есть аппарат.

Присылайте фотографии и без писем, просто вами снятые, хорошие фотографии. Сообщите только, что на них снято, когда, в какое время дня, каким аппаратом. И рисунки присылайте. Вообще все присылайте.

Наконец-то, кляксы в порядке

Ну, наконец-то, все в порядке! Художник Каневский ходит довольный и то и дело улыбается: общими усилиями мы расправились с его своевольными кляксами.

«Вы помните, ребята, в третьем номере журнала мы поместили кляксы в том виде, в каком они убежали из баночки с тушью. Художник Каневский ничего не мог с ними поделать: кляксы его не слушались. Вот мы и придумали тогда обратиться к читателям, чтобы вы сами расставили кляксы по порядку и рассказали, что же тут, собственно, происходит.

Читатели откликнулись горячо. Каждый день почта доставляла нам толстенную пачку писем о кляксах. Мы получили очень много интересных рассказов и стихов. Коля Шабров, из Москвы, рассказал даже о той ссоре, которая произошла между собакой и уткой еще до того, как они кляксами вылились на бумагу. Это именно они, подравшись, раскачали баночку с тушью так, что она опрокинулась.

Женя Федоров, из Смоленска, в своем рассказе определил, что собака, подравшаяся с уткой, принадлежит доктору Каррабелиусу. Уж не говорящая ли это собака Олстон-Мабуби?..

Интересных историй о кляксах очень много. Так жаль, что невозможно их все напечатать. Но две из них мы помещаем.

Мы обещали за самый лучший рассказ премию — годовую подписку на журнал «Пионер». Но хороших рассказов оказалось много, поэтому мы решили дать 3 премии вместо одной. Их получат:

Шура Герасимов (Ленинградская область, Старорусский район, рабочий поселок Парфинского фанерного завода № 2, Комсомольская ул., 99);

Павлов (г. Нерехта, Ярославской области, фабрика «Красная текстильщица»);

Коля Шабров (Москва, Ленинградское шоссе, 12, кв. 20).

Коля, правда, не все рисунки Каневского расставил по местам: он ничего не пишет о драке в конуре. Но все же мы решили колин рассказ напечатать: нам он понравится. Интересно, понравится ли он вам.

Хорошие рассказы и стихи написали также Шура Герасимов, Сема Гольдман, Володя Муравьев, Ваня Новожилов, А. Шмидт, В. Григорьев, Илья Клочков, Лара Сапир, Федя Третьяков, Коля Жуков, Галя Фриде, Шура Шумаков, Флора Гиталис и многие другие ребята.

Как Белошейка проучила Пиф-Пафа

В один из ярких солнечных дней утка Белошейка вывела гулять трех крошечных утят.

Весело плавала Белошейка со своими малышами на большом зеленом пруду. Как вдруг на берегу появился молодой песик Пиф-Паф. Пиф-Паф воображал, что он самый умный и смелый из всех собак. Он был настолько горд, что старался не замечать ничего, происходящего вокруг него, а потому всегда важно смотрел в землю и видел только небольшое пространство перед своим носом. Вот и сейчас, выйдя на берег, Пиф-Паф заметил в воде лишь одного утенка и грозно рявкнул:

— Прочь с глаз моих!

Самый слабый из утят — Пи — так испугался, что перевернулся, выставив из воды свои крошечные лапки. А Белошейка кинулась на обидчика с мужеством, на которое способна только мать.

Пиф-Паф, видя, что дело худо, быстро повернул обратно и поднял свою гордую голову, чтобы найти кратчайшую дорогу к дому. И вот, прижав уши, дрожа от страха, несется Пиф-Паф через кочки и ямы к спасительной конуре. Вот он юркнул в конуру и забился в угол. Но — о ужас! — утка ворвалась за ним. Началась ужасная трепка.

Конура уже трещит. Она сдвинулась с места. Из дыры летят перья, пух и шерсть. Злобно рычит Пиф-Паф. Громко крякает утка.

Драка кончена. Белошейка важно выходит из конуры. Но она потеряла свой прекрасный наряд. А за ней плетется Пиф-Паф. Всклокоченный, вз'ерошенный и без ошейника.

Проучили Пиф-Пафа!

Павлов

Две кляксы

Солнечный зайчик, попрыгав по письменному столу, попал в баночку с тушью.

— Весна!.. Солнышко!..— заговорили, жмурясь от света, капельки-кляксы, составлявшие тушь.— А интересно, какая она такая, весна?

— Ну, замечтали, зашептались!.. — грубо прокрякала клякса-утка. — А я вот возьму да и пойду!

— И я пойду!— залаяла клякса-собака и собралась было гордо вильнуть хвостом, но ничего не вышло: места не оказалось: так плотно были прижаты друг к другу кляксы.

— Тебе нельзя. Я-то утка умная, а ты... кгм... кгм... Ты можешь погибнуть,— не глядя на собеседника, начальственным тоном сказала утка и направилась к выходу.

— Нет, — закричала собака, — я пойду впереди тебя! — и ухватила утку за хвост. А та обернулась и цапнула собаку за нос, да так, что он сразу стал заметно длиннее.

Завязался бой. Бойцы наскакивали друг на друга, толкая соседей. Баночка раскачалась и опрокинулась. Кляксы стали выплескиваться одна за другой. Одни из них, очнувшись от мечтаний, убегали, другие оставались подле баночки.

Утка выплеснулась первая. Только успела она поправить перья, как выплеснулась собака.

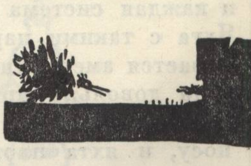
— Ай,— вскрикнула утка и помчалась наутек. Собака за ней.

Утка, чтоб легче было бежать, махала крыльями и вдруг взвилась в воздух.

«Неужели я могу летать? Вот здорово!»— и утка закричала бегущей внизу собаке:

— Эй, ты! Помаши хвостом, может, полетишь.

Утка улетела, а собака долго лаяла ей вслед. Потом отправилась бродить. Усталая и голодная, набрела она на озеро. И там увидела утку, но уже настоящую, а не кляксу. Но собака не разобрала этого и крикнула: — Ага, попалась!

Утка нырнула. Собака прыгнула за ней. Но ведь это была собака-клякса: попав в воду, она сразу растворилась.

Что же случилось с кляксой-уткой? К вечеру она тоже увидела настоящее озеро и настоящих уток. Спустилась к ним и крикнула:

— Принимайте своего товарища!

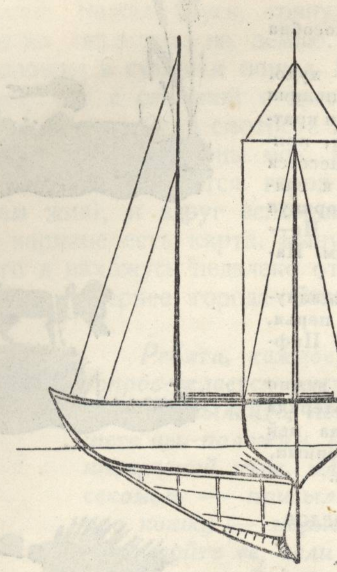
Плавно опустилась она на воду и, конечно, тут же растворилась.

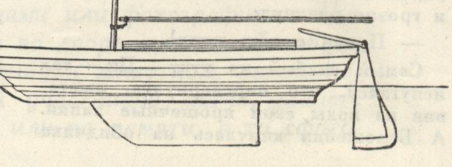
Долго плавали вокруг этого места настоящие, живые утки и удивлялись, куда же пропала утка.

Коля Шабров

Как я сделал яхту

Вооружение яхты.

Яхта сбоку.

Летом 1935 года мне пришла в голову мысль — сделать самому яхту. Этим же летом мне эту мысль удалось осуществить. Всю яхту, кроме корпуса, я сделал своими руками. Корпус у меня был готовый: прогулочная шлюпка на двух человек. Но корпус — это полдела; чтобы сделать из шлюпки яхту, надо приспособить корпус и «вооружить» судно — поставить мачту и паруса. Есть несколько систем парусов, и каждая система носит свое название. Яхта с такими парусами, как у меня, называется американский шлюп. Ходила моя яхта довольно прилично, но я ошибся в расчете: поставил мачту очень близко к носу, и яхта плохо управлялась. К этому лету я сделаю ей капитальный ремонт, передвину мачту немного назад и сошью новые паруса, так что яхта в этом году будет гораздо лучше. Корпус мне пришлось переоборудовать. Сняв оттуда все банки (скамейки), я укрепил на носу и на корме перекладины от борта до борта — бимсы — и к ним прибил палубу, так что нос и корма у моей яхты стали закрытыми. Среднюю, открытую часть я обнес фалшбортами, чтобы при крене вода не заливалась в яхту. Бимсы прикрепил к бортам медными уголками — кницами. Внизу, на дне, пришлось сделать надставку на киль — фальшкиль — это нужно для того, чтобы ветер не сносил яхту в сторону. Фальшкиль идет по воде, как конек по льду: вперед легко, а вбок — не идет, упирается о воду.

Вид сверху.

Прикрепляется он к килю при помощи медных или железных оцинкованных полос. В нижнем конце киля нужно прикрепить чугунную трубу, наполненную мелким камнем, или свинцовую болванку — это для того, чтобы придать яхте большую устойчивость: с тяжелым балластом яхта никогда не перевернется, как ванька-встанька.

Мачта делается из прямослойного, без сучков, дерева. Для предохранения ее от сырости и гниения мачта пропитывается олифой, которая накладывается кистью 5—6 раз. Для мачты в палубе делается отверстие, а на дне ставится деревянный башмак — степс, в который мачта упирается своим нижним концом — шпором.

К мачте крепится при помощи большого кольца гик — деревянный шест, служащий для растягивания нижнего края главного паруса — грота. Верхний край паруса растягивается при помощи такого же деревянного шеста — гафеля. Гик и гафель делаются вдвое тоньше мачты и обязательно шлифуются для того, чтобы не перетирался слаблинь — веревка, которой край паруса крепится к гику или к гафелю.

Второй парус — стаксель — делается треугольным; нижний, передний угол

стакселя крепится к носу яхты, верхний— к мачте, а задний, нижний остается свободным для управления.

Руль выпиливается из доски толщиной в 10 миллиметров и привешивается на крюках за кормой.

Палка для управления рулем — румпель — выстругивается толщиной не менее 30 миллиметров. К рукоятке румпель делается уже, а на конце, для того чтобы рука не соскальзывала, можно вырезать головку утки или еще какую-нибудь фигуру. На другом конце румпеля делается четырехугольное отверстие, в которое должна входить головка руля.

Все веревки (или снасти, как говорят парусники), которые служат для крепления частей парусного вооружения и неподвижно закреплены обоими концами, называются стоячим такелажем.

Стоячий такелаж у моей яхты состоит из одной пары вант снастей, которые с боков удерживают мачту, и двух штагов, которые удерживают мачту с носа и с кормы. Передний штаг идет от верхушки мачты к форштевню и служит также для под'ема переднего, косого паруса — стакселя. Бегучий такелаж, т. е. снасти, служащие для постановки парусов и управления ими. на моей яхте тоже очень простой. Он состоит из двух снастей, поднимающих гафель грота: одна снасть поднимает тот конец гафеля, который соединен с мачтой — эта снасть называется гафель-гардель; для под'ема переднего паруса служит стаксель-фал; другая поднимает свободный конец гафеля и называется дерикфал. Паруса, стаксель и грот шьются из плотной парусины и обшиваются по краям веревкой — лик-тросом. Во все углы парусов вделываются металлические кольца — кренгельсы, а по краям делаются блочки — люверсы — для пропускания сквозь них слаблиня.

Для управления парусами служат шкоты: гика-шкот и два стаксель-шкота.

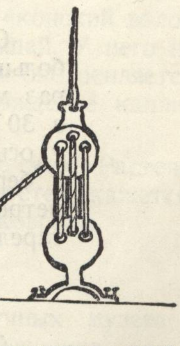
Такую яхту может сделать любой отряд. На ней можно делать небольшие походы и обучаться парусному делу. Мою яхту можно будет видеть этим летом на реке Москве.

Ребята, кто заинтересуется постройкой яхты, пусть пишет в «Пионер», на мое имя. Обращайтесь со всем, что непонятно.

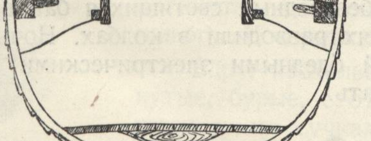
Женя Леонтьев
Москва

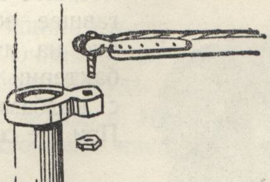
Опалубка яхты

Крепление вант.

Установка бимса.

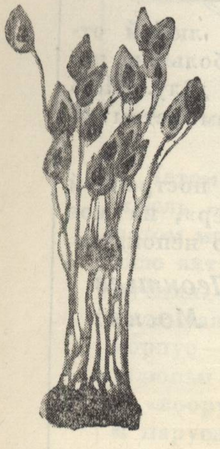
Установка гика.

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах мелких и крупных, видимых и невидимых, близких и далеких, известных и неизвестных

•

Если тонкую стеклянную палочку обмотать смолистым веществом — шеллаком — и прикоснуться к капле хлороформа, то капля, как живая, охватит палочку и медленно «переварит», растворит шеллак. А затем выбросит вон из себя стеклянную палочку.

Такой опыт проделал ученый Бочли. Он нашел, что капля очень похожа на микроскопическое животное — амебу. Она втягивает своими отростками пищу, переваривает ее и выбрасывает непереваримые остатки. Другой ученый, Ледюк, бросил зернышко сахара, смешанного с медным купоросом, в раствор желтой кровяной соли и желатина. И тотчас же в стеклянной чашке начало расти необыкновенное растение. Оно ветвилось, пускало стебли и корни, покрывалось листьями и какими-то странными темными цветами, пока не выпило последнюю каплю раствора из чашки. Это было искусственное растение, состоящее из химических солей.

•

Один ученый задался целью выяснить, у какого животного самые большие глаза. Он вычислил, что глаза человека весят в четыре тысячи раз меньше чем все тело. У большеглазой ласточки вес глаз только в 30 раз меньше веса всего тела. Самые большие глаза оказались у осьминогов. У некоторых из них четверть веса падает на глаза. У берегов Ирландии поймали однажды осьминога с глазами 37 сантиметров в поперечнике. Каждый из его глаз был величиной с большую тарелку.

•

Сорок лет назад в одном южно-немецком городе произошло странное событие: все мясо, продававшееся на рынке, начинало в темной комнате светиться тусклым серебристым светом. Свечение мяса, напугавшее всех жителей, продолжалось несколько месяцев. Оказалось, что на мясе завелись колонии безвредных светящихся бактерий. Эти бактерии во многих лабораториях разводили в колбах. Ночью полка с колбами казалась освещенной бледными электрическими лампами. При их свете можно даже снимать.

•

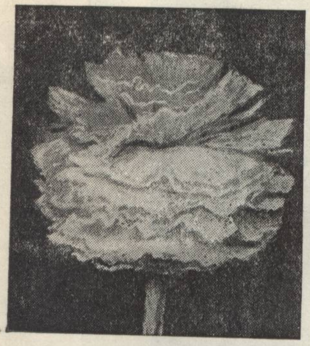
На голых склонах гор Новой Зеландии, на самых недоступных крутизнах, путешественник видит многочисленные стада овец, все время стоящие на одном месте. Как попали туда овцы? Почему они не уходят с этих бесплодных мест?

Но эти «овцы» не могут двигаться: Это — «растения-овцы».

В каждом кусте тесно сплетаются тысячи стебельков. А сверху этот живой клубок прикрыт настоящей «шубой» из многих тысяч белых цветов, тесно прижатых друг к другу.

Никакая буря не вырвет клубок, уцепившийся за землю тысячью корней. Скудная влага удерживается густым войлоком стеблей, как губкой. Белая «шуба» из цветов заметна глазу даже редких насекомых, залетевших высоко в горы. Насекомые садятся на гигантский белый куст и опыляют цветы, сильные только тем, что тысяча их сливается в один.

Так «растения-овцы» отстаивают свою жизнь там, где не растет ничего.

На острове Ямайка растет удивительное дерево, которое назвали «кружевным». Если размочить в воде его ветви, сняв с них кору, то вещество ветвей распускается в тончайшее кружево. Туземцы Ямайки делают из кружевного дерева самую красивую праздничную одежду, шали, украшения для шляп. А европейцы — испанские и английские плантаторы—додумались делать из удивительного дерева только... бичи для черных невольников. Один такой бич, сделанный сто лет назад, хранится до сих пор в лондонском ботаническом саду.

Леса, похожие на лабиринт пещер, с потолка которых свешиваются самые причудливые сталактиты, растут во Флориде, в Соединенных штатах. Но сталактиты в этих живых пещерах — темнозеленые, они опутывают ветви словно паутиной, висят сосульками, соединяются вместе в длинные занавесы.

Эти сталактиты живые. Это — растение «конский волос». Больше всего оно похоже на северный бородатый лишай. У него нет корней, а только зеленые нити с крючками, которыми оно цепляется за ветви.

Единственная пища растения-волоса — дождевые капли, приносящие с собой немного растворенной пыли.

Самое удивительное, что это совсем не мох. Растение-волос — ближайший родственник ананаса. Когда оно цветет, кажется, что весь лес оплетен гирляндами и убран расшитыми коврами.

В одном из московских естественно-научных музеев экскурсия школьников остановилась около проволочного ящичка.

— Вот здесь,— сказал экскурсовод,— вы видите десять насекомых палочников.

Но школьники не увидели ничего. В ящике стояла сухая веточка, воткнутая в песок. Там не было ни палочников, ни вообще ничего живого. И спрятаться палочникам тоже было некуда.

Вдруг несколько сучков на ветке зашевелилось. Неподвижно вытянутые, бурые, с откинутыми лапками, палочники изумительно подражали сухим сучкам.

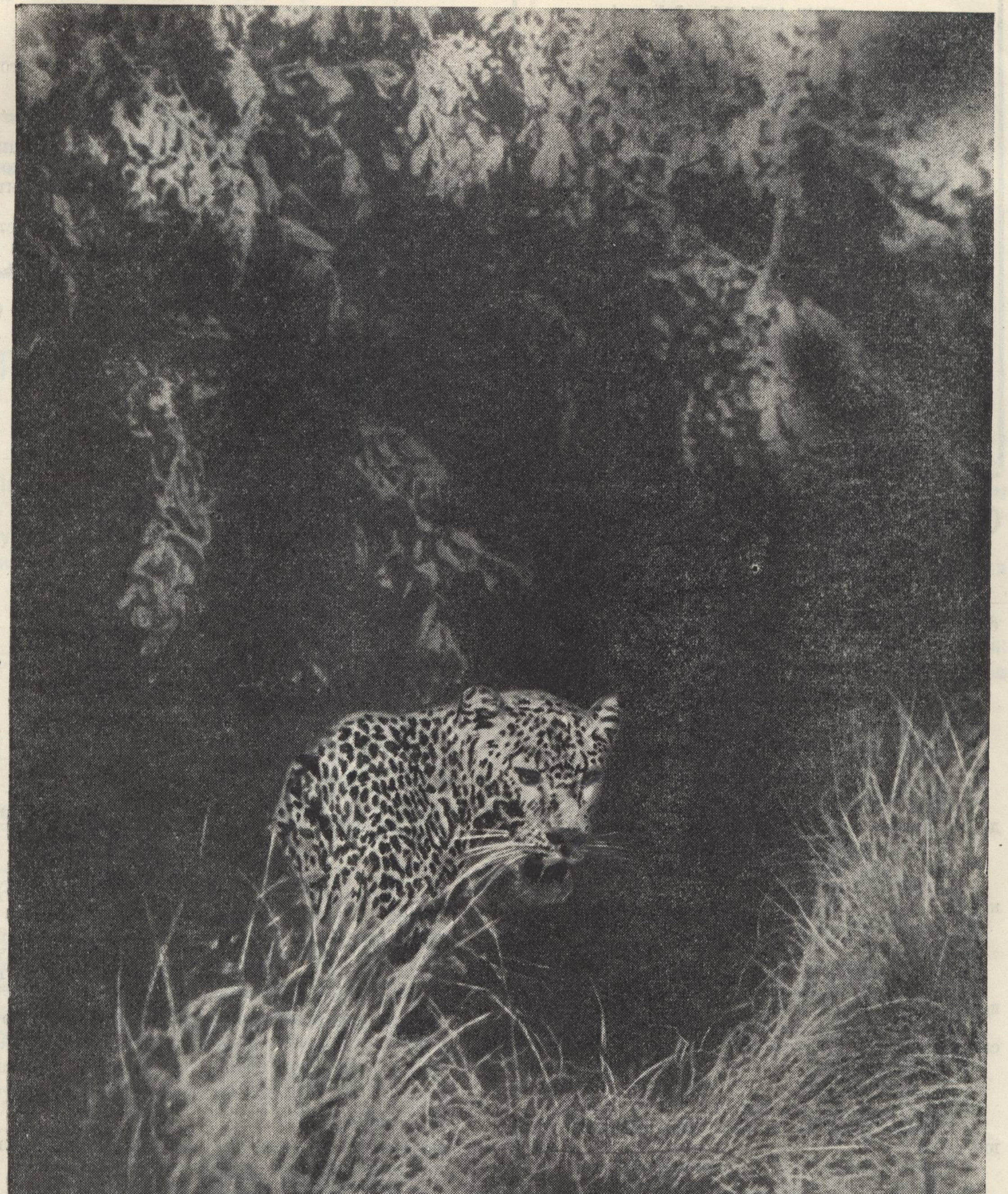
Их не могли найти школьники, не могут найти и враги. Мимикрия, «гримировка» под сучки спасает им жизнь.

Есть бабочки, в точности похожие на лист, на лишай на коре, раскрашенные «под мрамор» и «гримирующиеся» под ядовитых ос. Клопы, подражающие паукам, гусеницы, сходные с цветущими сережками вереска.

Как это сняли льва и львицу так близко? Почему они не убежали или не растерзали фотографа?

Дело об'ясняется просто: львы никогда не видели автомобиля, и потому они не боятся его. Сидя в автомобиле, можно снимать их с самого близкого расстояния. Хищники не понимают, что к ним в машине приближается человек. Они остаются на месте и с любопытством рассматривают непонятное явление.

...Пользуясь автомобилем, можно было бы охотиться на хищников без промаха, но это было бы похоже на бойню, а не на охоту. И никто не употребляет этого способа для истребления животных. Автомобилем пользуются только ученые исследователи для того, чтобы снимать зверей в их естественной обстановке.

ТУТ-ИТАМ № 1

Журнал „Пионер“ я прочитал. Теперь посмотрите, какой журнал будет у меня.

Вот его содержание:

Странный случай

Это рассказ

К одному доктору пришел низенький человек, снял шляпу, потоптался немного в дверях и сказал:

— Доктор, меня укусила курица.

— Что?—удивился доктор.

— Курица...

— Может быть, клюнула, заклевала?

— Да, очень может быть. Клюнула...

— Ну и что же?

— Ничего.

Человек сел на стул и кротко уставился на докторскую лысину. Доктор пожал плечами.

— Я не понимаю. Может быть, больно?

— Да. Очень больно.

— Странный случай. Может быть, она бешеная?

— Кто бешеная?

— Курица.

— Какая курица?

— Да ваша курица, ну которая вас кусала!—воскликнул доктор.

— Да, наверное, бешеная. Или так просто смеялась. Они часто смеются...

— Кто смеются?

— Курицы.

Доктор пожал плечами.

— Какие глупости вы говорите! Покажите лучше язык.

— Чей?

— Да ваш же, конечно!

— Сейчас покажу.

Человек полез в карман, потом принялся рыться в бумажнике.

— Что вы ищете?—спросил доктор.

— Язык.

— Язык должен быть во рту, а не в кармане, чорт возьми!—закричал доктор.

— Ах, да!—смутился человек.—Простите, пожалуйста.

Он полез в рот, принялся там шарить рукой и вдруг удивленно посмотрел на доктора.

— У меня нет языка,—сказал он.

— Как нет языка? Куда же он девался?

— Не знаю. Вы простите, действительно сегодня что-то странное...

— Дайте-ка я вам найду язык.

Доктор открыл ему рот.

— Вот же ваш язык! Вы что, боитесь его показать что ли?

— Да.

— Почему?

— Я боюсь, он замерзнет. У вас тут холодно.

— Слушайте, гражданин!—закричал тут доктор в нетерпении.—Вы пришли, наверное, смеяться. А у меня и без вас дел очень много!

Человек сильно покраснел и заерзал на стуле.

— Нет, правда, доктор,—сказал он,—меня укусила курица. Теперь я не знаю, что делать...

— Ну расскажите, как это было.

— Так. Я шел по бульвару, а она играла с ребятишками в шахматы...

— Как так в шахматы?!

— Так. А потом говорит мне: «Постойте, гражданин».

— Подождите! Прекратите эту ерунду! Курица говорит! Курица играла в шахматы! Что вы мне чушь городите!—завопил опять доктор.

— Да... Собственно, нет... — заволновался человек.—Простите, собственно, совсем не она играла в шахматы... Ну вот, я иду...

— Постойте! Расскажите-ка лучше, долго это она вас так... клевала?

— Да, очень долго.

— Ну сколько?

Человек подумал.

— Дня два.

— Что?! Курица вас клевала два дня! Да где же все это время вы были?

— А меня не было.

— Послушайте, гражданин! Курица вас кусала, продолжалось это два дня, и вас в это время не было—это какая-то сплошная чепуха!

— Да, это действительно странно,—согласился человек. Значит, этого не могло быть?

— Никак!—воскликнул доктор.

— Мне тоже так кажется. Сейчас я даже почти уверен, что этого не могло быть. Благодарю вас, доктор,—сказал человек, взял шляпу и, все время кланяясь, ушел из комнаты.

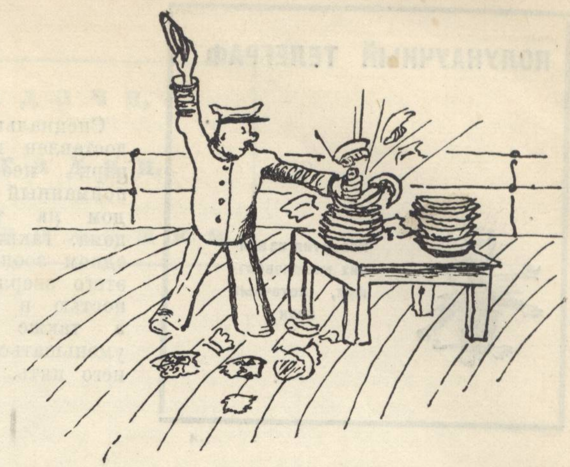
Вот и все. А мораль здесь такая, что куры никогда не могут кусаться.

На суше и на море

Приключения под всеми широтами

Пропавший якорь

Бой склянок.

Пароход «Санта Мария» шел на всех парусах. Внизу кочегары обливались потом, зато на палубе было тихо и прохладно. Встречный ветер звенел в парусах и гнал судно со скоростью ста

Стою на вахте.

Отдай якорь.

узлов. Питер всю ночь простоял на вахте, и под утро ноги у него так устали, что он решил посидеть на ней. Но не успел он устроиться поудобнее, как на палубу выскочил боцман.

Он долго и усердно искал что-то, но поняв, наконец, что поиски не приведут ни к чему, с кулаками набросился на Питера.

Боцман стал на нос.

— Отдай якорь,—закричал он. — Немедленно отдай якорь, а то я вздерну тебя на бом-брамстеньге!

П и т е р сдрейфовал. Ему вовсе не хотелось висеть на бом-брамстеньге, но отдать якорь он не мог, он не брал его...

Тогда, видя, что угрозы не помогают, раз'яренный боцман встал на нос и с ожесточением принялся бить склянки. Он бил их одну за другой. Осколки со звоном разлетались по палубе и падали за борт, в мутную воду. Но и это не помогло.

Тогда боцман пошел к капитану и доложил о необыкновенной пропаже.

Капитан долго сосал толстую сигару, перелистывал вахтенный журнал и ворчал. Вдруг он ударил кулаком по столу и со страшным смехом воскликнул:

Якорь брошен в Рио-де-Жанейро.

— Ха! Старый осел! Чего ты ищешь? Ведь мы же бросили якорь месяц назад, когда пришли в Рио-де-Жанейро!

Услышав это, Питер успокоился, залез на марс и лег там на новый курс. До утра он пролежит спокойно...

(Продолжения не следует)

ПОЛУНАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Известия из всяких малоизвестных, неточных наук

ЗВЕРОГРАФИЯ

Необыкновенный зверь

Специальной экспедицией доставлен в Московский зоопарк необычайный зверь, пойманный с большим трудом на трубе тутитамьего дома. Таких зверей нет ни в одном зоопарке мира. Зрачки этого зверя обладают способностью в темноте светиться, а также увеличиваться и уменьшаться. Конечностей у него пять. Если провести рукой против шерсти зверя, то из нее летят электрические искры. Зверь способен совершать прыжки впятеро выше своего роста. Ходит он совершенно неслышно. Расцветка шерсти его трехцветная. Звук его голоса трудно воспроизвести, но точнее всего его можно передать звуком «мяу».

ЧУЧЕЛОГИЯ

ОЖИВЛЕНИЕ ТИГРОВ

Из Камуфляндии сообщают, что главный камуфляндский академик — доктор чучелогии Гвардафуон — проделал чрезвычайно удачные опыты по оживлению чучел зверей из меховых магазинов путем замены их внутренностей особым механизмом.

Особенно удачно прошло оживление чучела тигра из витрины мехового магазина на стритштрассе. Тигр стал совершенно как живой и в заключение опыта с'ел профессора на глазах у ассистентов.

Опыты продолжаются.

РАЗНЫЕ ЗНАНИЯ

Коньки на экваторе

Жители экваториальной Африки очень ценят зимний спорт. Особенно любят они коньки и лыжи. Но так как, к сожалению, там никогда не бывает снега, то жителям не приходится кататься на коньках. Вообще отсутствие зимних холодов вызывает много неудобств: нет зимних каникул, не бывает ледохода, температура никогда не бывает ниже нуля, так что нижняя половина термометров пропадает даром.

НЕБОВЕДЕНИЕ

Мальчик и луна

Два профессора Каламалабарской академии неточных наук наднях устроили научный диспут о том, как далеко видит человеческий глаз.

Один утверждал, что на двадцать пять километров, другой, — на двадцать семь. Для решения спора Каламалабарская академия послала в открытое море корабль и велела ему уйти за горизонт, а потом двигаться к берегу.

— Вижу! — закричал первый профессор, как только кончик мачты показался из-за горизонта.

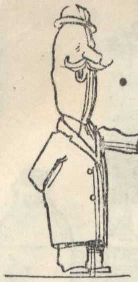
Это было как раз двадцать пять километров.

Во время присуждения первому профессору большой каламалабарской медали за научное открытие какой-то мальчик высказал предположение, что профессор соврал, так как до луны больше 25 километров, а ее видно.

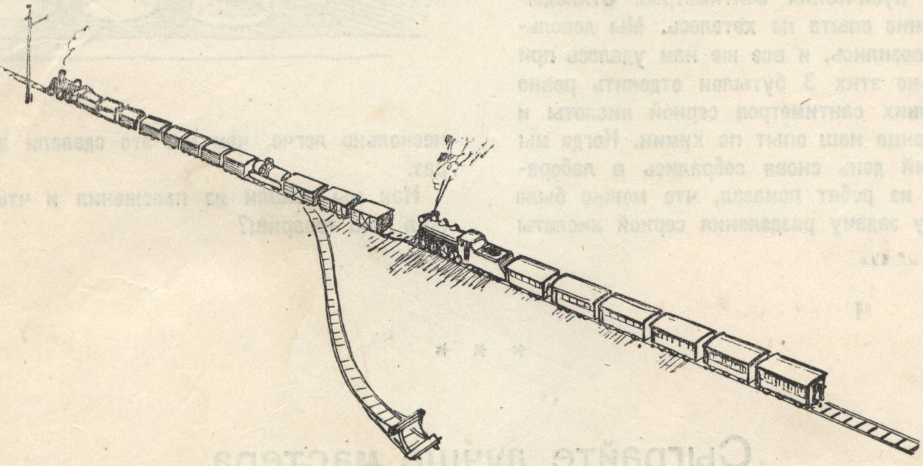
Мальчика высекли.

Когда после сечения он спросил, за что, ему ответили следующее:

— Лучше высечь одного мальчика, чем опозорить целую академию.

Задачи, Загадки, Головоломки

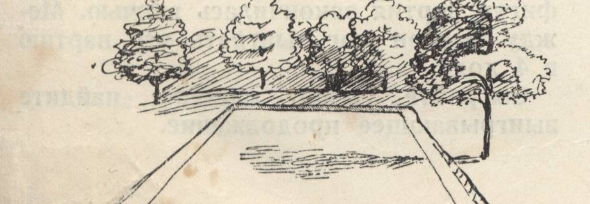
РАСПОРЯЖЕНИЕ ДИСПЕТЧЕРА

Начальник раз'езда получил распоряжение диспетчера задержать у себя на раз'езде товарный поезд и пропустить вперед пассажирский. «Не могу выполнить ваше распоряжение, — заявил начальник раз'езда, — у меня свободен только один тупик, на котором не помещается состав товарного поезда. Придется товарный поезд пустить вперед до следующей станции».

Диспетчер повторил свое распоряжение и об'яснил, как оно должно быть выполнено.

Что предложил сделать диспетчер?

Мяч на площадке

Наш мяч залетел на четырехугольную площадку. Площадка окружена рвом, ширина которого всюду одинакова. Мы нашли две доски. Длина каждой доски оказалась точно такой же, как ширина рва. Повидимому, эти доски служили меркой при рытье этого рва. Все же нам удалось по этим доскам пробраться через ров и достать свой мяч. Как мы это сделали?

В ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

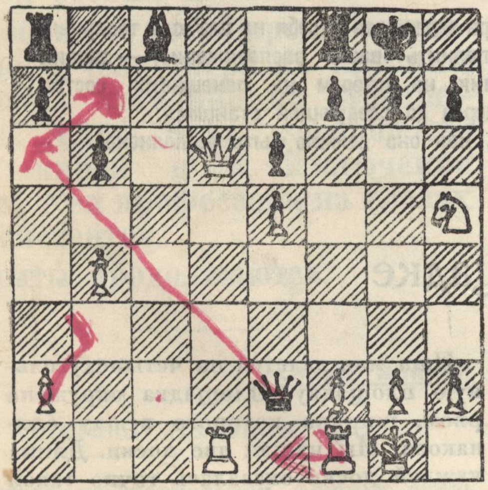

Наша химическая лаборатория была еще очень плохо оборудована: не было мензурок, да и вообще было очень мало посуды. Для проведения опыта нам нужно было из бутылки, в которой находилось 420 кубических сантиметров серной кислоты, отлить ровно половину. Были у нас еще 2 бутылки: одна вместимостью в 270 кубических сантиметров кислоты, а другая—в 120 кубических сантиметров. Откладывать порведение опыта не хотелось. Мы довольно долго провозились, и все же нам удалось при помощи только этих 3 бутылок отделить ровно 210 кубических сантиметров серной кислоты и довести до конца наш опыт по химии. Когда мы на следующий день снова собрались в лаборатории, один из ребят показал, что можно было решить нашу задачу разделения серной кислоты несколько легче, чем мы это сделали в первый раз.

Как мы вышли из положения и что предложил наш товарищ?

* * *

Сыграйте лучше мастера

В седьмом туре третьего московского международного шахматного турнира 22 мая этого года в партии Левенфиш (Ленинград) — Рюмин (Москва) после 26 ходов получилось положение, изображенное на диаграмме.

Белые: Крg1, Фd6, Лd1 и f1, Кh5, пешки: a2, b4, e5, f2, g2, h2 (11)

Черные: Крg8, Фе2, Ла8 и f8, Сс8, пешки: a7, b6, e6, f7, g7, h7 (11).

Мастер Левенфиш сыграл здесь: 27. Кh5—g3 и после размена нескольких фигур партия закончилась вничью. Между тем он мог выиграть эту партию в 4 хода.

Сыграйте лучше мастера: найдите выигрывающее продолжение.

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ**

Сдано в набор 22/VII 1936 г. Подписано к печати 16/VIII 1936 г. Изд. № 778. 1/16 листа. Формат 82×110 см.

Уполномоченный Главлита № Б–26680 82×110–1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 1545. Тираж 75 000.